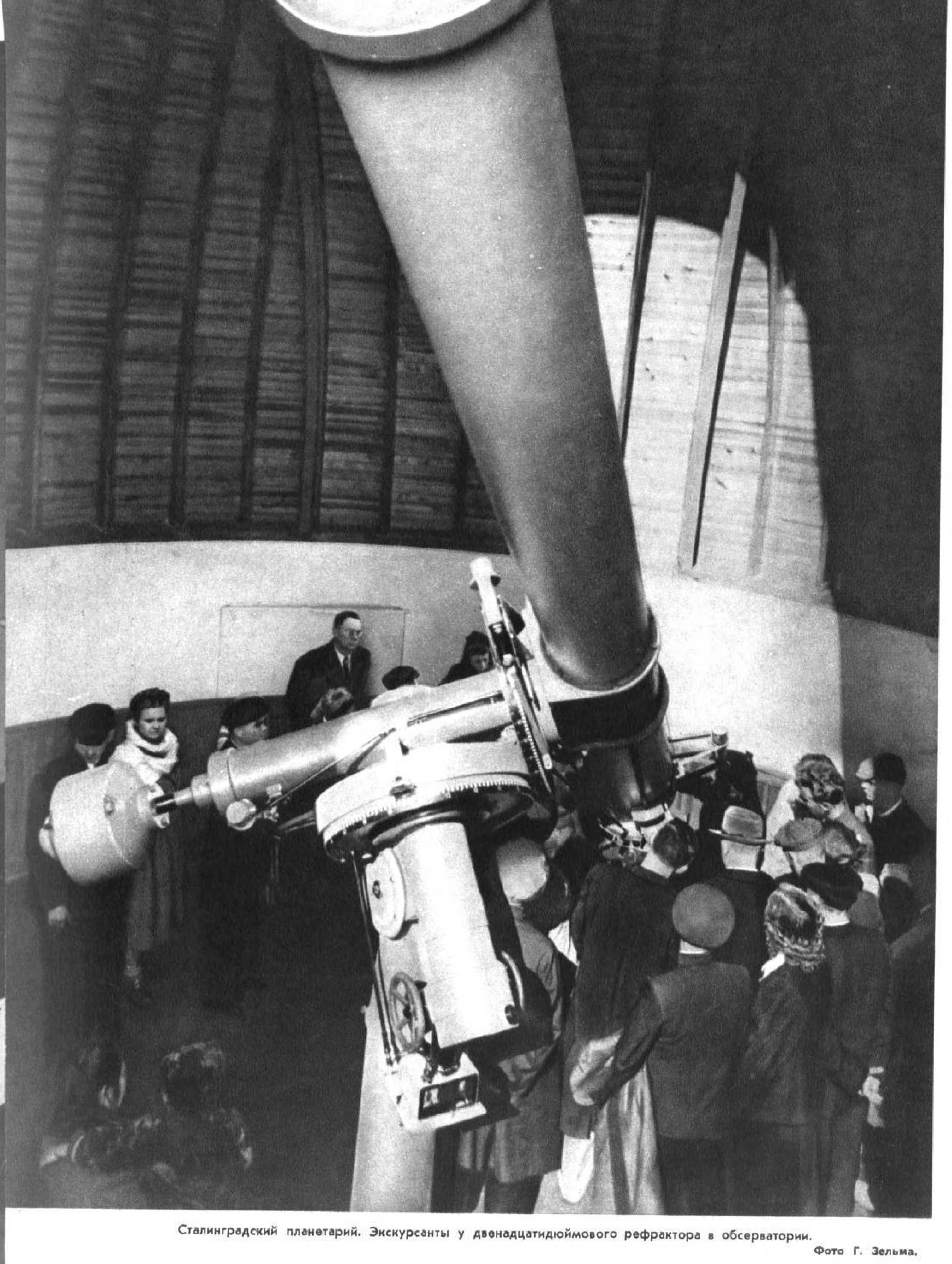

ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сталинградский планетарий. Экскурсанты у двенадцатидюймового рефрактора в обсерватории.

Фото Г. Зельма.

На первой странице обложки: Отважные альпинисты Юрий Иванов и Вонслав Миловановнч спускаются в кратер Авачинского вулкана (см. в номере репортаж «В кратере действующего вулкана»).

Фото В. Темина.

На последней странице обложки: Золотая осень.

Фото М. Савина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 42 (1531)
14 ОКТЯБРЯ 1956
34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

БОЛЬШЕ ОВОЩЕЙ!

В нынешнем году не только хлеборобы радуют Отчизну большими успехами. Из различных концов страны поступают рапорты животноводов, овощеводов... В числе первых досрочно выполнили план заготовок и закупок картофеля колхозы и совхозы Московской области. Среди тех, кто вырастил в Подмосковье высокий урожай овощей,— сельхозартель имени Ворошилова. Здесь в лучших бригадах получено с гектара свыше семисот центнеров моркови. Колхоз досрочно завершил план заготовок овощей.

Передовые колхозники артели имени Ворошилова (слева направо): И. П. Шилин, А. Л. Страхова, К. А. Дронов и К. Н. Сосунова на уборке моркови.

Фото Я. Рюмкина.

КАЗАХСТАНСКИЙ МИЛЛИАРД

На току совхоза «Орджоникидзевский» Кустанайской области. Совхоз уже сдал государству 39 тысяч тонн зерна при плане в 19 тысяч тонн.

Фото И. Тункеля.

Председатель Совета Министров Казахской ССР
Д. А. КУНАЕВ

Труженики сельского хозяйства Казахстана с честью выполнили свое обязательство — дать Родине миллиард пудов хлеба. Председатель Совета Министров республики Димаш Ахметович Кунаев рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Неслыханно богатый урожай выращен в степях Казахстана.

Могучей сельскохозяйственной техники, которой оснащены машинно-тракторные станции и совхозы республики, оказалось недостаточно для уборки хлеба. Но Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство СССР оказали казахским хлеборобам огромную помощь. Из Украины и других республик были срочно направлены 12 700 комбайнов с комбайнерами, 29 тысяч лафетных жаток, 52 тысячи грузовых автомобилей, множество зерносушилок, зерноочистительных и других машин.

Опираясь на эту помощь, колхозы и совхозы добились выдающихся успехов: уборка хлеба проведена в гораздо более короткие сроки, чем когда-либо в прошлые годы.

Говоря о миллиарде пудов, я имею в виду хлеб товарный, принятый государством согласно существующим кондициям.

Валовой же сбор зерна гораздо больше. Колхозы и совхозы еще к 1 октября засыпали около 26 миллионов центнеров зерна на семена. Много миллионов пудов хлеба оставлено для страхового фонда и раздачи колхозникам на трудодни.

Дружба советских народов нашла яркое выражение на полях Казахстана в эти горячие дни. Посланцы РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Латвии и других братских республик своим самоотверженным трудом внесли неоценимый вклад в борьбу за выполнение социалистических обязательств хлеборобов Казахстана. Братскую солидарность в уборке урожая проявила и молодежь Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии. Трудящиеся Казахстана никогда не забудут этой дружеской поддержки.

В успешном решении трудной задачи важную роль сыграла широко разветвленная сеть глубинных заготовительных пунктов, которые возникли в необычайно короткое время. Без них нельзя было обойтись. Многие совхозы и колхозы расположены на большом расстоянии от пристанционных заготовительных складов и элеваторов. Даже при наличии огромного парка автомобилей вывозка хлеба из-под комбайнов на пристанционные заготовительные пункты неизбежно затянула бы уборку и нанесла бы непоправимый ущерб. В связи с этим и были открыты глубинные заготовительные пункты. 60 тысяч автомобилей, освободившись от перевозки зерна из-под комбайнов, переключены на вывозку зерна из «глубинок» на пристанционные пункты.

Благодаря мудрой политике Коммунистической партии Казахстан превратился в крупнейшую житницу страны. Поднято 20 миллионов гектаров целинных земель, а посевная площадь с 9 746 тысяч гектаров в 1953 году увеличилась до 27,6 миллиона гектаров в 1956 году. По основной продовольственной культуре — пшенице — посевная площадь за это время возросла с 4,6 миллиона гектаров до 18,4 миллиона гектаров. Еще совсем недавно Казахстан даже не принимали всерьез в хлебном балансе Союза: ведь его доля составляла всего каких-нибудь 2 процента в общих заготовках хлеба. А теперь казахский миллиард означает примерно столько зерна, сколько сдала республика за 10 лет.

Резко увеличилось сельское население республики: за 1954—1955 годы оно выросло почти на миллион человек. Многие из них — новоселы-добровольцы, которые, героически работая, превратили веками пустовавшие земли в плодородные поля.

В освоении целинных земель и увеличении производства зерна в республике ведущее место заняли вновь организованные 337 совхозов. Из казахстанского миллиарда свыше 500 миллионов пудов сдали совхозы. Кстати, производимое ими зерно намного дешевле колхозного. И не случайно подавляющее большинство зерновых совхозов в этом году выручили за продукцию столько денег, что почти полностью покрыли все, что было затрачено на их организацию.

Значительно поднялись доходы колхозов, и резко повысилось благосостояние колхозни-

МЕКСИКАНСКИЙ ХУДОЖНИК О СВОЕЙ БЕСЕДЕ С ПРЕЗИДЕНТОМ ЕГИПТА

Давид Альфаро Сикейрос.

Известный мексиканский художник Давид Альфаро Сикейрос, направляясь в Китай, остановился на несколько дней в Москве. Перед этим Сикейрос провел две недели в Египте, где встретился с президентом Египетской республики Насером. Господин Сикейрос любезно согласился рассказать об этой встрече читателям «Огонька».

Прежде всего мы заинтересовались причинами, побудившими художника отправиться в Египет. Сикейрос сказал:

— Я хотел бы ответить на этот вопрос вопросом: разве может мексиканец оставаться безучастным к национально-освободительной борьбе любого народа, если вся история Мексики XIX и XX веков — это история борьбы за независимость? Вполне естественно, что я, как мексиканец, не мог остаться равнодушным к событиям, связанным с национализацией Суэцкого канала. Хотя у меня были на руках приглашения правительств Китая, Японии и Индии, я решил отложить поездку в эти страны, сменить на время кисть художника на перо журналиста и направился в Египет.

Сикейрос задумывается, как бы припоминая то, что он увидел в Египте, и затем продолжает:

— Внутреннее положение Египта мне чрезвычайно напомнило ситуацию, свидетелем которой мы, мексиканцы, были в 1938 году, когда наше правительство национализировало нефтяные промыслы, ранее принадлежавшие двум крупнейшим нефтяным монополиям: «Стандарт Ойл» и «Ройял Датч». Я увидел, что египетский народ един в своем стремлении бороться за независимость до победного конца: богатые и бедные, мусульмане и христиане, либералы и социалисты — все образуют мощную национальную коалицию. Я не заметил в Египте нервозности, но встретил спокойствие, я не видел в Египте агрессивных настроений, но обнаружил твердую решимость бороться против любой агрессии. Короче говоря, я собственными глазами убедился в том, что египтяне хорошо понимают, что их основное оружие — это национальное единство.

В ответ на просьбу рассказать подробнее о беседе с

ков. В Кустанайской, Акмолинской, Кокчетавской и в других областях многие колхозы за сдачу и продажу хлеба получили по 7—8 миллионов рублей каждый, а колхозники — от 8 до 15 рублей и по 2—3 килограмма зерна на трудодень.

Труженики сельского хозяйства республики, закончив уборку пшеницы и выполнив свои обязательства перед государством, свое внимание сосредоточили на других неотложных работах. Надо своевременно завершить уборку риса и кукурузы. Площадь посева кукурузы значительно увеличилась и достигла 1 845 тысяч гектаров.

Однако наиболее ответственным делом является уборка технических культур, в частности хлопка. И здесь я рад отметить известные успехи. На 1 октября заготовлено хлопка-сырца вдвое больше, чем к этой дате в минувшем году. Также выше прошлогоднего темпы копки и сдачи сахарной свеклы. Есть все основания надеяться, что сдача этих культур государству будет закончена досрочно.

Принимаются также все меры к своевременной уборке урожая овощей и картофеля, чтобы обеспечить ими жителей городов и промышленных центров.

Скажем еще о животноводах Казахстана. Уже имеется немало хозяйств, успешно выполнивших обязательства по сдаче государству молока, мяса и шерсти.

Наступили решающие дни подготовки к зимовке скота. Люди самоотверженно форсируют строительство животноводческих помещений, собирают гуменные корма, завершают заготовку сена, закладывают силос. Республика располагает всем необходимым для обеспечения скота достаточным количеством грубых и сочных кормов.

Все это — ближайшие оперативные дела колхозов, МТС и совхозов. Но самая главная их задача заключается в том, чтобы прочно закрепить достигнутый уровень производства зерна. В этом основа основ.

Как сохранить плодородие поднятых целинных земель? В настоящее время ученые Казахстана разрабатывают систему ведения земледелия, и в ближайшее время колхозы и совхозы практически возьмутся за ее осуществление.

Другой не менее важный вопрос — улучшение семеноводства. Этим делом в настоящее время занимаются научные учреждения и опытные хозяйства республики. Посевы зерновых культур на всей площади будут производиться только сортовыми семенами. Каждая климатическая зона республики получит свои сорта.

Машинно-тракторные станции и совхозы располагают огромной техникой. Стоит задача — обеспечить бережную эксплуатацию, грамотный ремонт и надежное хранение машин. Поэтому мы уделяем серьезное внимание повышению квалификации трактористов, комбайнеров и рабочих ремонтных мастерских.

Предстоят еще обширные строительные работы. Строительство в совхозах далеко еще не закончено, необходимо возвести много элеваторов, зерноскладов, сушилок, сараев, навесов и гаражей для тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин; построить много ремонтных мастерских, школ, больниц, клубов.

На целинных землях живут и трудятся десятки тысяч славных патриотов. Сельскохозяйственные органы, МТС и совхозы, профсоюзные организации должны приложить все усилия, чтобы создать труженикам целинных земель хорошие бытовые условия.

Практика этого года со всей очевидностью показала, что в районах освоения целинных земель имеют исключительно важное значение автомобильные дороги. Даже маленький дождь буквально парализует работу автомобильного транспорта по вывозке зерна из глубинных пунктов. Между тем дорожное строительство осуществляется крайне медленно. В самое ближайшее время все районы освоения целины должны иметь дороги, годные для автомашин.

Жизнь внесла существенные поправки в работу железнодорожного транспорта. Созданные на целине узкоколейные железные дороги оказались маловыгодными для вывозки зерна. Во-первых, подвижной состав этих линий имеет незначительную емкость, во-вторых, по узкоколейным железнодорожным линиям хлеб доставляется на перевалочные пункты, где его перегружают в вагоны широкой колеи. Назрел вопрос о перешивке узкоколейных линий на широкую колею.

Многие совхозы, колхозы и МТС, расположенные за сотни километров от ближайших административных центров, еще не имеют проволочной и радио-телефонной связи. Это чрезвычайно мешает работе, особенно в период напряжения на полях. В организации связи в районах целины Казахстану действенную помощь должно оказать Министерство связи Союза ССР.

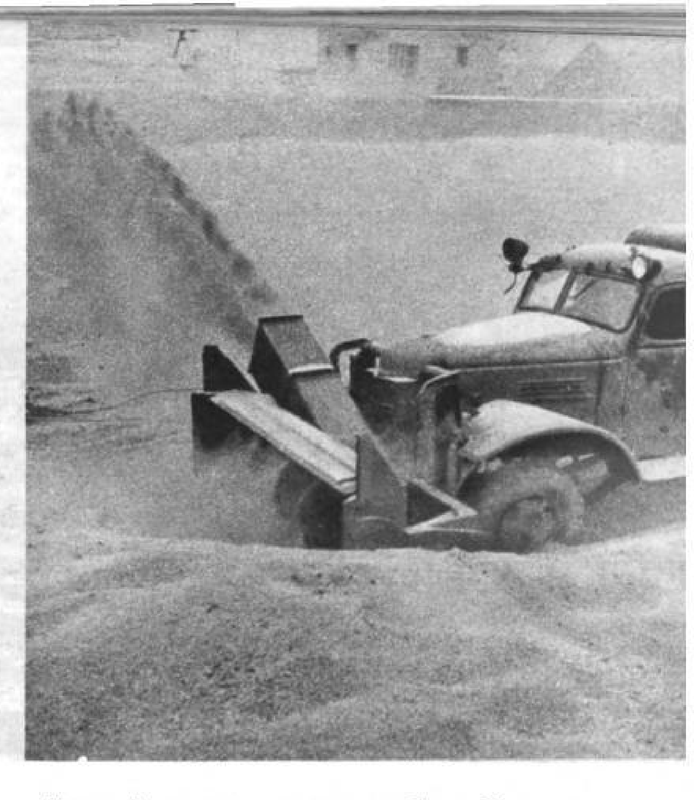
Чем раньше будут осуществлены эти и другие мероприятия, тем раньше мы завершим всестороннее освоение целинных и залежных земель.

Хлопкоробы и все трудящиеся республики с глубоким удовлетворением встретили Постановление ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР об освоении земель Голодной степи для увеличения производства хлопка. В течение 1956—1962 годов нам предстоит поднять 100 тысяч гектаров целины в Голодной степи и ежегодно производить здесь не менее 85 тысяч тонн хлопка-сырца. С этой целью будут проложены каналы и оросительная сеть, 200 километров автомобильных дорог и созданы 11 хлопководческих совхозов, 4 машинно-тракторные станции. В шестой пятилетке предстоит также расширить посевы сахарной свеклы и других технических культур.

Особо ответственная задача стоит перед советскими, сельскохозяйственными органами, колхозами, МТС и совхозами Казахстана в развитии животноводства. В шестой пятилетке животноводы республики должны увеличить по сравнению с 1955 годом производство мяса в 1,5 раза, молока — в 2,2 раза, шерсти — в 2,6 раза.

Казахстан станет крупным производителем тонких и полутонких шерстей, столь необходимых промышленности. Имеются огромные массивы земель, особенно в долине Иртыша, пригодные для круглогодового содержания овец. На этих землях можно создать 150—200 крупных овцеводческих совхозов.

Высокая оценка партией и правительством героической работы тружеников сельского хозяйства воодушевляет их на новые подвиги во имя нашей любимой Родины.

Мощный поток целинного хлеба побудил к своеобразному использованию техники. В Кустанайской области на подработке и погрузке зерна применили 15 роторных снегоочистителей. Роль их несколько необычна: мощной струей зерно перебрасывается на 10—15 метров, одновременно очищается и подсыхает. На Кустанайской перевалочной базе с помощью снегоочистителей производят также погрузку зерна в железнодорожные вагоны. Делается это так: снегоочиститель подходит к кромке бунта и мощной струей воздуха подает зерно в настежь распахнутые двери вагона. Таким образом, на погрузку вагона затрачивается не два часа, как обычно, а только 20 минут.

Фото Ю. Немова (ТАСС).

В Кара-Калпакию и Хорезм ежемесячно поступают десятки тысяч тонн зерна нового урожая, выращенного на целинных землях Казахстана и Алтая. По Аму-Дарье зерно транспортируется в Ходжейли, Тахиа-Таш, Турткуль, Шаббаз. Выгрузка зерна механизирована.

Только одна пристань Тахиа-Таш со стационарной норийной установкой в сентябре перегрузила из барж на Ашхабадскую железную дорогу более 8 тысяч тонн зерна с целинных земель Казахстана. Зерно это предназначено хлопкоробам Кара-Калпакии и Хорезма для выдачи им на трудодни.

Фото Н. Медведева.

президентом Насером, Сикейрос сказал:

— Президент принял меня во Дворце революции, беседа длилась полтора часа. Я спросил, как расценивает президент тот факт, что большинство населения стран Латинской Америки с симпатией относится к национализации египетским правительством Суэцкого канала. Президент Насер ответил:

— Народы латиноамериканских стран хорошо знают, что египетский народ борется не только в защиту своего собственного суверенитета или суверенитета всех арабских стран, но и в защиту всех угнетенных народов мира. Народы Латинской Америки хорошо знают, что наши враги — это их враги. Поэтому совершенно естественно, что они поддерживают египетский народ.

Затем я попросил президента Насера высказаться по поводу заявлений о неспособности египетского правительства поддерживать нормальное судоходство по Суэцкому каналу. Вопрос этот представлялся мне интересным потому, что в свое время точно такое же обвинение было выдвинуто против мексиканского правительства в момент национализации нефтяной промышленности. Президент ответил, что национализация Мексикой своей нефтяной промышленности, точно так же как национализация любой отрасли экономики, осуществленная любой латиноамериканской страной, может подвергнуться опасности, если борьба египетского народа не увенчается успехом. Мексика в течение 18 лет вопреки предсказаниям ее врагов с успехом развивает свою нефтяную промышленность. Мы тоже успешно осуществляем проход судов через Суэцкий канал и не только думаем, что справимся с управлением каналом, но намереваемся усовершенствовать его с тем, чтобы он еще лучше служил всему человечеству.

— Наш народ,— сказал президент Насер,— испытавший на себе ужасы колониального и империалистического гнета, полон решимости завоевать свою независимость и превратить свою страну в сильную индустриальную державу.

В заключение я спросил:

— Как Вы относитесь к идее присоединения республик Латинской Америки к принципам Бандунгской конференции?

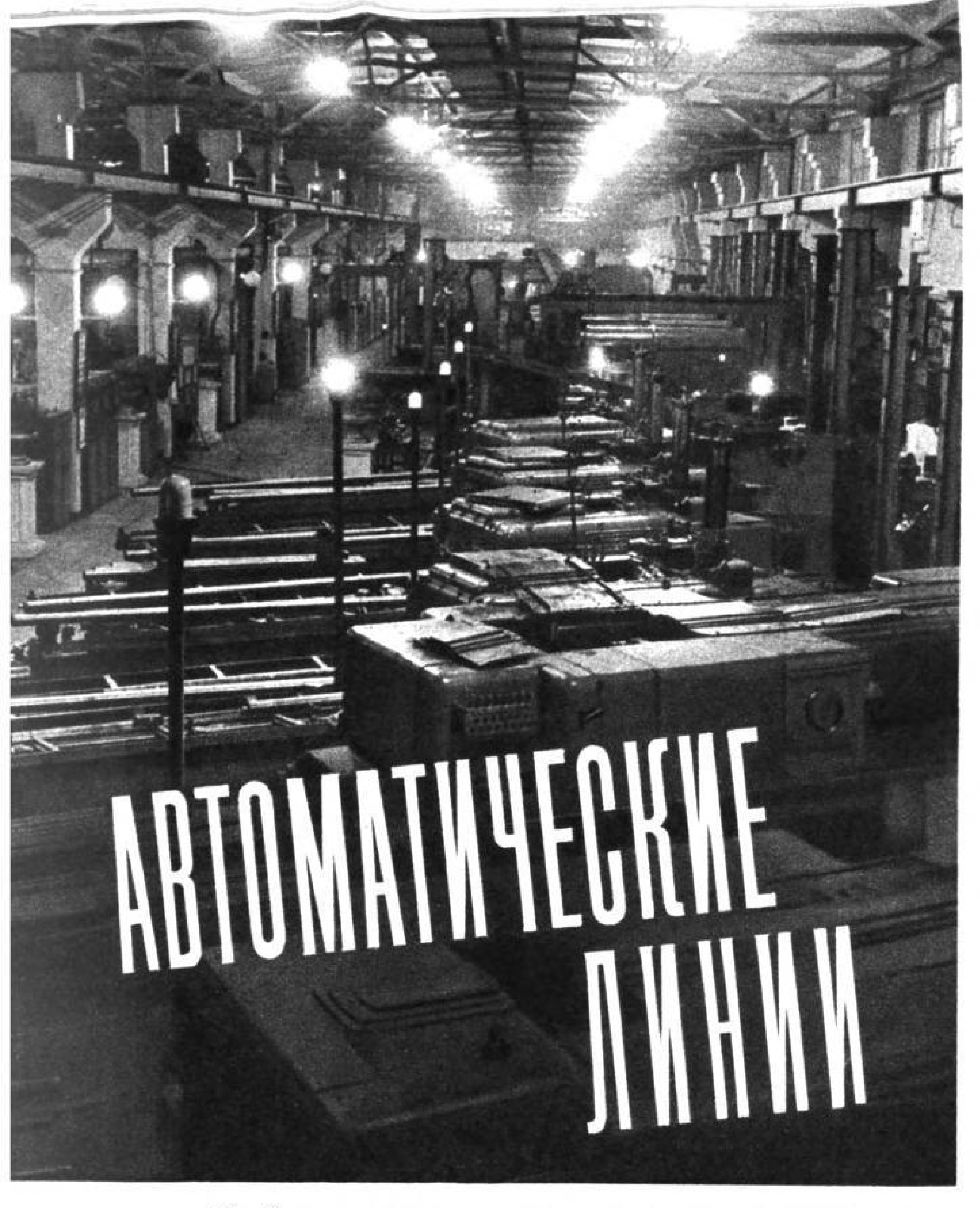
Президент Насер, отметив, что на Бандунгской конференции восторжествовали великие принципы, сказал:

— Я думаю, что присоединение стран Латинской Америки к этим принципам могло бы привести к созыву новой, еще более широкой конференции, в которой бы приняли участие и колониальные народы, живущие на территории этого континента. Это привело бы к усилению солидарности всех угнетенных народов.

Этими словами, произнесенными страстно и проникновенно, президент Насер закончил свою беседу.

— Я покинул Египет,— говорит Сикейрос,— убежденный в том, что симпатии мексиканцев и других народов Латинской Америки к борьбе Египта должны выражаться в конкретных политических действиях и что правительствам латиноамериканских стран, обладающим в ООН 21 голосом, следовало бы прислушаться к мнению своих народов.

В. ПОЛЯКОВСКИЙ

АВТОМАТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ

Общий вид автоматического цеха по производству подшипников.
Фото Б. Кузьмина.

Ир. ИРОШНИКОВА

Без участия человеческих рук...

У каждого завода есть свое настоящее и будущее. На Первом подшипниковом заводе они соседствуют. Я хожу по цеху «массовых подшипников», меж рядами заключенных в темносерые кожухи станков и машин, связанных между собою выгнутыми, как слоновьи хоботы, транспортерами. Это первый в подшипниковой промышленности полностью автоматизированный цех. В его производственном пейзаже привычный глаз не находит многого. В нем безлюдно, просторно, чисто и почти неощутим характерный для металлообрабатывающих цехов кисловатый запах греющегося металла и смазочных масел.

По ровному, выложенному светлыми плитками полу меж рядами станков не снуют тележки. У станков не видно ни сложенных в стопки темных с рыжей окалиной поковок, ни сверкающих пирамид готовых колец. Солнечные лучи, не дробясь по пути об их отполированную поверхность, спокойно скользят по цеху. Не видно приготовленных к вывозу ворохов синеватой с многоцветным отливом стружки. И почти не видно людей. Если бы не чистый, сильный звук движения металла (звон перемещающихся колец), если бы не гул механизмов, отдаленно напоминающий шум штормового моря, думалось бы: цех еще не работает.

Но, торопливо догоняя друг друга, словно по витой лесенке, сбегают по транспортерам кольца или, застыв в неподвижности, поднимаются транспортером наверх. Мягко горят светильники — светофоры, одноногие матовые шары. Это значит, что автоматы действуют, что невидимый сложный процесс обработки подшипникового кольца без участия человеческих рук непрерывно идет в механизмах.

Мягко горят светильники, и вдруг один из них разгорается ярче. Это автомат сигналит наладчику. И тотчас у автомата появляется человеческая фигура...

Самый поразительный участок линии — сборка. Можно часами увлеченно следить за работой сборочных и контрольных машин. Качество подшипника определяет его точностью. Точность здесь исчисляется в десятых долях микрона. Эта степень точности неосязаема, недоступна глазу, но зато доступна машине...

Кольца медленно движутся к контрольному автомату. Восемь позиций проходит внутреннее кольцо. Красная лампочка вспыхивает на пульте машины — это значит, на одной из позиций контролер-автомат обнаружил брак.

Медленно движутся кольца и среди них — бракованное. Вместе со всеми оно проходит дальнейшие измерения, но автомат засек, запомнил его и в нужный момент, преградив ему путь на сборку, сбрасывает кольцо в приемник брака.

Сборка. Металлическая рука тянется к транспортеру и, захватив кольцо, вставляет его в сепаратор. Автомат замеряет диаметры желобов — внутреннего, наружного — кольца и, мгновенно, «в уме» произведя вычисления, вызывает на сборку шары соответствующих размеров.

Устав от моих расспросов и, видимо, отчаявшись объяснить мне сложное, основанное на электронике устройство, Юрий Кузьмич Козьминых, один из конструкторов линии, говорит:

— В общем так: сборку проще всего представить себе, как человеческий мозг... только образует его комплекс разнообразнейших механизмов.

В порядке мечты...

Юрий Кузьмич рассказывает, как создавались линии:

— Началось все в пятидесятом году. Тогда, по решению Совета Министров, было организовано СКБ-6 — специальное конструкторское бюро...

Нет, если уж говорить о начале, то, собственно, все началось несравненно раньше.

У меня сохранилась вырезка из заводской многотиражной газеты времен второй пятилетки, тех времен, когда заводская многотиражка выходила под боевым названием «За советский подшипник».

Это были тридцатые годы, когда сверстники мои, комсомольцы, вчерашние землекопы, каменщики, монтажники, становясь к станкам в цехах отстроенного ими завода, начинали великую битву за овладение техникой, за советский подшипник.

В короткой заметке сообщалось эпически, что состоялась созванная комсомолом заводская конференция, которую точнее всего назвать бы конференцией мечтателей, что речь на ней шла о... «развитии и перспективах завода», что станочники, наладчики, бригадиры, мастера... «высказывали смелые, интересные мысли о перспективах полного освобождения человека от ручного труда на Первом подшипниковом заводе»...

Вот с каких давних пор, пусть еще робко, пусть в порядке мечты, думали на заводе о том, как избавить станочника от утомительных, однообразных движений, от не требующей участия мысли работы. С годами контуры этой мечты вырисовывались яснее, воплощались в четкие линии конструкций, приобретали реальность...

Первую «механическую руку» — механизм, подававший кольца к станкам, — сконструировал Александр Иванович Соколов, механик. «Механическая рука» Соколова была ненадежной в действии, громоздкой, сложной. Тем не менее она ставила кольца сама, без участия человека. Ставила и снимала!

Второй образец «механического станочника», или автооператора, конструктивно значительно более простого, предложил конструктор Е. П. Микешин. В экспериментальной мастерской по его чертежам изготавливались автооператоры для двенадцати пар станков, на которых обрабатывалось одно из самых дефицитных в то время колец, «посевное кольцо» «РР-3». Из этих двенадцати пар станков и должна была состоять первая автоматическая линия.

Было это весной сорок первого года. А в октябре вместе с заводским оборудованием были эвакуированы чертежи и модели первых автооператоров. Чертежи и модели затерялись в пути. Работу эту надолго прервала война.

Мне вспоминается, как несколько лет спустя по заданию редакции я попала в автоматно-токарный цех. Начальник цеха Александр Владимирович Дербишер (ныне главный инженер завода), человек немногословный, сдержанный, точный в формулировках, знакомил меня с производством.

Цех был полон света, звуков, движения. Гудели станки, звенел перебрасываемый металл.

Коричневатой струей лилась на металл эмульсия. От почти незаметных прикосновений резца взвивалась стружка. Быстрыми, точными движениями рук ставили и снимали кольца станочницы. Была в их движениях своеобразная грация. Мне казалось, что девушки работают легко, красиво...

— Изнурительная работа, — жестко сказал Александр Владимирович. — Изо дня в день одно и то же. И тяжелая! Прикиньте. С двух станков станочница снимает за смену, скажем, тысячу с хвостиком колец. В кольцах она перебрасывает за смену несколько тонн металла. А к тому же еще две тысячи с хвостиком раз обходит станки. Попробуйте-ка пересчитать на километры...

Потом мы прошли на участок, где из действующих станков монтировалась первая в подшипниковой промышленности автоматическая линия инженера Морозова. Работал подъемник, ходили по желобам поводки, катили кольца. Кольца скатывались к станкам. Похожий на скрюченную человеческую пятерню автооператор подхватывал кольцо и подавал его в станок. Вращался шпиндельный барабан. Сверкала стружка. «Пятерня» снимала обработанное кольцо и роняла его в специальный желобок.

— Принцип тот же, что у Соколова и Микешина, но конструкция совершенней, проще, — наблюдая за работой автооператора, говорил Дербишер. — Технический опыт обычно не исчезает. Он передается, как эстафета...

Это все возникает в памяти теперь, когда я слушаю Юрия Кузьмича, и как бы вторым, уменьшенным планом стоит за тем, что он говорит. Между тем Козьминых продолжал свой рассказ:

— К тому времени, когда мы приступили к проекту, на Первом подшипниковом заводе, например, проектировались, монтировались, отлаживались три автомати-

ческие линии: Морозова, Князькова и Сигодзинского. Правда, это были попытки автоматизации лишь отдельных участков обработки кольца, мы же впервые должны были полностью, комплексно автоматизировать весь процесс. И как видите,— при этом он широким жестом словно обводит цех.

— Можно говорить о недоработанном, нерешенном или еще не решенном полностью,— подводит итоги Юрий Кузьмич,— но принципиальное решение найдено. Доказана практикой возможность полной автоматизации производства подшипников. В этом будущее подшипниковой промышленности.

Победителей не судят, однако...

Мне хотелось услышать от проектантов рассказ о создании линии. Это было нелегким делом — впервые в истории техники полностью автоматизировать процесс производства подшипника. Перед проектантами-конструкторами возникали такие вопросы, проблемы такой технической новизны, опыта в разрешении которых не было еще ни в нашей стране, ни за рубежом.

Я ожидала рассказа о поисках, сомнениях, находках, о граничащей с талантом изобретательности (и о таланте), о творческой страсти, смелости, без которых нового в технике не создашь.

А мне приводились цифры: «...было сделано около десяти вариантов одного лишь токарного автомата... Пятьдесят пять научно-исследовательских работ пришлось провести в процессе проектирования... Понадобилось изготовить в металле 37 экспериментальных узлов и механизмов...»

Перечислялись технические проблемы, которые были решены: «...Созданы, например, универсальные станки-автоматы не только для линий, но и для обычного подшипникового производства. Целая гамма токарных и шлифовальных станков...»

— Навыки, навыки! — говорил руководитель проекта Серафим Николаевич Власов.— Конструкторский опыт, коллективная мысль...— И будничпо добавлял: — А умение представить себе будущую конструкцию в целом, в действии — это уже, так сказать, врожденное. Без этого конструктора нет...

Но линии созданы и работают. На световой доске выполнения плана, что висит при выходе в центральный заводской коридор, в перечне цехов значится новый: «...массовых (то есть наиболее применяемых в машиностроении) подшипников». Двенадцать линий подобного типа заказала подшипниковая промышленность. Проблемы, возникающие при создании автоматических линий, схожи: прежде всего проблемы времени.

Есть у немцев поговорка давних времен: «Теряющий время теряет половину своих возможностей»,— примерно так звучит она в переводе. В наш век эта поговорка требует уточнения, а применительно к технике особенно. Теряющий время может потерять все.

Жизнь разительно подтверждает это. Довелось мне недавно побывать на Одесском заводе запчастей, где отлаживались две автоматические линии для обработки поршневых колец к тракторам.

— Линии-то отлаживаются,— с грустной иронией сказал мне начальник цеха,— только трактор, для которого предназначены кольца, доживает последние дни.

Да простит мне читатель невольное отвлечение, но эта история непосредственно относится к нашему разговору.

К проектированию линий — научно-исследовательский институт металлообрабатывающих станков (ЭНИМС) приступил еще в сорок седьмом году. Проектировались эти линии для обработки поршневых колец к тракторам — колесному «СХТЗ» и гусеничному «СТЗ-НАТИ». В эксплуатацию линии должны были быть введены за год, то есть в сорок восьмом году. А срок этот неожиданно растянулся на девять лет! Лишь в пятьдесят шестом году началась опытная эксплуатация линий на Одесском заводе запасных частей.

Немало воды утекло за эти годы, в технике совершилось много перемен. Пока изготавливались, монтировались, отлаживались линии, трактор «СХТЗ» успел состариться, был снят с производства, постепенно выбывал из тракторного парка страны.

Автоматическим линиям для подшипниковой промышленности повезло. Они избежали подобной участи, хотя сроки ввода в эксплуатацию и для них все удлинялись и растягивались.

Первоначально отладка и сдача линии в эксплуатацию должны были быть закончены к 1 января пятьдесят второго года. Но линии были сданы в эксплуатацию... в пятьдесят шестом году.

Просматриваешь документы тех времен и диву даешься. Многочисленные приказы, графики проектирования, графики изготовления, графики монтажа...

Вот, например, приказ Министерства станкостроения от 19 сентября пятьдесят первого года. Завод «Красный пролетарий» обязывается этим приказом изготовить для автоматических линий два токарных станка-автомата в трехмесячный срок.

«Красный пролетарий» сдает эти автоматы заказчику в ноябре пятьдесят пятого года, опоздав не больше, не меньше, как на четыре года!

Приказы оставались невыполненными, срывались графики, то и дело менялись сроки...

А время шло! А расходы росли!

Еще в процессе создания старилось оборудование. Еще в процессе создания съедалась значительная часть экономической эффективности линий.

Главное — перестройка сознания

Но, как бы там ни было, цех-автомат для производства подшипников создан. В январе этого года линии были переданы заводу.

Опыт первых месяцев эксплуатации заставляет задуматься над многим.

В июне цех автоматических линий сорвал программу.

— Важно даже не это,— сказал мне вновь избранный секретарь партийной организации цеха Олег Иванович Лепилин.— Важно то, что и в мае и раньше цех уже катился под гору.

В начале июля был издан приказ директора, который оценивал состояние дел в цехе массовых подшипников как... «крайне неудовлетворительное»... Начальнику цеха строго указывалось на... «допущенную неподготовленность производства к выполнению плана июня»...

В июле план выполнили за счет «чрезвычайных» мер, от которых станкостроители забили тревогу.

Если взглянуть на июльские графики (возьмем на выбор: шариковый подшипник, токарный участок, обработка внутреннего кольца), то видишь: ровная вначале линия выполнения к концу месяца резко ломается. Выполнение плана в первой и во второй декаде держится на уровне 30—40 процентов суточного задания: нет металла, нет сепараторов, нет инструмента...

— ...Инструментальный цех не выполняет наших заявок,— жалуются коммунисты на партийном собрании.— Инструментальный цех не освоил еще сложный режущий инструмент для нас... Вспомогательная служба цеха тоже бездействует: не требует, не обеспечивает. Так работать нельзя. В автоматическом цехе нет маневренности...

В третьей декаде линия выполнения резко устремляется ввысь: 140, 170, 180 процентов плана. План месяца выполняется в третьей декаде. Это типичная штурмовщина! Штурмовщина в автоматическом производстве, в самой идее которого заложен ритм.

Как же так получается?

— За счет третьей смены приспосабливаются товарищи,— объясняет мне начальник отдела автоматизации ЭНИМСа Александр Васильевич Нешто.

По проекту, автоматические линии должны работать в две смены: так рассчитаны оборудование и штаты. Третья смена используется для подналадки, для профилактического ремонта.

Но никакой подналадки, никакого профилактического ремонта в дни штурмовщины нет, ибо третья смена, как и первая и вторая, занята выпуском продукции.

Падает качество обслуживания. Оборудование начинает сдавать. Оборудование выходит из строя...

— Будем так работать,— возмущается Нешто,— превратим автоматические линии в какие-то... балалайки! — И настойчиво повторяет: — Автоматическое производство может работать только тогда, когда заводские и цеховые службы снабжения работают с точностью часов. Это первый закон автоматического производства. Нарушаешь его — и все идет кувырком.

Не менее острый вопрос, как выявилось в первые месяцы,— отбор и подготовка кадров.

В августе положение с программой было не менее угрожающим, чем в июне. В августе приказом директора прежний начальник цеха был снят с работы и переведен в заместители. Цех принял Виктор Александрович Коноплев.

Если просмотреть протоколы партийных собраний, где не раз стоял вопрос о работе цеха, если вдуматься в существо выступлений, станет ясно: многие беды в цехе шли от низкого уровня руководства. О прежнем начальнике в цехе плохого не говорят. Сходятся все на одном: человек он хороший, отзывчивый, добрый, но... не на месте. Работу обеспечить не мог.

— Надо, чтобы было у человека тяготение к новой технике,— говорили в цехе.

Но у прежнего руководства заводом (теперь и директор и главный инженер на заводе новые) была своя политика. Линии — дело темное. То ли пойдут еще, то ли нет. А штат туда приходится подбирать заранее. Так не снимать же людей с производства!

Кадры для линии подбирались по принципу «минимальных потерь». Теперь это сказывается...

— Знаете, что показали первые месяцы? — спрашивает Нешто. И тут же отвечает: — Все упирается в психологию. В неперестроившееся сознание. Стремление подойти к автоматическим линиям, как к обычному производству. Я убедился на опыте нашей работы, что самое главное при освоении автоматических производств — это перестройка сознания. Самое главное и... трудное.

Алая звездочка горит...

Довелось мне недавно вновь побывать на заводе. День я запомнила: было это 28 сентября.

На заводской доске выполнения плана против цеха массовых подшипников горела алая звездочка. Это значило, что цех идет впереди.

— А правда, колечки веселее звенят? — шутливо спросил повстречавшийся мне в цехе Козьминых.— Не чувствуете? Просто ухо у вас не наметано. Ритм работы совершенно другой. А отсюда и настроение...

Я спросила Лепилина о положении в цехе.

— В гору пошли как будто,— осторожно ответил он.— План сентября сегодня закончили.— И подчеркнул: — Досрочно!

О новом начальнике он отзывался одобрительно.

— И в дирекции нам сейчас помогают,— продолжает Лепилин.— Главный инженер взял наш цех под свое неослабное наблюдение. Диспетчерская сводка теперь начинается с нашего цеха. Коноплев получает первое слово, излагает наши претензии, а цехи и отделы тут же на месте дают ответ. Одним словом, подтягиваются тылы...

— В общем, можете записать,— подытожил сказанное секретарь партийной организации,— перспектива у нашего цеха есть.— И, не сдержав довольной усмешки, добавил: — Мы, например, считаем, что лед начинает трогаться.

Конструктор Ю. К. Козьминых и начальник цеха массовых подшипников В. А. Коноплев у автомата для сборки роликов подшипников.

Нас окружает атмосфера дружбы

Корреспондент «Огонька» связался по телефону с Лондоном и попросил директора Большого театра М. И. Чулаки рассказать, как проходят в Англии гастроли советского балета. Вот что сообщил М. И. Чулаки:

— Каждый вечер, направляясь в здание театра «Ковент-Гарден», где проходят наши спектакли, мы слышим мелодичный серебряный звон. Дело в том, что англичане у входа в театр обычно не задают вопроса, к которому так привыкли все москвичи: «Нет ли лишнего билетика?». Вместо этого они выразительно позвякивают монетами в своих карманах. Судите сами, какой «аккомпанемент» провожает нас до входа в театр, если на остающиеся еще не проданными до дня спектакля 40—60 входных билетов претендуют сотни людей! Они приходят к началу спектаклей, надеясь, что им «повезет». Можете представить, как шумно бывает по вечерам у «Ковент-Гардена»!

— У нас уже все знают, что первые выступления советских артистов прошли с большим успехом. А как проходят спектакли сейчас?

— В понедельник 8 октября мы показали лондонцам «Лебединое озеро». В главных партиях выступили молодые артисты Нина Тимофеева и Николай Фадеечев. Спектакль прошел очень хорошо, зрители наградили исполнителей главных партий горячими аплодисментами. Вопреки здешним традициям аплодисменты раздавались и в начале спектакля, сразу после открытия занавеса: зрители реагировали на художественное оформление балета. Неизменно тепло встречают дирижера Ю. Файера.

— Какие встречи были у артистов с деятелями английского искусства?

— Таких встреч было мало: мы пока очень заняты. После первого спектакля прямо на сцене состоялся большой прием, на котором было много артистов балета, драматических театров, кино. Уланова и Стручкова посетили известную английскую балерину Марго Фонтейн, блестящую представительницу английской национальной балетной школы. Интересно отметить, что Марго Фонтейн в прошлом занималась у преподавательницы русской школы классического танца В. Волковой, у которой училась мать Галины Улановой, балерина М. Ф. Романова.

Недавно я побывал на спектакле труппы «Сэдлерс Уэллс», которая сейчас выступает на окраине Лондона. Это очень сильная труппа. Москвичам будет очень интересно увидеть ее спектакли, когда она приедет в нашу столицу.

Рад сообщить читателям «Огонька», что в Англии нас окружает теплая атмосфера настоящей дружбы. Когда советские артисты появляются на улицах города, их тотчас окружают толпы лондонцев. Прекрасно встретил нас коллектив театра «Ковент-Гарден». Работники английской постановочной части не покладая рук выполняют все, что нужно для наших спектаклей. При этом хозяева не считаются со своим временем.

— На ваше имя в «Ковент-Гарден» поступают, очевидно, письма и телеграммы. Что пишут в эти дни советским артистам?

— Мы получаем большое количество писем с Родины. Это всегда очень приятно, а особенно в такие ответственные для нас дни. Приветы с Родины помогают нам работать с еще большим напряжением сил. Недавно мы получили радиограмму с борта советского рефрижераторного судна «Свердловск», находившегося у берегов Канады. Команда «Свердловска» передала сердечный привет своему «самому любимому коллективу». В наш адрес пришли приветствия от артистов Италии, Америки, Голландии.

Очень много писем получаем мы от англичан. Одни шлют свои поздравления и выражают радость по поводу нашего приезда, другие просят прислать наши автографы и фотокарточки. Авторы многих писем предлагают свою помощь в любом виде — в качестве переводчиков, статистов и т. д. Некоторые просят разрешения придти к нам «на уроки», чтобы мы «поставили диагноз» их дарованию.

— Что бы вы хотели еще сказать читателям «Огонька»?

— Мы просим передать всем советским людям огромную благодарность за то, что они с таким интересом следят за нашими выступлениями. Хорошо и радостно чувствовать эту связь с любимой Родиной!

«Жизель» А. Адана. Народная артистка СССР Г. С. Уланова в заглавной роли.

6 октября в Кремле первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР М. Г. Первухин имели беседу с находившейся в Советском Союзе по приглашению Верховного Совета СССР делегацией парламента Республики Индонезии во главе с г-ном Харди.

На снимке: А. И. Микоян здоровается с руководителем делегации г-ном Харди.

Фото Е. Умнова.

С огромным успехом прошел в Большом театре СССР первый концерт артистов Бирмы. Деятели искусства Бирмы впервые выступают на советской сцене. На концерте присутствовали руководители партии и Советского правительства, главы дипломатических представительств в СССР, Чрезвычайный и Полномочный Посол Бирманского Союза в СССР У Чжин.

На снимке: концерт мастеров бирманского искусства в Большом театре СССР. Ма Кин Вин Шве и У Кеннет Сейн исполняют средневековый танец.

Фото Н. Кулешова (ТАСС).

В ГОСТЯХ У АНГЛИЙСКИХ АВИАТОРОВ

Герой Советского Союза
Маршал авиации В. А. СУДЕЦ

Недавно в Москву из Англии возвратилась делегация советских Военно-Воздушных Сил, возглавляемая Главнокомандующим ВВС Советской Армии главным маршалом авиации П. Ф. Жигаревым. Член делегации Герой Советского Союза маршал авиации Владимир Александрович Судец в беседе с корреспондентом «Огонька» рассказал:

— Наша поездка в Англию была ответным визитом на посещение в нынешнем году авиационного праздника в Тушине представителями английских военно-воздушных сил. Одновременно с делегацией советских ВВС на выставку в Фарнборо была приглашена делегация Министерства авиационной промышленности СССР во главе с министром П. В. Дементьевым.

Советские делегации были весьма дружественно приняты руководителями министерств авиации и снабжения Великобритании, руководством Общества британских авиаконструкторов, высшим командованием британских ВВС. С некоторыми из них мы познакомились еще в Тушине.

Первые два дня пребывания в Лондоне мы посвятили официальным визитам и осмотру столицы, а затем выехали в местечко Фарнборо на традиционную в Англии ежегодную авиационную выставку. По дороге советская делегация посетила памятник, воздвигнутый в честь британских авиаторов, погибших в войне с гитлеровцами. Главные маршалы авиации Даусон и Лангмор подвели нас к высоким плитам памятника, на которых начертаны имена погибших. Мы обнажили головы в знак уважения к памяти доблестных сыновей Англии.

Представители советских ВВС и Министерства авиационной промышленности впервые после минувшей войны присутствовали на авиационной выставке в Великобритании.

Фарнборо — крупный летно-испытательный центр английской военной и гражданской авиации. На бетонированных дорожках огромного аэродрома, в ангарах и палатках были экспонированы новинки английской авиационной техники: самолеты, вертолеты, турбореактивные, турбовинтовые и ракетные двигатели, различные приборы и оборудование. Некоторые из этих экспонатов отличаются оригинальным конструктивным решением и свидетельствуют о высоком уровне технической мысли и высокой производственной культуре авиационной промышленности Великобритании.

Первым демонстрировался в воздухе новый транспортно-десантный самолет английских военно-воздушных сил «Биверли» с поршневыми двигателями. По данным фирмы, «Биверли» может перевозить 70 парашютистов в полном снаряжении или 82 раненых. Крейсерская скорость самолета — 280 километров в час. Он имеет небольшой разбег на взлете, небольшой пробег на посадке и оснащен реверсивными винтами.

Затем были показаны индивидуальный и групповой пилотаж на истребителях и бомбардировщиках, полеты пассажирских, транспортных и опытных самолетов и вертолетов.

Были продемонстрированы в полете и на земле всепогодные истребители «Джевелин», различные модификации реактивного бомбардировщика «Канберра», имеющего дозвуковую скорость, и дальние реактивные бомбардировщики «Вулкан», «Вэлиент» и «Виктор». Интересен по конструкции новый сверхлегкий реактивный вертолет фирмы Фэйри.

Взлеты и посадки самолетов и вертолетов производились со взлетно-посадочной полосы аэродрома Фарнборо в непосредственной близости от зрителей.

...Реактивный истребитель, безукоризненно выполнив высший пилотаж, пошел на посадку. Когда его колеса коснулись земли, рев двигателя опять усилился до максимума, и в этот момент словно невидимые руки затормозили движение самолета. Он остановился, пробежав около 400—500 метров, что в два раза меньше нормального пробега.

Это был экспериментальный вариант реактивного истребителя «Хантер» с дозвуковой скоростью, состоящего на вооружении ВВС Англии. Его реактивный двигатель снабжен специальным устройством, создающим обратную, так называемую реверсивную тягу. При пробеге струя газов, выходящая из двигателя, выпускается через два боковых отверстия в хвостовой части фюзеляжа и направляется вперед, создавая этим реактивную тягу, направленную назад.

На выставке был представлен также учебно-боевой вариант самолета «Хантер». Члену нашей делегации генерал-лейтенанту авиации Алексею Сергеевичу Благовещенскому любезно разрешили совершить два полета с известным английским летчиком-испытателем Биллом Бэдфордом и пилотировать этот самолет. Генерал Благовещенский дал положительный отзыв об английском учебно-боевом самолете.

Мы видели и самолеты «Фэйри-Дельта-2», на одном из которых в марте 1956 года английским летчиком-испытателем Питером Твиссом был установлен рекорд скорости — 1 822 километра в час.

На выставке было представлено также значительное количество новых пассажирских и транспортных самолетов.

П. Ф. Жигарев (слева) и члены советской делегации в Лондоне.

Представители английских авиационных фирм, так же как и корреспонденты газет, интересовались советским самолетостроением. Министр авиационной промышленности П. В. Дементьев, отвечая на вопросы корреспондентов, заметил, что советские представители намереваются посетить выставку в Фарнборо и в будущем году. Однако прилетят они туда, вероятно, уже на новом самолете с четырьмя турбовинтовыми двигателями, который будет перевозить от 120 до 180 пассажиров.

Советская военная авиационная делегация посетила некоторые строевые части и учебные заведения военно-воздушных сил Великобритании. Всюду мы встречали дружественный прием, предупредительное и внимательное отношение.

В авиационном колледже Мэнби на ужине, устроенном в честь советских гостей, оказались летчики, которые в минувшую войну вместе с советскими летчиками летали в небе Мурманска, Архангельска. Английские авиаторы добрым словом вспоминали советских соратников, верных боевых товарищей, на которых всегда можно было положиться. Все присутствующие встретили горячими аплодисментами слова начальника авиационного колледжа коммодора авиации Данна, когда он, подняв бокал, сказал:

— Лед сломан, начало положено, будем укреплять наши дружественные связи.

Покидая Англию, главный маршал авиации П. Ф. Жигарев выступил перед микрофоном и поблагодарил высшее руководство ВВС и представителей авиационной общественности Великобритании за теплый и дружественный прием.

«Проблему Суэцкого канала решить без применения силы»

Эмрис ХЬЮЗ,
член английского парламента, лейборист.

Тот факт, что английскому консервативному правительству не удается ввергнуть страну в новую войну, оккупировать Египет и захватить Суэцкий канал с помощью вооруженных сил, знаменует собой поворотный пункт в истории международных отношений.

Английское правительство хотело бы разрешить суэцкую проблему традиционным путем британского империализма. И действительно, в течение нескольких недель казалось, что оно намерено попытаться сделать это. Были вызваны английские резервисты, авианосцы и демонстративно направлены в Средиземное море. На экранах телевизоров мы видели, а по радио слышали о военной подготовке, выглядевшей как прелюдия к настоящей войне.

После некоторых колебаний среди руководства английское лейбористское движение выступило с решительных антивоенных позиций. Это выступление началось с заявления группы лейбористских членов парламента, с писем, статей в печати, чрезвычайных митингов. В течение нескольких дней стало очевидным, что английское общественное мнение решительно возражает против авантюры, которая повела бы к созданию нового очага войны на Ближнем Востоке.

«Англия,— заявил Иден,— зависит от нефти». «Правильно,— отвечаем мы.— Но как мы будем получать эту нефть, если мы начнем войну?»

Возможно, английские войска и были бы в состоянии оккупировать зону Суэцкого канала. Однако это воспламенило бы национальные чувства во всех странах Ближнего и Среднего Востока. Оккупация зоны Суэцкого канала не ускорила бы движения нефти по нефтепроводам. Война из-за нефти не облегчает решения вопросов, ибо нефть сама по себе — легко воспламеняющийся материал.

Короче говоря, очевидно, что самым верным путем к тому, чтобы остаться без нефти, была бы попытка прибегнуть к старомодным военным методам империалистических авантюр, подобным тем, которые использовались Англией в 1882 году, когда ее флот подверг бомбардировке египетский город Александрию.

Мы живем в эпоху, когда международный авантюризм старой политики силы бесплоден, глуп и пережил себя. Если Англия нуждается в нефти, то в ней нуждаются и Норвегия, и Швеция, и вся Западная Европа, но никто с легким сердцем не станет посылать войска, бомбардировщики или авианосцы, чтобы угрожать Египту.

Самый разумный способ для получения нефти — это торговля, а не угрозы войной. Нет никаких оснований считать, что Египет намерен препятствовать нашим судам проходить по Суэцкому каналу. Более того, очевидно, что в интересах Египта поощрять развитие судоходства по каналу, чтобы получать больше доходов для развития национальной экономики.

Как бы лейбористское движение Англии ни относилось к правительству Египта, решение не состоит в том, чтобы посылать в Египет бомбардировщики или военные корабли. Английские лейбористы заявили правительству, что оно не имеет права прибегать к вооруженной силе для решения суэцкой проблемы. Они предпочитают путь переговоров, арбитража, терпения, воздержания от провокаций, путь, на котором будут предприняты попытки найти возможность международного взаимопонимания.

Вопрос заключается не только в том, чтобы решать проблемы Суэцкого канала без применения силы. Проблемы Египта — это проблемы всего Ближнего и Среднего Востока, проблемы хронической нищеты, которая настоятельно требует согласованных международных действий с целью поднятия жизненного уровня во всех арабских странах. Запад мог бы установить дружеские отношения с Ближним Востоком, если бы он сказал, что готов проявить инициативу в осуществлении плана поднятия жизненного уровня в этом районе.

Каждый год Англия тратит колоссальные средства на субсидирование военной подготовки на Ближнем Востоке. Мы должны покончить с этим и вместо того, чтобы расходовать средства на танки и истребители, расходовать их на тракторы, удобрения и другие виды экономической помощи слаборазвитым странам.

Мы должны пойти в Организацию Объединенных Наций и предложить план, который был бы полной противоположностью политике эксплуатации, характерной для империализма XIX века.

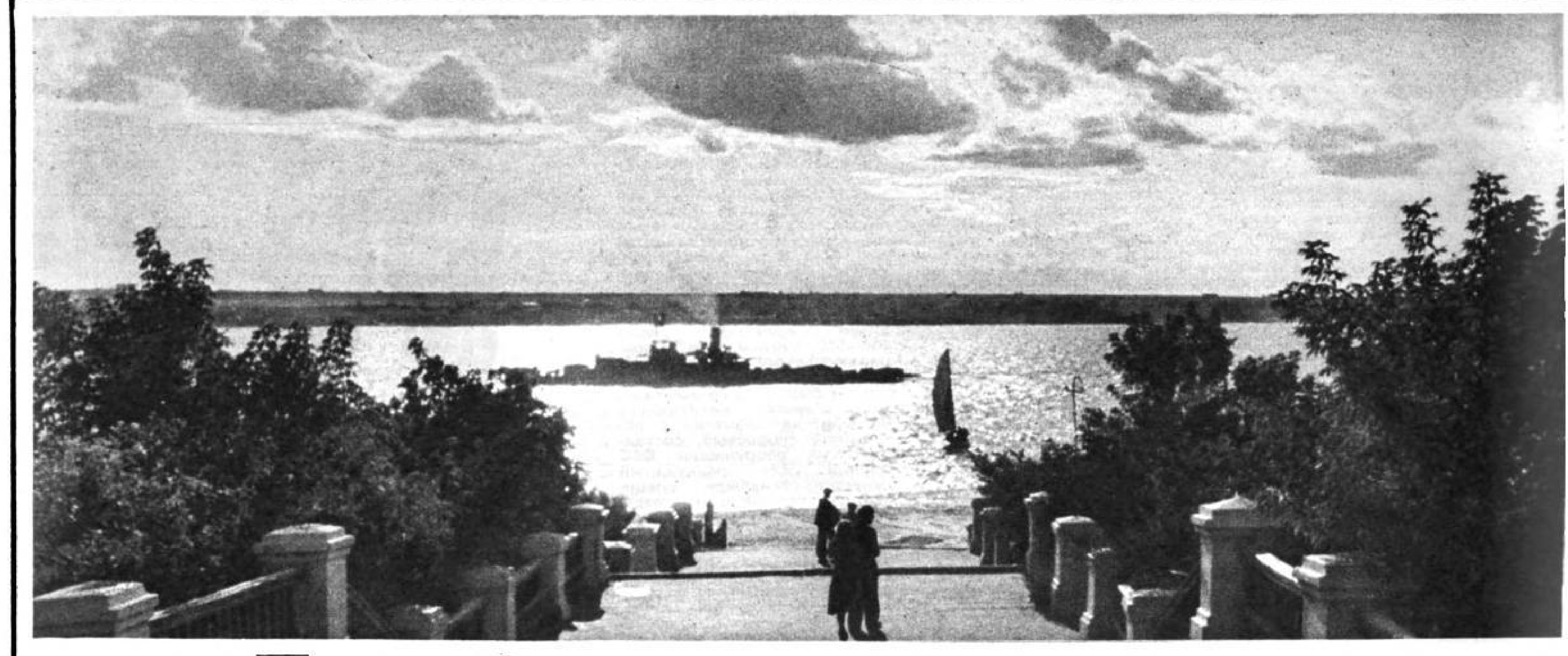
Если бы мы приняли эту идею, мы легко нашли бы решение как проблемы Суэцкого канала, так и всех проблем Ближнего и Среднего Востока.

Тот факт, что противодействие британскому империализму исходит из рядов английского рабочего движения, является одним из наиболее ободряющих признаков времени.

Английское рабочее движение могло бы положить начало великой международной инициативе, которая освободила бы нас от угрозы войны и открыла бы путь светлому будущему для всего человечества.

Блэкпул,
октябрь 1956 года.

Преображенный город

А. ГРИГОРЬЕВ

Спуск к городскому пляжу на Иртыше.

— Выходите в Омске? Город неплохой, но кругом почти голая степь: много пыли и мало зелени. Правда, бывал я в нем еще до войны, но вряд ли в этом отношении что-либо переменилось.

Эти слова мы услышали от соседа по купе вагона скорого поезда, следовавшего на Дальний Восток.

Омск встретил нас буйной зеленью уже у самого вокзала. Стоял теплый августовский день. Улицы утопали в зеленом наряде. Шумели листвой клены, яблони, ивы, заслоняя дома и образуя на тротуарах тенистые аллеи. То и дело встречались скверы с большими разноцветными клумбами — гладиолусами, розами, георгинами, длинные садовые диваны вдоль аккуратно посыпанных желтым песком дорожек. И всюду следы свежих посадок. Густыми рядами стоят молодые тополи у городских пляжей на берегу Иртыша, возле мостов над быстрой Омью,— ее называют также Омкой,— на широком новом бульваре по улице Масленникова. Бульвар появился здесь только в прошлом году одновременно с многоэтажными зданиями, в которых недавно сотни омичей справляли свое новоселье.

— Вот этому бульвару нет и года,— показал наш спутник на любовно возделанный уголок по улице Ленина,—а соседнему скверу на Музейной всего несколько месяцев.

В горисполкоме сообщили: только в 1955 году в Омске создано 16 новых скверов и 11 скверов заложено весной текущего года. За последние 5 лет в городе высажено более миллиона деревьев и двух миллионов кустарников. Общая площадь зеленых насаждений достигла 2 500 гектаров.

Это в городе, где еще лет десять назад скверы и сады насчитывались единицами и резкие степные вихри беспрепятственно бушевали на улицах и площадях, поднимая тучи пыли.

Находилось тогда немало скептиков, которые, ссылаясь на суровый сибирский климат, считали озеленение степного города несбыточной фантазией.

Но жизнь опровергла утверждения скептиков.

Еще, кажется, не так давно в центре города, напротив здания горисполкома, был большой пустырь. Теперь здесь благоустроенный парк имени Дзержинского. Рядом раскинулись парк у театра, пионерский сад, многочисленные скверы. Высаженные недалеко друг от друга, они образуют огромный зеленый массив.

Три года назад на месте захламленного товарного двора у здания Управления Омской железной дороги возник один из самых благоустроенных в городе скверов — имени 30-летия ВЛКСМ. Его создали комсомольцы в свободное от работы время. Они вывезли отсюда тысячи тонн строительного мусора, посадили деревья, разбили нарядные цветники. Теперь сквер имени 30-летия ВЛКСМ — одно из любимых мест отдыха омичей.

Председатель исполкома городского Совета Николай Александрович Рождественский познакомил нас с генеральным планом озеленения Омска.

В ближайшие годы в городе появятся десятки новых скверов, бульваров, садов, будут высажены сотни тысяч деревьев. Вокруг Омска создается стометровый защитный пояс, который затруднит доступ пыльным степным ветрам. Деревья и кустарники высаживаются здесь в 66 рядов.

— Бóльшая часть работ по озеленению ведется силами населения,— говорит Н. А. Рождественский.— Жители города убедились в плодотворных результатах своего труда, и теперь тысячи омичей выходят на воскресники по озеленению. В городе становится правилом: каждый житель должен посадить хотя бы одно дерево.

— Вы видели город. А теперь посмотрите территорию хотя бы одного из наших заводов,— приглашает нас председатель исполкома горсовета.

...Мы идем по главной аллее и почти не видим цехов: они скрыты за деревьями. Всюду цветочные клумбы. На завод мы попали в обеденный перерыв, и в аллеях было немало гуляющих. Иные, сидя на садовых лавочках, читали газеты, книги. На заводской территории — 120 тысяч деревьев, полмиллиона кустарников. Ежегодно высаживается 600 тысяч цветов. И все это сделано коллективом завода.

А вот «Аллея командиров». Аллея представляет собой густо засаженную парковую дорожку. Каждый инженерно-технический работник завода, начиная от директора, посадил и вырастил здесь по одному дереву.

В центре заводского парка — большой фонтан. Несколько лет тому назад на этом месте была градирня, охлаждавшая воду из компрессорной. Неуклюжее сооружение портило зеленый ансамбль заводской территории. Теперь функции градирни с успехом выполняет изящный круглый фонтан с большим водоемом. Охлаждаясь в фонтане, вода поступает обратно в компрессорную. Оказывается, это не только красиво, но и выгодно. Ежегодная экономия составляет почти 200 тысяч рублей.

У одного из цехов плотные посадки ивняка. Любопытна история этих посадок. Построенный на болоте корпус цеха вдруг начал оседать. Тогда по совету специалистов решили обсадить его ивой. Это водолюбивое дерево высасывает из почвы воду буквально десятками ведер. Теперь фундамент цеха стоит на «твердой почве».

В конце августа в трамваях и троллейбусах города можно было видеть не совсем обычных пассажиров с вазами, горшочками, банками с цветами. В эти дни в городском питомнике готовились к открытию ежегодной традиционной выставки по зеленому строительству, цветоводству и садоводству. Сотни любителей приняли участие в выставке. Огромная оранжерея заполнилась живыми цветами, фруктовыми и декоративными растениями. Розы, георгины, астры, канны, цинии, лилии, гладиолусы. Грозди винограда. Горы яблок различных сортов... Все это выращено омскими любителями в условиях сурового сибирского климата.

Врач Екатерина Ивановна Микульская в своем небольшом саду вырастила 72 сорта гладиолусов и 60 сортов георгин. 102 сорта георгин и почти 200 сортов гладиолусов высаживает любитель-цветовод Артем Макарович Бушков. Нельзя не залюбоваться и яблоками, выращенными в приусадебном саду пенсионера Михаила Ивановича Янкевича. Многие из них весят по 450—500 граммов.

Мы побывали в небольшом садике пенсионера на Степной улице. Низкие, напоминающие кустарник, стелющиеся яблони. Только с одного такого дерева Михаил Иванович снял 1 200 плодов. В саду выращено 28 сортов яблонь. Здесь и «пепин шафранный», и «грушовка московская», и «мичуринская славянка», и «шампанское яблоко»... Все они хорошо прижились в сибирских условиях и дают высокие урожаи.

Омские питомники возникли в последние пять лет и теперь занимают обширную площадь в 358 гектаров. В центральном питомнике — богатейшие оранжереи, которые дают для городского озеленения более миллиона штук цветочной рассады, обширный коллекционный сад. Здесь испытываются растения, завезенные с юга.

Ф. М. Достоевский, отбывавший в Омске каторгу, писал в письме своему брату:

«Омск гадкий городишко. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видел».

Ныне Омск за успехи в озеленении утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Это один из наиболее благоустроенных и зеленых городов Сибири.

Новый бульвар на улице имени Ленина.

На улицах Омска

Фото И. Тюфякова.

У Областного драматического театра.

→ На улице Карла Маркса.

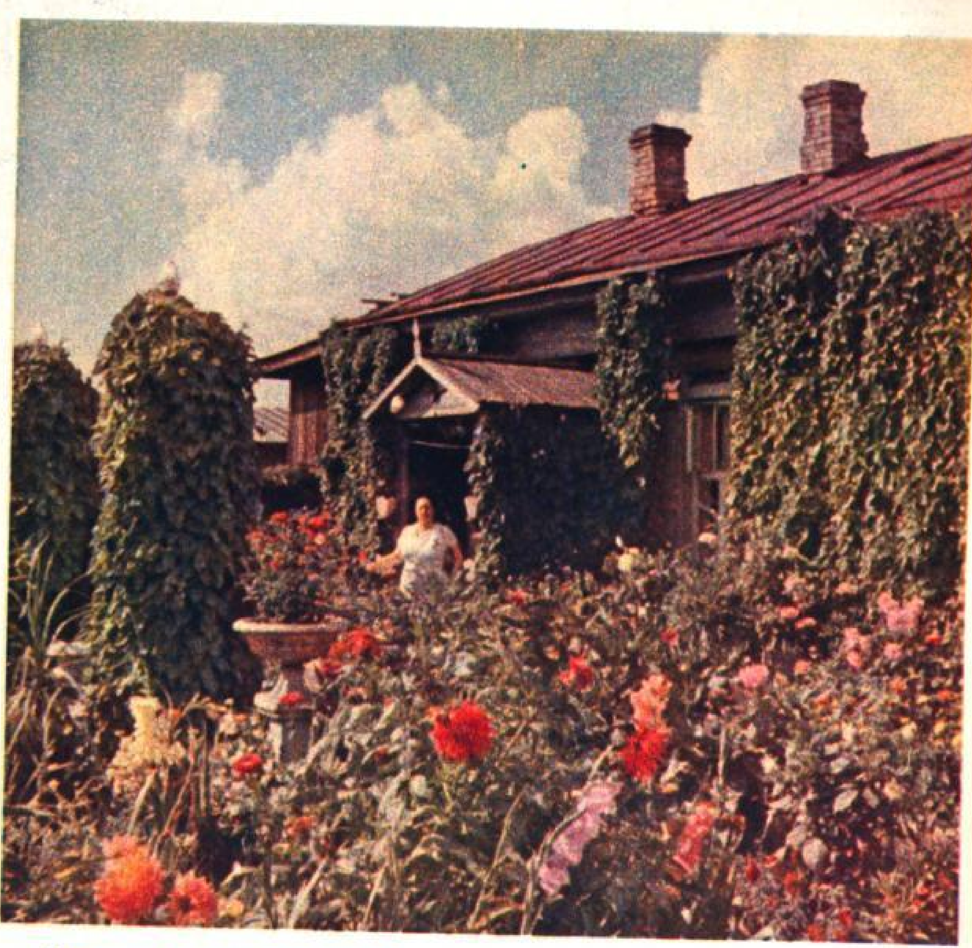

Сквер имени тридцатилетия ВЛКСМ.

← На берегу реки Омки.

Небольшой домик по Учебной улице утопает в зелени и цветах. Здесь живет любитель-садовод врач Екатерина Ивановна Микульская.

← В питомнике № 1 Садово-оранжерейного хозяйства города Омска. Мастер-цветовод Л. М. Цыпляковская и агроном-цветовод Н. П. Коновалова срезают гладиолусы для букетов.

ПРОГУЛКА ПО БЕЛГРАДУ

Улица Князя Михаила — традиционное место вечерних прогулок, именуемое «шаталищем». С пяти часов пополудни по улице Князя Михаила воспрещено движение всех видов транспорта.

Площадь Теразие — в центре города. Здесь всегда людно.

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Белград, или, как говорят югославы, «Београд»,— очень старый славянский город, раскинувшийся у слияния Дуная и Савы. Более двух тысяч лет назад здесь появились первые поселения. В древних документах, относящихся к IX веку, уже упоминается имя «Београд». За свою долгую историю город подвергался многочисленным нашествиям завоевателей, которые приходили и с севера и с юга. Нередко он был ареной жестоких боев, его часто разрушали. Огромные разрушения произвели в городе фашистские оккупанты в годы войны.

20 октября 1944 года открылась новая страница в истории славного славянского города. В этот день бойцы народно-освободительной армии Югославии совместно с частями Советской Армии освободили Белград от оккупантов. На одной из окраинных улиц города есть большое братское кладбище. На его стенах высечены слова: «За освобождение Белграда от фашистских оккупантов отдали свои жизни 2 944 бойца Народно-освободительной армии и 961 боец Красной Армии. На этом кладбище похоронено 1 388 бойцов Народно-освободительной армии и 711 бойцов Красной Армии». Здесь на могилах героев всегда живые цветы. Жители столицы свято чтут память солдат двух братских народов, сложивших свои головы за общее дело.

В день освобождения Белграда маршал Тито писал: «Освобождение Белграда для наших народов имеет историческое значение, особенно потому, что страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны Великого Советского Союза с достойными сынами Югославии. Этим еще раз крепко запечатлено кровное братство народов Югославии с народами Советского Союза».

Сегодняшний Белград как бы переживает свою вторую молодость. Чувствуется это во всем: и в бурном движении на улицах, и в лесах многочисленных строек, и в ускоренном темпе жизни древнего города.

Много зрителей у витрин «Югофото», показывающих жизнь Советской страны.

На улицах города то и дело видишь весы. На них охотно взвешиваются и взрослые и дети.

В хорошую погоду столики кафе выносятся прямо на тротуар.

На берегу Савы вырос целый городок. Эти красивые дома — общежития студентов. Сейчас в одном только Белградском университете обучается в пять раз больше юношей и девушек, чем до войны. Студенты сами работали на строительстве своего городка.

ЧУЖАЯ ВИНА

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Солнце, сильно увеличившееся и красное, медленно уходит за иззубренную сосняком линию горизонта. Кажется, что оно оседает под собственной тяжестью, придавливая сучья и пригибая травы. Тени, еще недавно длинные и резкие, густо, как бурелом, наваленные по склону, тускнеют и расплываются, даль за лугом, днем золотистая и живая, переливающаяся, густо синеет. На короткое мгновение это — пока красный шар перекатывается через горизонт — смолкают все птицы, и в огромное пространство между небом и землей, как в бездонную бочку, ссыпается частый треск мотоцикла за бугром и вплывает ленивое мычание коровы на выгоне. Покой и непонятное томление обнимают землю и душу.

Рядом со мной, на краю лога, который начинается где-то в лесу, под самым закатом, и кончается в предлужье за селом, сидит, дымя сигаретой, Фрол Корнеев, дядька лет пятидесяти семи, широкий в плечах и черноватый, с непомерно густыми усами, воинственно торчащими под красным мясистым носом. Чем-то он напоминает большого жука и даже, кажется, немного жужжит: слова его, прежде чем выбраться на волю, бьются в усах, как муха в паутине. Сразу запоминаются его глаза, небольшие, острые, глубоко запрятанные в ущелье между крепкими щеками и тяжелыми надбровными дугами. Около него лежит то, что прежде называли «косой саженью»,— треугольник с двухметровым основанием; тут же, на траве, валяется старая кепка, выгоревшая и пропыленная.

— Весь день, как цапля, шастаю! — жалуется Фрол.— Ноги подламываются... Вчера горох досеяли — обмерял, сегодня — овес... Председателю на радость!

— А себе?

— Нам что мерять? Что посеял, то и пожнешь, а ему для плана... Ему теперь оправдывать себя надо.

— С чего бы это?

— Комиссия из области приехала, заявление на него разбирает: будто груб с людьми, хату колхозную по блату отдал не тому и всякое такое... Смех и грех! Три женщины заявление написали, фамилии внизу поставили, а теперь отпираются. Одна, соседка моя, с утра слезами кофту стирает — вдова Соколова, может, не забыли? А что бабьи слезы? Дождик летний: не успел пасть — уже и высох. Верно?

— Написали-то правду?

— Разберут и нам скажут...

Занятый своими мыслями, Фрол докуривает сигарету до того, что начинают трещать усы, и с ожесточением бросает окурок.

— Тоже напридумывают курево!.. От председателя тут сигаретки эти пошли, городская мода...

Фрола Корнеева я знаю давно. Всегда он тяжело, не торопясь, думал, угловато, с подковыркой говорил, словно ехал на телеге по узкому прогону, цепляясь за плетни и ракиты справа и слева. Нового председателя колхоза, приехавшего несколько месяцев назад, я не видел. Слыхал только, что он молодой, лет тридцати, с высшим образованием и работал прежде в облисполкоме. Отношение к нему Фрола кажется мне неодобрительным, и я осторожно пытаюсь выведать, что он собой, этот новый житель села, представляет.

— С виду красивый,— поясняет Фрол.— Так это для девок и сестер из больницы, пускай на него зрение тратят... Нам же с лица воды не пить!

— А еще что?

— Жена его пока не приехала. Видел, как летом на речушке сам рубаху стирал — не умеет... Остальное осень покажет. Она всем председателям характеристику выдает...

Смеркается. На горизонте появляется первая звезда, она не мерцает, спокойна, словно капля воды на стекле. Опять начинают подавать голоса птицы: скрипит в логу коростель, но изредка, будто пробует голос, неподалеку в кустах, кажется, рукой достать, частит перепелка, и поверх всего из березовой рощи доносится щелканье соловья. В быстро свежеющем воздухе раздражающе пахнет зеленью и глиной, а на дне лога, над руслом уже почти пересохшего ручья, начинают двигаться еще совсем прозрачные пятна и полосы тумана. Фрол ежится, нахлобучивает кепку, берет инструмент, и мы идем домой через поле, по стежке, местами перепаханной трактором, а местами перехваченной низкой щеткой травы.

— Водопровод задумал строить,— не то удивленно, не то осуждающе гудит Фрол, когда в негустых сумерках около скотных дворов вырисовывается грузовик с сооружением, похожим на копер, и огромное колесо ветряка на земле.— До одной воды добрались — плохая, теперь до второй буравят. А может, ее, второй-то, и нету? Глубоко денежки вбуханы!.. Участки личные под огородами, где земля хорошая, отчекрыжил, полевыми заменил, а около дворов коноплю высеял. Тоже крику было!

— Так это хорошо или плохо? — не понимаю я.

Фрол отвечает не сразу и не прямо. Некоторое время он шагает, словно раздумывая, стоит ли мне доверяться, потом, очевидно, учитывая, что я уроженец села и ему не раз доводилось с моим отцом и водку пить и горе мыкать, подсовывает забавную, но не очень ясную для меня историю:

— Раков прежде в нашей речушке было, что пшена в кулеше... Крупные, кусались здорово. Известно, раку только чистую воду дай, он себя покажет!.. Ну, а потом случай произошел: в лесу под Хохловкой заводик построили и, по ошибке, что ли, какую-то отраву в речку выпустили. Так они, раки эти самые, на берег повылазили, пять дней сидели, очищения воды ждали...

И косится на меня: что скажу? Я не улавливаю смысла и спрашиваю:

— Ну и что?

— Ничего, хорошие раки были... Понимающие.

— Может, это в смысле заявления или чего другого?

— Мы не раки,— отрезает недовольно Фрол.— Чего зря выдумывать?

— Да рассказываете зачем же?

— Так, взбрело... Может, пригодится для чего!

Перед тем, как расстаться, мы еще садимся перекурить возле хаты Фрола Корнеева. Сквозь раскрытые окна слышно, как у печки переговариваются жена и внучка, как шипит и трещит под сковородкой лучина. Он расспрашивает меня о городских новостях, интересуется, не влияют ли атомные испытания на погоду, не от них ли холодная весна. И затем, похвалив город за то, что там строят из кирпича и платят твердую зарплату, снова возвращается к мысли о председателе:

— Привили его на деревенскую жизнь, как яблоньку-антоновку на дичок, а примется, нет ли, никакой садовник загодя не скажет... Тут еще и заявление — одно к одному... Как думаете, докажет он теперь бабам этим?

— Что именно?

— А как голыми руками ежа хватать...

— Может, и правда не они писали? Разобраться надо.

— Чего тут разберешь?

— Почерк можно сверить.

Фрол некоторое время недовольно сопит, отбрасывает носком сапога выбежавшую приласкаться лохматую собаку, говорит раздраженно:

— Пустое дело! Какой у наших баб может быть почерк? Это у людей ученых — другое дело, а они царапают, как, прости господи, курица лапой... Тоже, почерк!

Помолчав, добавляет:

— И заявление так себе... Стоило шум поднимать, деньги на командировки тратить! Сами разобрались бы, своим разумом... Может, поужинать зайдем?

— Спасибо, дома ждут...

Я уезжаю и снова встречаю Фрола уже в конце августа. Стоит бархатный, но прохладный, с беспокойным и въедливым ветерком ранний вечер. Сады не шумят, а как-то по-особенному шелестят, плещут, словно неподалеку с мельничного колеса бесконечно и ровно падает темнозёленая струйка воды. По белым и цветастым занавескам движутся увеличенные тени, будто в улице сплошь живут одни великаны. Прежде ложились спать в темноте, а окна занавешивали шубами и дерюжками, особенно плотно, когда гнали самогонку... Я иду из аптеки, стайки молодежи навстречу — в школу, где устраивают что-то учителя. Гармошки пока не слыхать, хотя ее, наверное, еще вынесут, все отдельные звуки — стук калитки, негромкий разговор, повизгивание собак — подавляет репродуктор у клуба: повествует о жаркой погоде и состоянии хлопка где-то на востоке. И село, в котором я знал каждую колдобину на дороге, каждый палисадник, каждое дерево в садах, представляется мне слегка чужим, мало знакомым, так же, как подросшие за эти годы парни и девушки. От этого становится немного грустно и вспоминается Есенин: «Другие юноши поют другие песни...» Чем другие, ответить я себе не могу, может, просто кажется. А дома я застаю Фрола, который сидит на табуретке и опять-таки курит сигарету.

— Как раки? — смеюсь я, здороваясь.

— Какие?

— Ну, те, которые сидят!

— А...

Он натянуто улыбается, вероятно, только по соображениям вежливости, но при этом прячет глаза и говорит неохотно:

— Посидели — да в воду... Что им сделается?

Что-то настораживает меня, что-то появилось в нем новое, беспокойное. Даже руки его, очень темные и узловатые, потеряли свою уверенность: пальцы одной без нужды катают и мнут сигарету, а другой — стучат по краешку стола, но осторожно, глуховато. Чувствую по опыту, что пришел он с неприятным для него делом или просьбой, но не спешу идти на помощь: такое забегание вперед, по сельским понятиям, часто принимается за желание выпроводить гостя... И разговор наш снова крутится вокруг колхозных дел, хотя я и без того знаю новости: что скважину закончили и добрались до хорошей воды, но труб еще не подвезли и траншей копать не начали: некогда; что коноплю посек град и ее пересевали, получилось хорошо; что во время одной из гроз сгорело два дома и теперь все спешат ставить громоотводы, хватит сидеть и ждать, ударит

молния или минет; что новый председатель в работу втягивается неплохо и начали выдавать авансом деньги на трудодни, чем все довольны. Знаю также, что разбита одна колхозная машина: шофер перед этим побывал в чайной, где никто никогда чая не спрашивал; что скотный двор достроят, а свинарник не успеют: не хватает кирпича; что урожай толковый, но дождь мешает уборке — заладил на каждый день, навязался не к поре. И откуда только берется так много воды в небе?.. Знаю я все это, но готов послушать и еще раз, особенно с комментариями Фрола, всегда неожиданными и язвительными, освещающими дело с такой точки зрения, о существовании которой порой даже и не подозреваешь. Но он, против ожидания, сдержан и скуп на слова больше, чем обычно. Только когда кончаем чаепитие и остаемся одни, спрашивает, комкая очередную сигарету:

— Я насчет этого... ну, как его... почерка! Это правда, что узнают?

— Правда. Есть даже люди, которые специально служат по этой части... А что?

— Интересно.

Я рассказываю ему заодно еще и о дактилоскопии — о том, как по отпечаткам пальцев находят преступников, о том, что в Америке у каждого, кто туда приезжает, обязательно эти отпечатки пальцев снимают, и о многом другом. Он слушает внимательно, а заключает столь же немногословно:

— Это не важно... А вот чтобы почерк проверить,— такие спецы у нас в области имеются?

— Должны быть. Да вам-то зачем, Фрол Андреевич?

Он щурит, прячет свои маленькие глазки, проводит ладонью по усам и, порядочно помявшись таким образом, вздыхает.

— Женщины требуют, чтобы с заявлением разобрались... Соколова, вдова эта, тихая себе тихая, а тут зажглась, натянула вожжи. Народ тоже поддерживает.

Вдова Соколова живет неподалеку от нас. Эта еще моложавая женщина, круглолицая и сероглазая, не такая уж и тихая, она умеет хорошо пересчитывать косточки тому, кого не взлюбит, но таланты свои проявляет только среди соседей. Года два назад старый председатель не дал ей лошадь привезти с поля воз соломы, а себе в тот же день доставил два. На заседании правления она об этом ничего не сказала, а на крыльце, когда выходили, бросила со смешком: «Подстилает себе соломку, чтобы не разбиться, когда с должности полетит». Фраза быстро стала известна всем и для председателя оказалась хуже самой жестокой критики, потому что во время бурных собраний кто-нибудь, когда председатель начинал оправдываться, нет-нет, да и кидал реплику: «Ты соломку не стели...» И эта же фраза добила его на перевыборном собрании: конец тщательно подготовленной оправдательной речи потонул в хохоте и насмешках... Нет, тихой вдову Соколову вряд ли можно назвать, но и нападать на нее не вижу оснований. Я поддерживаю ее:

— Пожалуй, это и верно, разобраться надо.

— Да зачем? — злится Фрол.— Может, по глупости написано... Ничего же не случилось, председатель на своем месте. Тут работы невпроворот, уборка, а мы толчемся, как те комарики над болотом, дудим и гудим... Видели таких? Пустоплясы...

— По приметам, комары столбиком толкутся к погоде.

— Тут наговорят, только слушай!.. По-моему же, запретить надо, к черту, трескотню эту, а заявление сжечь, чтобы и духу его не было... Сколько веревку ни вить — кончать надо!..

И Фрол жалуется на то, что с тех пор, как было написано заявление и приезжала комиссия, по селу идут разговоры и пересуды; что

председатель показывает себя человеком толковым, но действительно грубоват в разговоре и не очень общителен, надо бы покритиковать, а из-за этого заявления совестно... В общем, неладно, нехорошо получается. Многие же начинают думать, что и в самом деле не женщины писали, а люди, которые тайно подкапываются под нового председателя, может быть, родственники предыдущего, которых на селе немало. Поэтому и получается, что хозяйственные дела в колхозе идут хорошо, а между людьми свара, сплетницы языком молотят, подогревают и стравливают, и кузнец, который собирался из города в колхоз возвращаться, раздумал и сказал, уезжая: «К шершням лезть — меду не есть».

— Посоветовали бы, а? — просит Фрол.— Чтобы кончали заваруху эту.

— Кому советовать?

— Председателю... Или в райисполкоме там, в области, что ли.

Я только и могу, что пожать плечами:

— Ничего, Фрол Андреевич, из этого не получится... Рты людям не закроешь, мысли на цепь не посадишь!

— Это так, что уж и говорить... Да ведь жизнь от этого совсем наискосок идет! Иной раз так в уши нагудят, что поесть сядешь — и то охота пропадает.

— Ничего не поделаешь. Может, само размотается... А еще лучше, если бы выяснить, кто писал.

— Так думаете?

— По-моему, так вернее...

— А я не знаю...

Дня через три Фрол застает меня на берегу у речушки, на холме, куда по вечерам ходят посидеть влюбленные. Жаркое их воркованье глохнет в тяжелой росистой траве, но им, наверное, кажется, что слушают его дали и звезды; слушают, но никому не говорят. У ног их тихо жужжит бархатная, с искоркой на стрежне, вода; во тьме лугов, то вскидываясь, то поникая, играет пламенем, пульсирует одинокий костер рыбака, и по самому горизонту лежит цепочка огней городской окраины... Фрол находит меня здесь и, еще более мрачный, чем накануне, опускается рядом на траву, бросает кепку. Прохладный ветер треплет его еще темные, но уже как-то неуловимо потускневшие, посеревшие волосы: видно, и ему, как августу до ноября, недалеко до зимы...

— Навязался я на чужую голову,— тихо, словно извиняясь передо мной, укоряет он себя.— У матери твоей спрашивал, куда, мол, направился... Нехороший тут разговор у меня есть.

— Ничего, свои люди.

— Так и я подумал... Заявление-то я знаю, кто написал.

— Кто же?

— Сын мой, дурак, вместе с бригадиром да еще одним... Тридцать шесть лет землю топчет, детей наплодил, а в разум не вошел.

Признание это сбивает меня с толку.

— Да зачем это он?

— Пойми тут... Разыгрались под пьяную лавочку, решили председателю настроение испортить — не так сказал он им что-то, не по шерсти погладил... Думали, из области в правление перешлют — всегда так делали,— а тут свои пошумят — и концы в воду. А фамилии женщин поставили таких, которых обидеть грешно,— вдовы да заслуженные на работе... Просчет же потому вышел, что председателя из области посылали, на партийном собрании там рекомендовали, отвечают за него,— значит, смотреть нужно. Наломал дров, головешка чертова!

Он просит у меня папиросу, прикуривает на ветерке, сложив руки лодочкой. Некоторое время мы молчим, глядя в луга, по которым в разных местах бегут голубоватые тени облаков, думаем каждый свое. Журчит речушка, и мне, по странной прихоти мысли, вспоминаются раки, которые сидели на берегу день, два, пять... Их хватали вороны, пекло солнце, а они ждали очищения воды, отравленной кем-то по легкомыслию и неразумению... Но при чем тут эти дурацкие раки? Речь идет о людях, а они сами умеют действовать...

— Дочка его, а моя внучка, в техникум поступает, — говорит Фрол. — Не примут, как полагаете?

— Почему это?

— Отец — склочник, кому охота связываться? Учтут...

Ели

Майя БОРИСОВА

Карабкался газик по горным увалам,
К вершине отсчитывая километры,
А рядом
пожаром тайга бушевала,
И листья, как искры, носились по ветру.

А после
дорога, петляя, летела,
Любой поворот, как разгаданный ребус.
И черные ели взметнулись,
как стрелы,
Из пены берез к густосинему небу...

Когда-нибудь мы
доживем до покоя,
Где нет ни дорог, ни дорожных ночевок,
Где книги в шкафу,
телефон под рукою,
Визиты друзей, пианино в столовой.

Метель за окном
побушует и смолкнет...
И, разминая затекшие ветки,
В квартиру войдет
новогодняя елка
И сядет на кухонную табуретку.

По стенам метнутся дремучие тени,
Польется смолистый,
томительный запах...
Курносый сынишка,
вспотев от волненья,
Повесит ей шарик на колкую лапу.

А ночью
в окошке звезда замаячит,
И ляжет тропа через горы и степи,
И елка в углу
молчаливо заплачет
И сбросит бумажные
яркие цепи.

И станет мне душно на теплой постели,
Захочется ветра и мерзлого хлеба.
Я вспомню:
косые и черные ели,
Как стрелы,
неслись
в густосинее небо.

Эшелоны

Ахмед ЕРИКЕЕВ

Манят в путь меня доселе
От родимого крыльца
Две железных параллели
Без начала и конца.

Водокачки. Полустанки.
На ветру столбы гудят...
То минутные стоянки,
То минут на пятьдесят.

Пролегли через туннели,
Через долы чебреца
Две железных параллели
Без начала и конца.

Через реки, через плесы,
Вдоль полей, лесов, болот...
И бегут по ним колеса
Дни и ночи напролет.

А колеса, я замечу,
Петь нам песни — мастера,
Колыбельные — под вечер
И походные — с утра.

Перегоны, переправы!..
И летят во все края
Пассажирские составы —
Наши давние друзья.

Все придумано здесь мудро:
Спать захочешь — засыпай,
А проснешься:
— С добрым утром! —
Проводник разносит чай...

И по улицам зеленым,
Поднимая дым седой,
Пролетают эшелоны
С хлебом, нефтью и рудой.

И беседуют при встрече
На стоянках поезда:
— Как дела! Летишь далече!
— Я в Читу-у!
А ты куда-а!

И венчают то метели,
То цветочная пыльца
Две железных параллели
Без начала и конца.

Перевел с татарского
Я. Козловский.

— Думаю, что нет.

— А и поступит, так радости мало. Я еще месяц назад знал все это, да не хотел девочке дорогу отрубать, думал, потом как-нибудь... А что потом? Примут ее или не примут, а не стерпит она этого, как только станет известно, уедет куда-нибудь... Написано пером — не вырубишь топором!

— Но пока еще никто не знает.

— Я знаю, и другие узнают — кончать надо... Тоже и ему, сыну, не сладко, водкой глаза заливает, да она не берет... Поговорите вы с председателем, объясните, что и как, по глупости, мол, и такое прочее. А потом пусть на правление вызывает: сказал мой охламон, что повинится во всем.

— Все-таки, может, подождать с этим? — выражаю сомнение я, понимая, что никогда не забудет девочка этого потрясения и никогда уже не будет у нее той горячей любви к отцу и веры в него, которая помогает детям в трудные минуты их жизни. Очень веселая, синеглазая, с растрепанными льняными волосами — я видел ее на улице,— сидит она сейчас и готовится к очередному экзамену, веря, что в жизни все хорошо и увлекательно...

— Нет, чего уж,— не соглашается Фрол.— Сколько веревочку ни вей... Опять-таки, разберутся — хуже будет, подумают чего, а тут и всего-то, что дурь хмелем погоняют... Ну, спасибо не скажут, фамилию по всем стежкам и дорожкам потаскают, куда теперь от этого денешься? Года два чистить да стирать придется... Так вы уж объясните, что и как, скажите, мол, сам раскаивается... Он-то не идет: стыдно; мы вот со старухой просим...

— Хорошо, поговорю.

Больше нам в таком положении беседовать не о чем: у него нет оправданий, у меня нет утешения. Мы просто молча выкуриваем по папиросе, затем Фрол поднимается и уходит. Я долго вижу его сутулую от работы спину и опущенную руку с зажатой в ней кепкой, потом он опускается в лог, словно уходит в землю под тяжестью своей беды,— сначала ноги, потом туловище и, наконец, голова с потускневшими, серыми волосами. И хотя я знаю, что на свете еще немало всякого горя, в эту минуту мне больше всего жалко этого крепкого, работящего человека и синеглазую шестнадцатилетнюю девочку с книжкой... Они-то при чем?

Поэзия поколения

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

Еще древние говорили, что «поэты рождаются». Этим хотели выразить ту мысль, что поэзии нельзя научиться. Поэтом надо родиться. Отсюда как будто следует для многих тот печальный вывод, что учись не учись, а поэтом все равно не станешь, не получив на то таланта от природы. Я говорю «для многих» потому, что действительно многие тысячи людей, особенно молодежь в пору расцвета чувств, люди самых разных профессий, устремляются к искусству писания стихов.

Музы поэзии приходят к человеку обычно в час его первой любви или под влиянием вдруг вспыхивающего чувства красоты и необычайности всего того, что мы называем бытием, жизнью.

Я бы сказал, что именно в лирике всего ощутительней, интимней и потому конкретней отпечаталось то новое, что называется «советский человек» — предмет гаданий буржуазных журналистов. Советский образ жизни, наше мировоззрение, подход к людям — ведь на почве всего этого прежде всего и рождается наша лирика. И тут хочешь вспомнить Алексея Недогонова, чье поэтическое наследие почему-то оказалось забытым в разговорах последних лет о путях нашей поэзии.

В прошлом году в издательстве «Советский писатель» вышел том избранных стихов А. Недогонова. В нем было опубликовано сорок два стихотворения, ранее не включавшихся в сборники Недогонова. Недавно в «Комсомольской правде» появились также ранее не публиковавшиеся талантливые песни Алексея Недогонова: «Мыс желания», «Почта сарафанная», «Серьезная любовь», «Танин соловей».

Когда ж услышал Недогонов пушкинской «цевницы первый стон»? Мальчиком, помогая своему отцу-рабочему в донбасском городке, Алексей Недогонов полюбил народные песни, частушки и сам стал сочинять тексты для новых песен. Он не готовился быть поэтом. От своих отцов и дедов принял он трудную судьбу. Он был плотником, работал в шахтах крепильщиком, врубмашинистом. Он учился сначала в горнопромышленном училище. И вот где-то рядом, из чувства поэзии, что живет в самом народе и в его песнях, в его труде, рождались и его первые стихи. Двадцатилетним юношей, в 1934 году, Недогонов писал:

Ты меня на битву позови, —
это будет — именно для мира.
Я возьму товарищей,
свинца,
хлеба фунт.
И песенку поэта.
У моих товарищей сердца
из железа,
радости и света.

И так была неодолима эта сила поэзии, проснувшейся в сыне кузнеца, что она привела его в конце концов к серьезному и профессиональному изучению техники стихотворного слова. Недогонов учится в Литературном институте в Москве вместе с другими поэтами его поколения, начавшими печататься в начале и в середине тридцатых годов. Институт дает своим питомцам очень важное: творческую среду, повышает общую культуру, учит стихотворной технике. Но он не может учить поэзии. Поэзия — это особое видение мира. Поэзия в литературе рождается из соприкосновения с поэзией самой жизни и поэзией в хороших стихах — и классиков и современников.

Теперь, когда перелистываешь первые страницы сравнительно небольшого томика стихов — всего наследия, оставшегося после Недогонова,— обращает на себя следующее: здесь, в сущности, остался почти не отраженным быт его юности — запах угольной пыли, древесных стружек, звон и скрежет шахтных машин. Но громко и сильно зато звучит в его стихах острое чувство исторического момента. Алексей Недогонов духовно как советский поэт созревал в годы, когда в Германии к власти пришел Гитлер, когда развертывались революционные бои в Китае, в Испании. «Чахнут рейнские травы! Поднимаются кули Шанхая! И совсем неспокойно течет на Амуре вода!» — писал Недогонов в стихотворении "Прощание».

Это тема недогоновского поколения, которое вступало в жизнь в героическое время первых пятилеток. Мужество, сознание исторической роли советского человека, чувство его ответственности и широких исторических горизонтов, открывшихся перед ним,— вот чем дышали первые недогоновские стихи. И рядом в этих стихах весна, любовь, расцвет жизни. Это острое чувство цветения и красоты жизни, пронизанное еще не осознаваемой, но явственно угаданной и нарастающей военной тревогой,— все это переплетается в стихах Недогонова.

По своей энергии и изобразительной силе даже ранние стихи Недогонова заставляют вспомнить поэтов старшего поколения: Н. Тихонова, Э. Багрицкого. Он говорит: «Святое зачатье цветенья», или: «Распахнутый утренник мира».

Да, весна! Ее встречают воды,
взрывы почек, пение дроздов,
на рассвете, в тишине природы,
пригородный говор поездов.

Поэт пишет о том, как пионеры выехали в лагерь, как ставят на деревьях скворечни. Ритмы труда, радости самой жизни сливаются в одно счастливое чувство:

Вот оно, извечное начало
жизни нашей, счастья и любви.
Видишь, как над миром
рассветало?
Выпей всю природу — и живи!

Поражает, как уверенно и быстро Недогонов овладевает тайнами стихотворного слова: ритмикой, лексикой, фонетикой. Вот, например, стихотворение «Там, в саду, за тигровою...», написанное в 1935 году. Трехдольник с редкой дактилической рифмой искусно пронизан звуковыми песенными узорами:

— Ну, откликнись! Где же ты?
Расскажи мне — что же ты? —
как тобой пережиты
дни, что порознь прожиты?

Хороши песни Недогонова, по образам, словарю, по всем истокам своим восходящие к русскому фольклору, раздольной песне,— «Песня о молодом казаке», «Голубок», «Солдатский сказ».

Сильно, свежо, по-своему чувствовал Недогонов все прекрасное вокруг и по-своему умел выразить это прекрасное. Оно олицетворялось у поэта и в образе Родины, и в картинах нашей природы, и в зарисовках простых и чудесных наших людей, и в изображениях любви и солдатской нерушимой дружбы. И, может быть, особенную остроту стихам Недогонова придавало никогда не покидавшее его ощущение грозного исторического «фона».

Есть у Недогонова написанное в 1938 году стихотворение «Предчувствие». Гогочут в долине гуси, рано, на рассвете вспыхивает и потухает огонь. Чудятся «звезды золотые! Блеск шелома! Ржание коня». И вот молчаливо выходит на крыльцо поэт:

Ночью шла гроза,
корежа клены,
сны ломая,
руша погреба...

* * *

Мимо пролетают эскадроны,
и ревет военная труба.

Блоковское «И вечный бой! Покой нам только снится...» можно было бы поставить эпиграфом к судьбе всего недогоновского поколения. Если древние изображали музу лирической поэзии с двумя флейтами в руках, а музу эпоса Каллиопу — с палочкой и восковой дощечкой, то музе Алексея Недогонова пришлось взять в руки вместо флейты военный рожок. Более шести лет провел Алексей Недогонов в армии и под огнем. Сначала солдатом, потом военным журналистом. Он был тяжело ранен под Выборгом. Поэт прошел всю Великую Отечественную войну на фронтах — от первого дня до последнего:

Две войны я протопал в пехоте
под началом твоим, Аполлон.
Я изведал атаки в болоте,
и кровавые нары в санроте,
и мучительной музы полон.

В сущности, почти вся лирика Алексея Недогонова, все, что он написал с 1940 года, овеяно войной, все в ее огненных бликах. Природа, госпиталь, встреча с однополчанами, зарисовки на дорогах войны, даже игра в шахматы — все в отсветах войны («Но вот в России в сорок первом безумный ферзь попал в цейтнот» и т. д.). Как писал Недогонов в своей превосходной «Балладе о железе», «беспощадным железом покой человека изрезан...»

И в то же время в военной лирике Недогонова нет никакой батальности, бряцания и даже трубных возгласов после победы. Вся она, эта лирика, наполнена человеческим теплом и мужеством патриота. Читая Недогонова, замечая жестокие приметы войны, рассыпанные в его стихах, видишь и чувствуешь вот это человеческое, зовущее людей к миру и труду:

Я бы всю свою жизнь,
что вперед мне отпущена, отдал,
я пошел бы на то,
чтоб при всех,
под сияньем светил,
из меня златоустинский мастер
снаряды сработал
и чтоб их Железняк
в зачинателей войн вколотил!

Вдумываясь в стихи Недогонова о войне — стихи, полные истинной гуманности, дышащие ширью страны коммунизма,— глубже начинаешь понимать его: «Я шел сквозь ад, рискуя головой, чтоб руки греть у сердца твоего». Нет, не только у сердца любимой женщины. У сердца родного народа! Самой Родины!

Еще не окончилась война, а Недогонов уже начал писать на походе в Румынии свою большую поэму — «Флаг над сельсоветом». Эта поэма принесла ему наибольшую известность. О ней много писали. Это история двух солдат, вернувшихся с войны в свой колхоз,— Андрея Дубка и Егора Широкова; одного, охмеленного войной, другого, сохранившего свой верный шаг в жизни. Они оба выходят на общую дорогу, становятся строителями своего родного колхоза. Теперь, когда прошли годы, видишь и некоторые недостатки этой яркой и талантливой поэмы. Есть в ней и некоторый элемент парадности при изображении колхозной жизни, что связано с рядом общих недостатков литературы того времени. Но как много света в этой поэме: «Ой, свежа под осень жатва! Сколько света впереди!»

Недогонов говорил о себе, прошедшем огонь двух войн: «Где сейчас я? Не ищи на карте... Только люди говорят, что я в Греции, в Чанду и в Джокьякарте в дьявола стреляю из ружья!»

...до ста лет, наверно, проживу
я,
коль своею смертью не умру.

Случайно оступившись с подножки трамвая, поэт погиб, когда так много света было у него впереди. Это было в год выхода его первой книжки стихов — «Простые люди», в году 1948-й, на тридцать пятом году его красивой и мужественной жизни.

Перелистывая теперь томик стихов Алексея Недогонова, наполняешься не только чувством благодарности к поэту за то чистое и хорошее, что он оставил людям. Видишь, что написанное им было не только итогом пережитого, но и прологом к тому замечательному, что ждало поэта с «его горением, с его неодолимой жаждою». И поэт, писавший для «простых людей», как живой, встает со страниц своих стихов вместе с запахами донских степей, говором железа и биением горячего человеческого сердца. И не в том ли тайна подлинной поэзии, что за ней всегда стоит живой человек! Алексей Недогонов был истинным человеком нового мира, который он защищал, строил и пел и который строим мы.

В кратере дейст

Этот снимок вулкана сделан с борта самолета, пилотируемого летчиком Ф. Марченко.

Фото специального корреспондента «Огонька» В. ТЕМИНА и участника спуска в кратер вулкана альпиниста Ю. ИВАНОВА.

В августе этого года альпинисты из Петропавловска-на-Камчатке — работник Областного комитета физической культуры и спорта Юрий Иванов и инженер Петропавловской судоверфи Воислав Милованович — совершили спуск в кратер одного из действующих вулканов Камчатки — Авачинской сопки.

Юрий Иванов рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Каждый, кто поднимался к вершине Авачинской сопки и заглядывал в пышущее парами, сотрясаемое обвалами жерло вулкана, думал: «Спуститься бы туда, посмотреть, что там происходит...» Давно мечтали спуститься в кратер и мы — я и мой друг, инструктор альпинизма инженер Воислав Милованович.

Мы совершили несколько попыток, но все неудачно: то из сопки поднимался слишком сильный пар, и в кратере ничего нельзя было рассмотреть, то от ураганного ветра в жерло срывались многотонные массы снега и камней.

И вот 18 августа мы высадились из «газика» километрах в десяти от подножия Авачинской сопки и двинулись к дымящейся вершине. Впереди величественные, почти круглое лето покрытые белоснежной шапкой действующие вулканы Корякской и Авачинской сопок. Горные исполины словно замерли в вечном сне. Но таково лишь первое впечатление. Порой над Авачинской сопкой поднимается громадный белый столб пара, — сколько энергии таится в этих огнедышащих горах!

...Машина ушла. Мы взвалили на спину тяжелые альпинистские рюкзаки и тронулись в путь. Погода была скверная, хуже и не придумаешь: с низкого, застланного тучами неба лил холодный дождь, окружающие холмы и сам вулкан окутывал плотный туман. А самое неприятное — ходить в тумане: кругом ничего не видно, неожиданно то справа, то слева выплывают каменные глыбы, а под ногами — пемза и всякие осколки.

Но и в моменты прояснения перед нами открывалась мрачная, неприветливая картина. Куда ни кинешь взгляд, всюду беспорядочное нагромождение огромных, причудливой формы вулканических бомб. У самых ног — глубокий, многометровый каньон так называемой «сухой речки». Когда-то в этом месте с диким ревом и грохотом мчался к Тихому океану раскаленный поток лавы, сметавший все на своем пути... Об извержении вулкана до сих пор напоминают крючковатые, обгоревшие, без листьев стволы деревьев. Мертвый лес, в котором не слышно пения птиц, не видно ничего живого...

На высоте около тысячи метров мы вышли на гребень, тянувшийся в направлении на север. Сложенный из сыпучих пород, этот «гребешок» доставил нам много трудностей. Идти приходилось очень осторожно: камни, как живые, то и дело ускользали из-под ног в сырую, молочную мглу пропастей. Где-то глубоко внизу слышался грохот обрушившейся породы.

На высоте двух тысяч метров мы решили остановиться на ночевку. Устали, промокли, хотелось спать. Около бурного горного ручья, на пемзовой осыпи, установили палатку. Когда крепили ее, выяснилось, что под тонким слоем пемзы — многометровая толща ледника. Поужинали и залезли в палатку. Но о сне не могло быть и речи: снизу, от ледника, несло пронизывающим холодом, так что зуб на зуб не попадал. Сильный ветер пытался сорвать палатку, по ее скатам барабанил дождь. К утру похолодало, дождь прекратился, ветер стих, и совершенно неожиданно выпал снег.

В половине пятого утра, почти окоченевшие, выбрались мы из палатки и долго прыгали вокруг нее, пытаясь согреться. К нашей радости, туман рассеялся, и глазам представилась величественная картина: покрытый ослепительно

← Корякский и Авачинский вулканы.

белым снегом конус кратера, из которого шел сильный пар. Быстро собрались в путь. Перед походом кто-то решил напиться, но бурный ручей исчез. Как видно, он замерз ночью. Около русла ручья, в десятке метров от палатки, на снегу виднелись медвежьи следы.

Восхождение на сопку заняло около трех часов. Оно не представляло особого труда для опытного альпиниста: довольно ровный подъем в тридцать пять — сорок градусов. Затруднял только грунт — сыпучий, на котором не держалась нога.

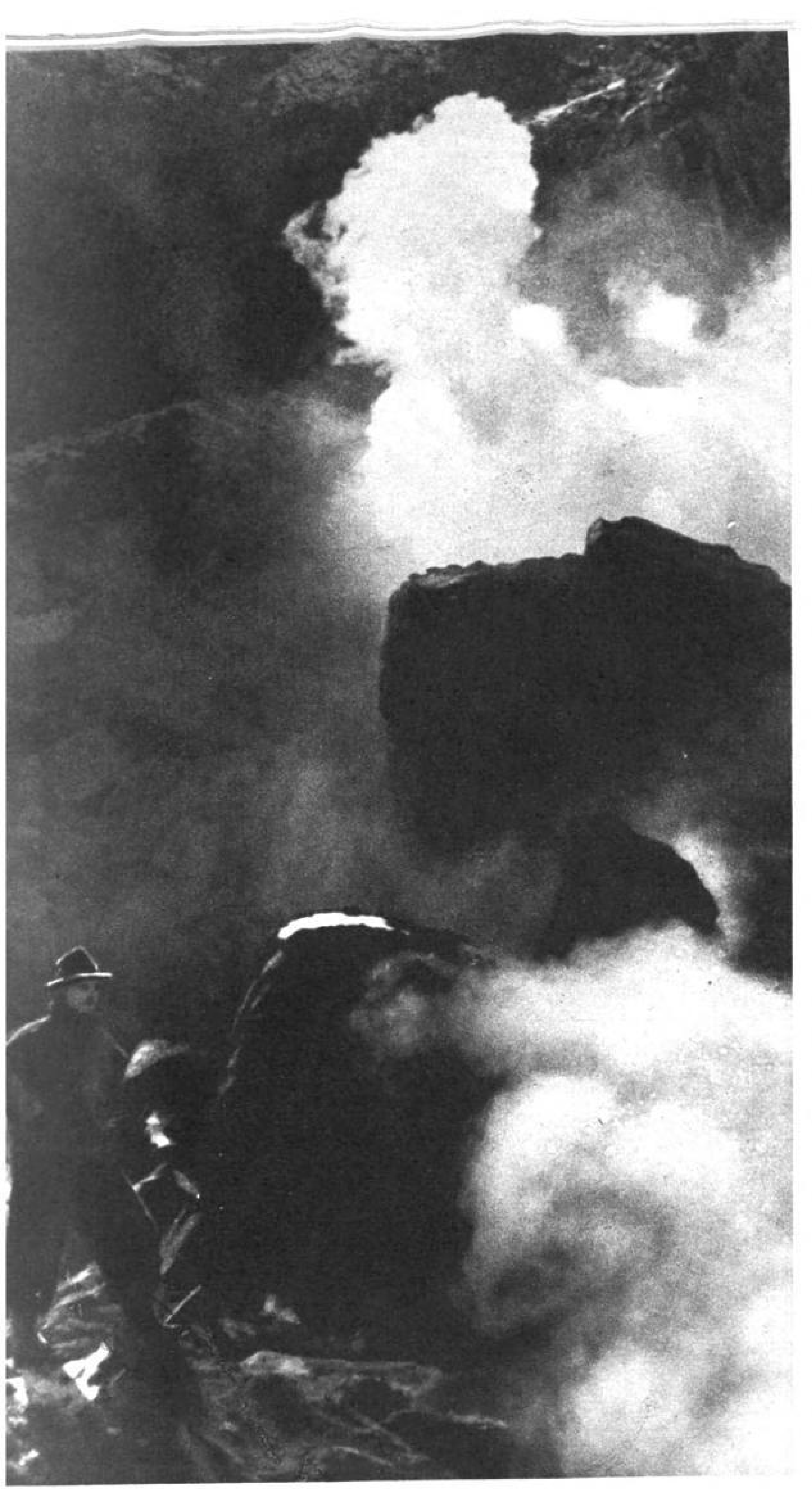
Взошло солнце. Оно осветило островерхие сопки, зеленые леса, голубые ленты рек и беспредельную синь Тихого океана с его живописными бухтами и заливами.

Метрах в пятидесяти от кратера показалась первая фумарола — горячий газ, с шипением выбивающийся из заиндевевшего отверстия...

В девять часов утра 19 августа мы подошли к кратеру. Гигантская, с острыми зубчатыми краями воронка уходила вглубь земли. Мы внимательно осмотрели кратер, подыскивая удобное место для спуска. Скалистые, сложенные из сыпучих пород стенки почти отвесно обрывались вниз. На дне кратера, сквозь облака пара, смутно виднелись нагромождения вулканических бомб, забивавших жерло.

Юрий Иванов.

→ Дно кратера действующего Авачинского вулкана.

На дне кратера.

Очень беспокоили нас постоянные лавины, с грохотом падавшие вниз: снег таял, вода размывала породу, и камни обрушивались в кратер.

После долгих поисков мы обнаружили с юго-восточной стороны «ворота» — громадную щель, через которую когда-то изливался поток лавы. Связавшись капроновой веревкой, я и Воислав Милованович проникли в кратер.

Метров двадцать шли вдоль стенки кратера, страхуя друг друга, а потом начали спуск. С первых же метров пришлось внимательно следить за каждым шагом: стенка была очень ненадежна, при неосторожном движении камни уходили из-под ног. Особенное беспокойство доставляли нам нависшие над головами карнизы края кратера. На них повисли длинные бугорчатые сосульки, которые остриями были направлены, казалось, прямо на нас... Осторожно, шаг за шагом преодолели метров сто пятьдесят. Дно кратера все ближе и ближе. Уже отчетливо видны зеленоватые, желтые и красные глыбы на дне, чувствуется насыщенность воздуха серным газом, слышен гул, идущий откуда-то снизу.

Последние шестьдесят метров мы спускались, закрепив веревку, по совершенно отвесной стенке.

И вот наконец нога коснулась дна кратера вулкана... Я взглянул на часы — стрелки показывали около двенадцати часов. Значит, наш спуск занял два с половиной часа.

Жарко, душно. Тяжело дышать, от сернистого газа ломит в висках, из глаз текут слезы, не хватает кислорода. По временам откуда-то сверху ветерок приносит свежий воздух, и мы жадно ловим его.

Я осторожно двинулся к жерлу. Оно было завалено многотонными глыбами, настолько горячими, что рукой невозможно было дотронуться. Взбираемся на одну из гигантских глыб. Со всех сторон с громким шипением и свистом выбивается горячий пар. Глыба дрожит и подпрыгивает; от гула и рева, несущегося из-под скалы, глохнешь... Оба чувствуем головокружение. Решили побыстрее обследовать дно и выбираться наверх.

Ближе к северному краю дна, между камнями, обнаружили небольшую, метров в десять длиной и пять шириной, покрытую песком площадку. Стоило на нее ступить, как нога поползла куда-то вглубь и погрузилась в зыбучий, раскаленный песок. По временам на песке образовывались воронки, из которых с шипением вырывался газ. Все кругом покрыто налетом серы. Прошло всего лишь пятнадцать минут, но нам казалось, что мы здесь уже целую вечность. Хотелось побыстрее выбраться к солнцу, к чистому воздуху.

Когда мы, прыгая с камня на камень, зажимая носы, приближались к веревке, с помощью которой должны были подниматься, сверху послышался быстро нарастающий грохот. В кратер падал камень тонны в полторы... Мы бросились в расщелину, прижались к горячей породе. Камень пролетел мимо, врезался в жерло и взорвался, как бомба.

Порядком напуганные, мы бросились вперед. Вот и веревка. С большим трудом вскарабкались по отвесной стенке.

— Ну что ж, пожалуй, можно и перекурить,— предложил Милованович.

Привязанные к камням, мы отдыхали, наслаждаясь почти чистым воздухом. Внизу остались угрюмое жерло, трясущиеся камни, гудящие фумаролы...

— Тур!.. Ведь мы забыли сложить тур!

Несколько минут мы тупо смотрели друг на друга, пытаясь придумать что-нибудь. Но придумать ничего не удалось. Был лишь один выход: снова спускаться на дно кратера! Мы потянули жребий. Лезть вниз досталось Воиславу.

Пока он спускался, со мной произошла весьма неприятная история. В одном месте из щелки в стене сочилась вода и выбивался парок. От нечего делать я стал ковырять щелку ледорубом. Струя пара увеличилась. Это меня заинтересовало. Я расширил отверстие, и вдруг что-то треснуло в стене, со свистом вырвался пар, и прямо на меня плеснула горячая вода. Уходить было некуда! Здесь веревка, по которой ползет Воислав... «Сварюсь заживо!» — забеспокоился я, пытаясь забить щель камнями. К счастью, совершенно неожиданно вода перестала течь.

Воислав вылез, мы немного отдохнули и стали подниматься наверх.

Воислав Милованович.

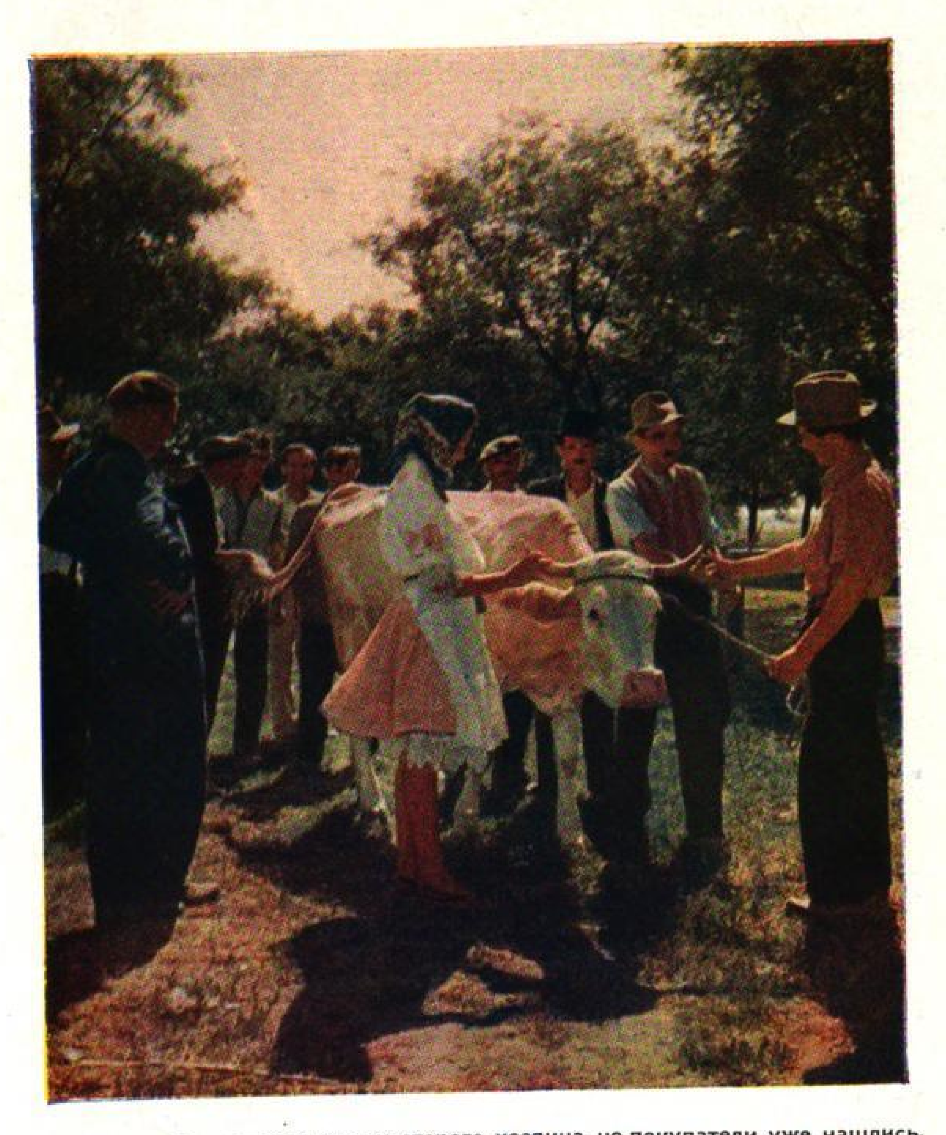
Все ближе и ближе край кратера, чистый воздух приятно щекочет ноздри, над головами синее небо...

Последний взгляд в кратер. Да, глубина его не меньше двухсот метров. Приятно смотреть вниз и думать: «Я там был...»,— но вторично лезть туда особого желания нет!

Быстро совершив спуск с сопки, мы свернули палатку и отправились домой, где нас ждали родные, друзья! За нашими спинами возвышался вулкан. Над его конусом поднимался столб пара, ярко выделяющийся на фоне темно-синего неба.

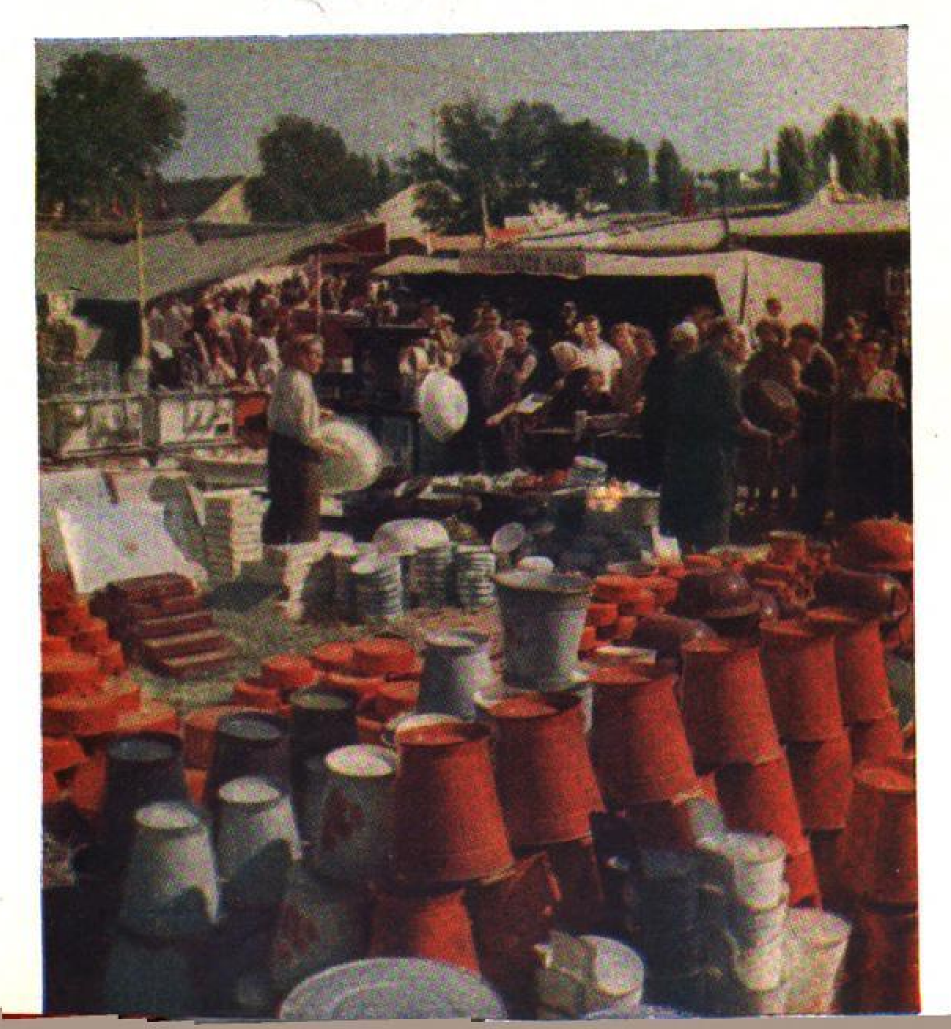

Веселая ярмарка

Смирная Ришка пока еще у старого хозяина, но покупатели уже нашлись.

Здесь есть все, что нужно в хозяйстве.

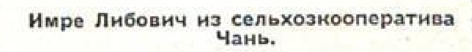
Разве может быть ярмарка без карусели?

Ярмарка — традиционное радостное событие в жизни венгерского народа. Называется она здесь «веселой», и недаром. С нетерпением ждут ее и взрослые и дети. Одновременно это и праздник нового урожая, когда пробуют свежий, душистый хлеб, запивая молодым вином. К тому же ярмарка проводится в День конституции. Вот сколько поводов рассматривать ее как празднество!

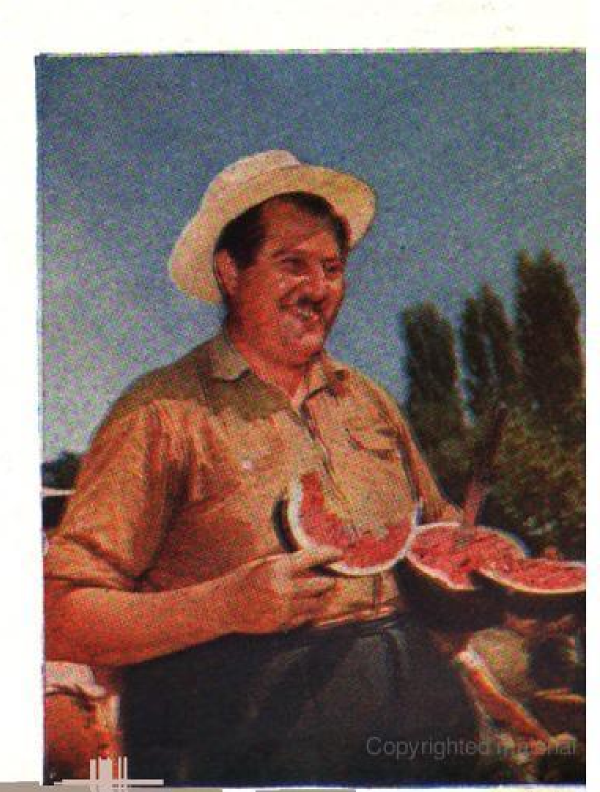
Нынче двухдневные ярмарки проходили в двадцати трех городах страны. Одна состоялась в городе Пече, который славится своей красотой.

На улицах и площадях этого небольшого старинного города невиданное скопление народа. Направляясь к месту ярмарки, издалека слышишь танцевальную музыку. А скоро глазам открывается чудесное зрелище. Над входом огромная красочная надпись: «Веселая ярмарка». Нарядные павильоны и палатки; в них можно купить хорошую одежду, домашнюю обстановку, радиоприемники, велосипеды, хозяйственные вещи. Богато представлены изделия кустарной кооперативной промышленности: детские игрушки, предметы рукоделия, ярко раскрашенные пряники. В шатрах продаются разнообразные напитки и молодое вино, здесь же можно подкрепиться жареной колбасой, купить фрукты.

Шумно и весело. Звенят голоса молодежи, одетой в праздничные национальные костюмы. На каруселях кружатся парни, девушки,

Имре Либович из сельхозкооператива Чань.

Глаза разбегаются от такого выбора кружев.

Приятно отведать жареной колбаски!

детвора. На специально устроенной сцене народный оркестр исполняет венгерские песни и танцы, выступают артисты и коллективы художественной самодеятельности.

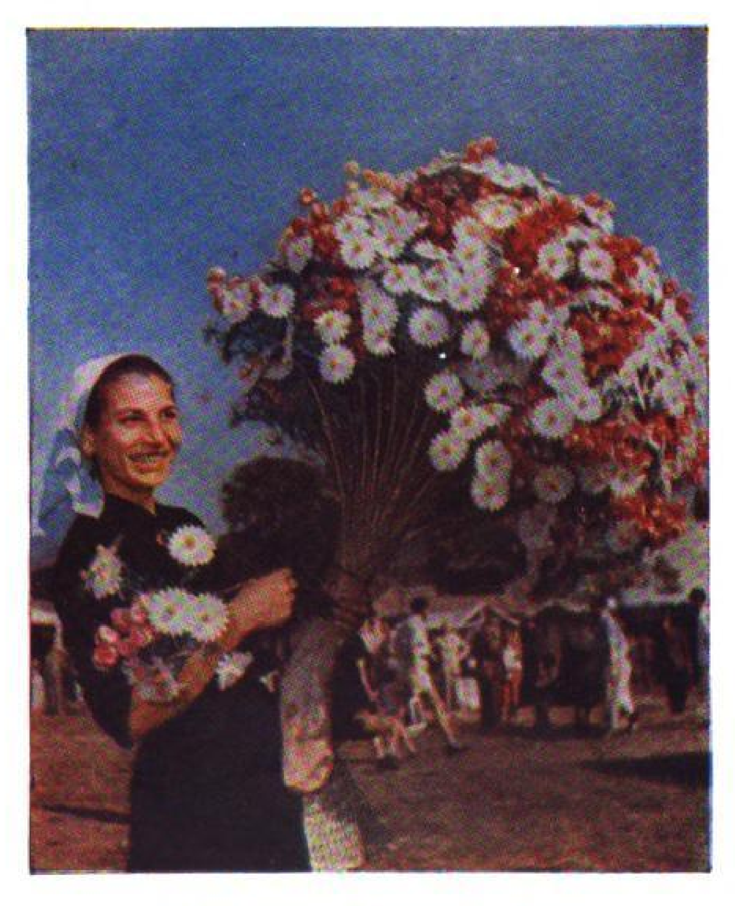
Только поздно вечером, нагруженные покупками, усталые и довольные, покидают посетители ярмарку. Многие прибыли сюда из отдаленных мест Юго-Западной Венгрии.

Имре ВАРГА

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Город Печ.

Как не купить ярмарочный цветок!

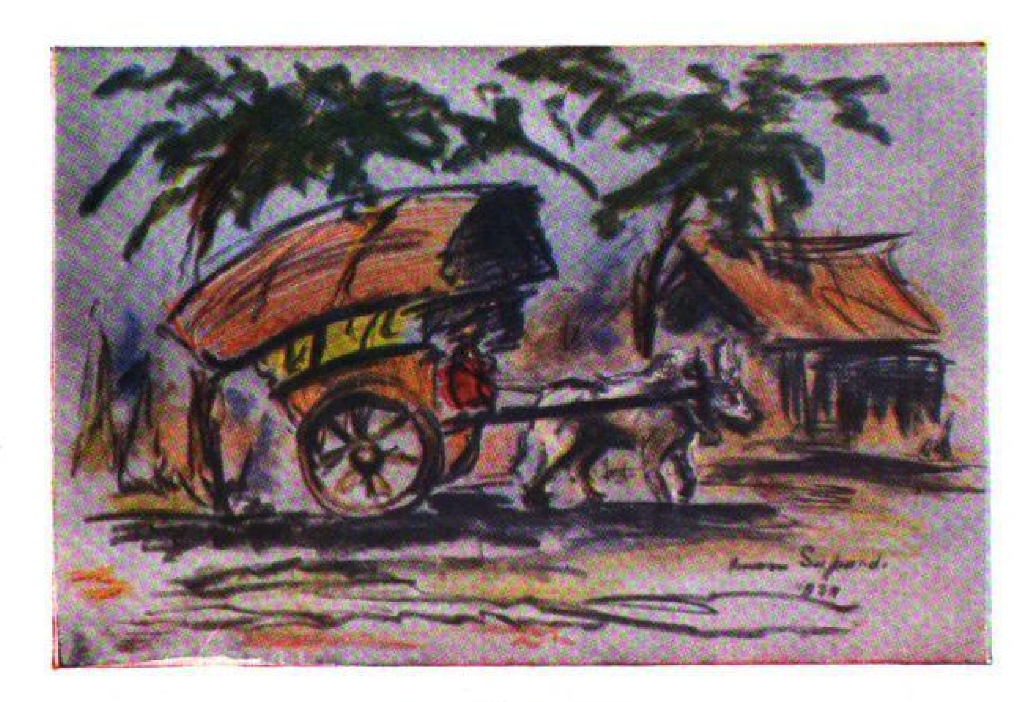
Продавец птиц.

Художники ИНДОНЕЗИИ

В Москве в канун национального праздника Индонезии — Дня провозглашения республики — была открыта выставка произведений современных индонезийских художников. Это — первое наше знакомство с богатым и разнообразным творчеством индонезийских живописцев и графиков, мастеров по отделке тканей и скульпторов, работающих по дереву, вышивальщиц и гончаров, ювелиров и кукольников. Многое в экспозиции выставки принадлежало неизвестным художникам. Таковы удивительно выразительные скульптуры из дерева, вызывавшие восторг посетителей художественной тонкостью обработки, реализмом изображения. Таковы и рисунки безыменных мастеров с острова Бали, издавна прославленного центра индонезийского искусства. Под одним из таких рисунков нет даже названия: можно только догадываться, что художник изобразил здесь обработку рисового поля.

Много впечатлений оставил живописный раздел выставки. Пожалуй, раньше всего бросался в глаза и задерживал надолго внимание посетителей портрет молодой девушки, выполненный художником Сумарди. Это полотно говорит о большом таланте его автора, сумевшего передать не только все очарование внешности своей юной современницы, но и типичные черты полного благородства, достоинства и доброты народного характера.

РИСУНОК С ОСТРОВА БАЛИ.

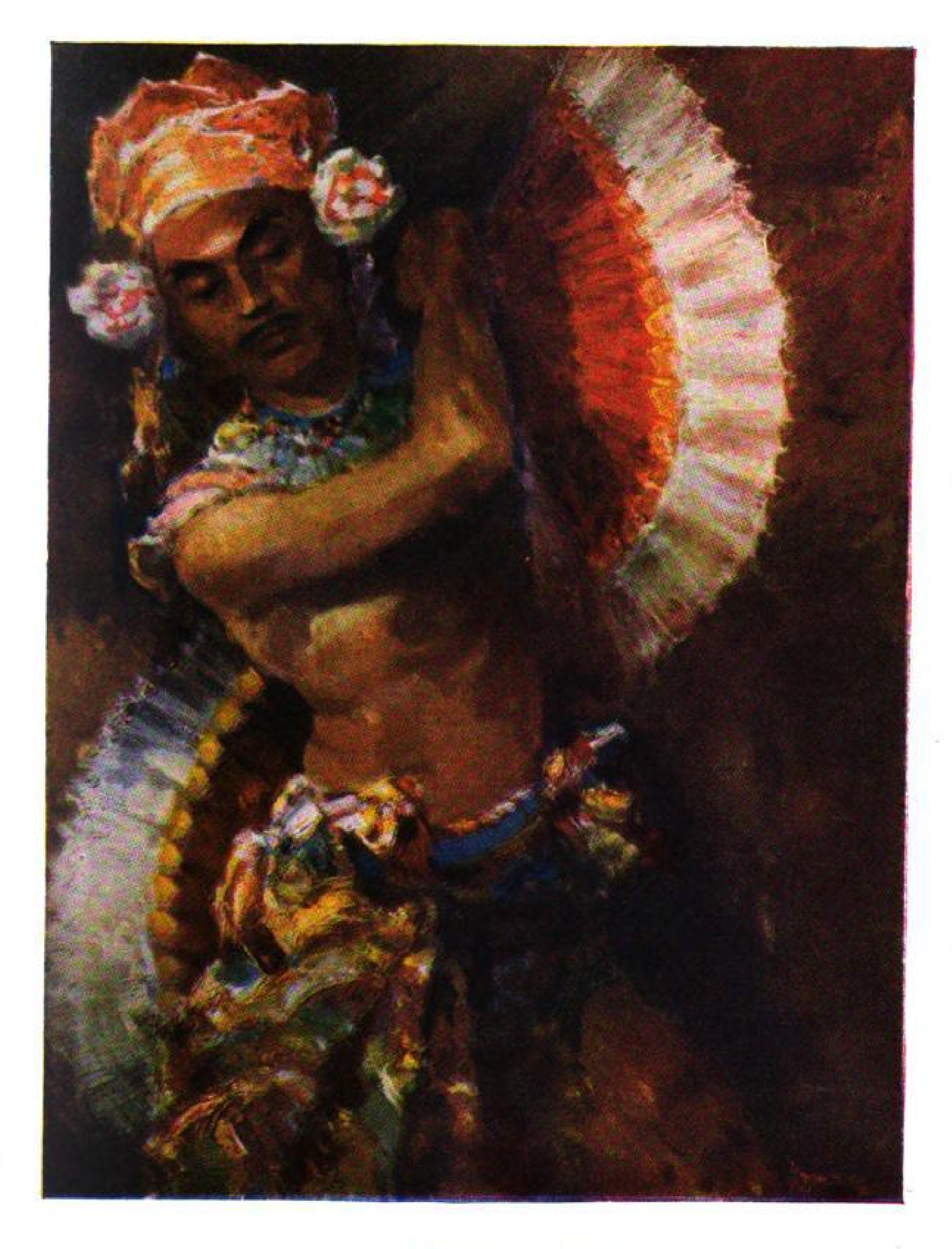
Имам Субарди. АРБА.

Нельзя не отметить тонкость кисти, мягкую задушевность колорита в картинах Имама Субарди. И опять в избранных им простых и незатейливых сюжетах мы видели непосредственно и живо переданные картинки народного быта. А «Танцор» Аффанди, написанный темпераментно, с большим мастерством, воспринимался как еще одно яркое свидетельство самобытного и большого искусства народа, сказавшего свое слово и в мастерстве танца.

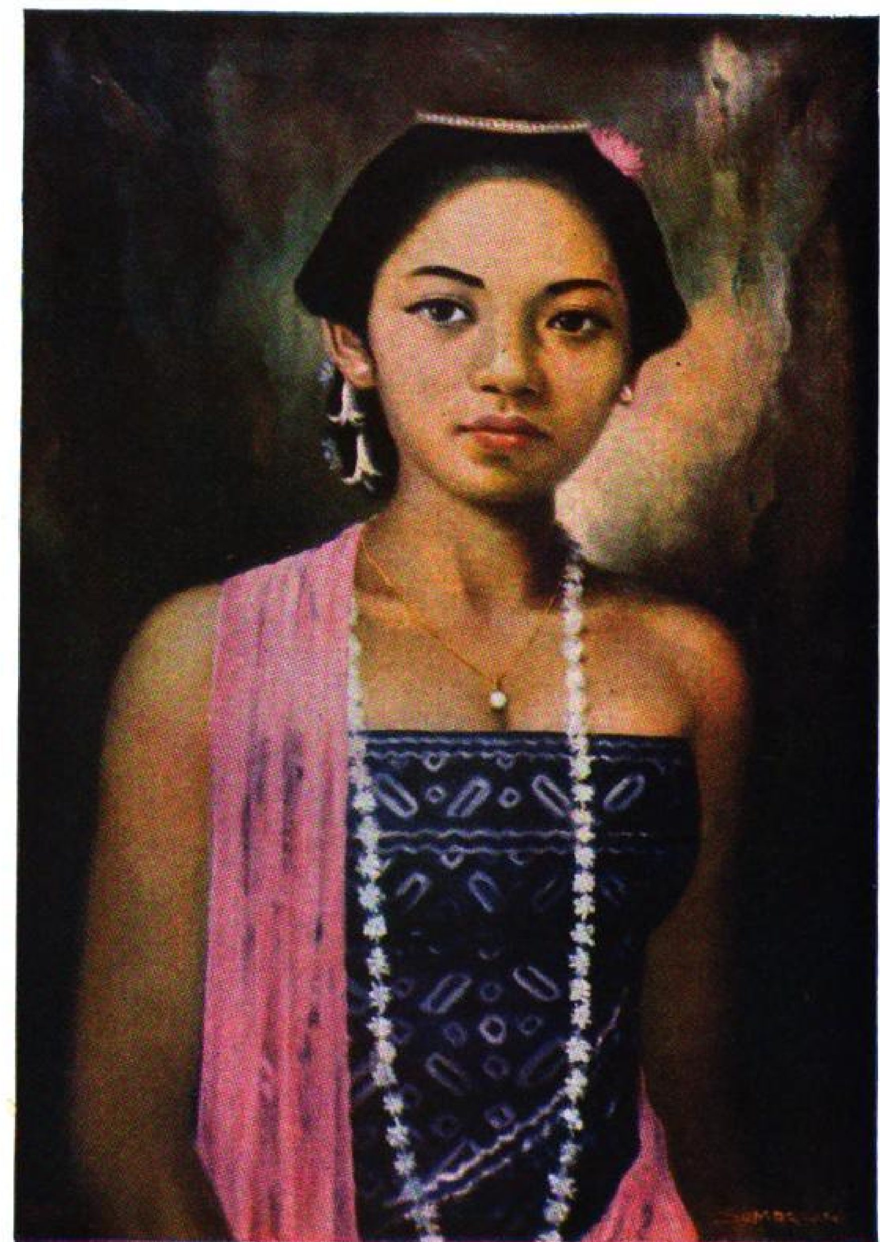
Шире других представлена была на выставке живопись Барли, носящая явные следы влияния французского импрессионизма, но в то же время глубоко национальная: художник использует чуть ли не всю гамму желтого и красного — излюбленных цветов у живописцев его родины. И в публикуемой жанровой картинке — та же щедрость красок, почти сверкающих.

Первая наша встреча с изобразительным и прикладным искусством Индонезии вызывает самые добрые чувства к ее художникам. И не только к художникам. Посетители выставки тепло и сердечно приветствовали в своих записях талантливый, трудолюбивый народ Индонезии.

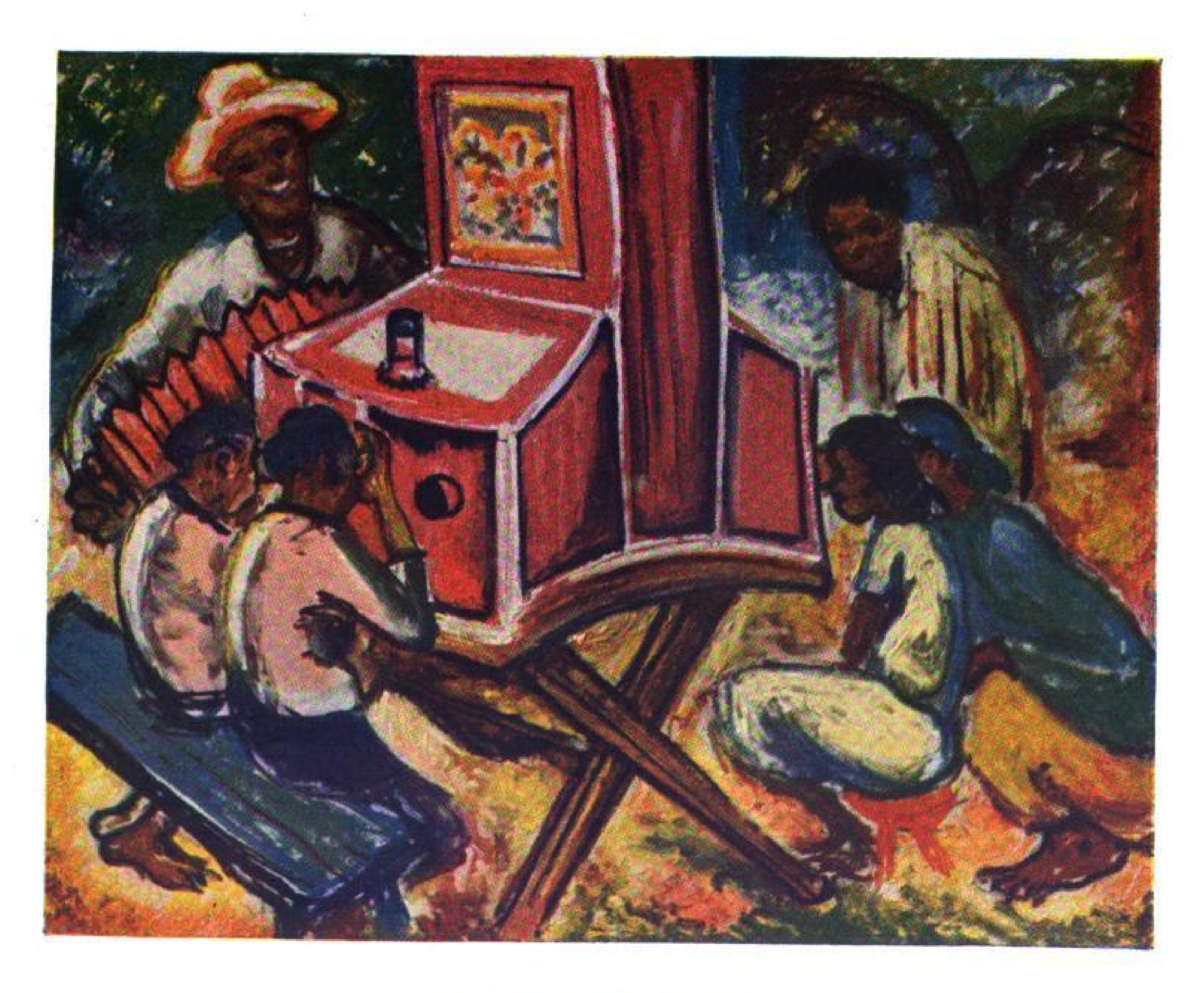
Е. НИКОЛАЕВА

Аффанди. ТАНЦОР.

Сумарди. ПОРТРЕТ.

Барли. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ.

Пруды на рисовых полях

Профессор В. МОВЧАН,
член-корреспондент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

В Запорожье, на крутом и обрывистом правом берегу Днепра, привольно раскинулось большое живописное, утопающее в цветущих садах село Беленькое.

Это — одно из красивейших сел на нижнем Днепре. Здесь все дышит обилием и богатством. Природа поистине щедро одарила этот уголок. Земля, климат позволяют выращивать тут многие культуры, в том числе рис, а на заливных рисовых полях колхозники даже разводят рыбу.

Две артели, расположенные в этом селе — имени Кирова и имени Ильича,— уже много лет культивируют рис. И история появления карпа на здешних рисовых полях тоже немалой давности. Начало ее восходит к 1936 году. Вот как это было...

Издревле известно, что рисовые поля — великолепные своеобразные пруды. В самом деле, небольшие продолговатые участки их — чеки — окаймлены маленькими валиками. Обычно поле затоплено водой 3—4 месяца. Южное солнце щедро прогревает этот небольшой — до 30 сантиметров — слой воды, в котором может хорошо развиваться богатый естественный корм для рыб. Пока зреет рис, в его зарослях можно выращивать и зеркальных карпов, и сазанов, и их гибридов — карпо-сазанов.

Но как быть с мальками карпа? Где «выхаживать» их?

В обычных условиях молодь карпа все лето «воспитывают» в специальных прудах рыбоводного питомника. Зимует она уже в других, глубоких прудах, а ранней весной однолетки выпускаются в нагульные пруды.

Но здесь, на юге Украины, и, в частности, в селе Беленьком, рыбоводных питомников в 1936 году еще не было, да и строить их можно далеко не везде. Мне, тогда еще молодому ученому, впервые приехавшему в эти места, хотелось попробовать выращивать рыбу прямо на рисовых полях. Заманчивой показалась эта идея и колхозникам.

До того в колхозных прудах на юге Украины мы проводили опыты по выращиванию столового карпа за один вегетационный период. Результаты превзошли наши ожидания. Карп за одно лето достигал полноценного, столового, веса — в 500—600, а отдельные экземпляры — даже в 1200 граммов.

— Будем выращивать мальков зеркального карпа в чеках,— предложил я собравшемуся в колхозе имени Кирова активу.

Кто-то бросил реплику:

— Рыба среди риса?! Только потолчет его!

В ответ последовало объяснение:

— Надо понять, что это за рыба! Карп ведь—настоящий мелиоратор: он поедает сорняки. Больше того, он уничтожает вредителей. А мясо-то какое! А вес!..

Осенью того же, 1936 года, возвратившись в Киев, я решил во что бы то ни стало заложить опыт на рисовых полях, и именно в Беленьком. Отобрав в питомниках несколько тысяч живых рыбок-мальков карпа, я повез их в специальных живорыбных бочках на пароходе в Беленькое. Вода в этих необычных «аквариумах» день и ночь освежалась речной, днепровской, и, к удивлению колхозников, крошечные «пассажиры» благополучно прибыли в село и скоро очутились среди побегов риса.

Чтобы вырастить «товарную» рыбу из таких маленьких существ, которые едва весили полграмма, нужны были старательные рыбоводы. Требовался колхозу человек, который посвятил бы этому делу свои усилия и быстро приобрел бы знания по рыбоводству.

— У нас много инициативных и талантливых людей,—сказал председатель колхоза,— но рыбоводством, пожалуй, лучше других колхозников сможет заняться Григорий Нестерович Дьяченко.

Прошло лето. Перед уборкой риса в Украинский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства, где я тогда работал, пришло письмо с просьбой приехать на облов рыбы с рисовых чеков. На пристани меня встречал Григорий Нестерович. Вид у него был обескураженный.

— Боюсь, что рыбы в чеках нет! — удрученно произнес он.

С пристани мы пошли прямо на рисовые поля.

Солнечный свет едва проникал сквозь толщу воды, затененную к тому же густыми зарослями. На дне водоема царил полумрак. Только серебристая вода из каналов оживляла его. Нужно было долго, мучительно долго наблюдать за жизнью подводного мира, чтобы с трудом заметить юркого в воде карпа, кажущегося значительно меньше обычного.

— Есть карп! — сказал я, а про себя подумал: «Вырос-то он мало».

Утро стояло ветреное. Солнце было жаркое, но какое-то удивительно мягкое. От заливных плантаций тянуло прохладой.

После уборки риса карп остался в канавках, и, к общей нашей радости, оказалось, что он основательно подрос: на 400—500 граммов каждый. Только в воде он выглядел маленьким...

До самой Великой Отечественной войны на рисовых полях этого колхоза велись различные опыты по разведению рыбы.

После войны связи с рыбоводами из Беленького были восстановлены. В колхозе имени Кирова попрежнему сейчас работает Григорий Нестерович Дьяченко, а в колхозе имени Ильича — большой энтузиаст этого дела Александр Демидович Козырацкий.

Теперь площадь рисовых полей в каждом колхозе достигает 50 гектаров. С них вылавливается 150—200 центнеров рыбы.

Колхозники охотно принимают на производственную практику студентов кафедры ихтиологии Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. Проводят здесь свои исследования и научные сотрудники кафедры. Они детально изучили особенности гидрохимического и гидробиологического режимов рисовых полей, темпы роста рыбы и другие вопросы.

В последние годы колхозы имени Ильича и имени Кирова, кроме карпа, выращивают на рисовых полях гибриды карпо-сазана. У карпа высокая спина, а чеки имеют плоский рельеф дна и небольшую глубину, так что иногда вода даже не покрывает рыбу. Поэтому колхозные рыбоводы совместно с работниками науки стали выращивать днепровского сазана,— ведь он прародитель культурного карпа!

Сазан имеет продолговатую

Г. Н. Дьяченко с карпом, выращенным на заливных рисовых полях.

днем процесс фотосинтеза идет интенсивно: растений здесь много и кислород в воде обычно бывает в изобилии. Ночью же фотосинтез невозможен, а растения потребляют кислорода по-прежнему много, количество его в воде резко снижается. Кроме того, много кислорода уходит на окисление различных органических веществ, которые имеются как в воде, так и на дне рисовых чеков. А без кислорода рыба может погибнуть. Теперь рыбоводы в ночное время усиленно подают свежую воду, богатую кислородом.

...С давних времен заливные рисовые поля используются для выращивания теплолюбивых рыб. Впервые это было осуществлено около тысячи лет назад в Китае. Ныне в народном Китае рыборазведение на рисовых полях в большом почете. На многочисленных рисовых плантациях живут карп, толстолобик и другие ценные виды рыб. Там широко практикуется искусственная подкормка рыб измельченными куколками тутового шелкопряда в смеси с мукой. В результате и хороший «урожай» — по три, как правило, центнера рыбы с гектара.

форму тела, и мелководная стихия рисовых чеков для него — родной дом. Но оказалось, что сазан медленно растет. Тогда решили скрестить днепровского сазана с прудовым карпом. Гибрид карпо-сазана унаследовал от карпа быстрый рост, а от сазана — длинное тело и с успехом «обжился» на рисовых полях.

Метод однолетней культуры карпа на рисовых полях применяется ныне в Узбекистане и Казахстане. Интересно отметить, что такое «сожительство» растений и рыбы не только не снижает, но даже повышает урожай риса на 6—8 центнеров с гектара. Зерна, собранные с рисовых чеков, где выращивался карп, более крупные. И это естественно. Карп в поисках пищи рыхлит почву, поедает семена сорняка. Экскременты рыбы служат удобрением для рисовых полей.

Известно, что на рисовых полях встречается большое количество личинок малярийного комара анофелеса и других кровососущих комаров. Раньше для борьбы с личинками специально разводили маленькую, очень нежную рыбку гамбузию. Эта рыбка совершенно бесполезна для пищи человека, в то же время она быстро размножается и так прожорлива, что корма не хватает для других рыб. Кроме того, на Украине она не выносит зимовки в естественных условиях. Теперь ее заменил здесь карп, выращиваемый среди риса. Он охотится за личинками и куколками анофелеса.

На чеках имеется огромное количество различных сорняков: крупнозернистое и рисовое просо. С появлением воды начинают расти рогоз, стрелолист, водяная гречиха, рдесты, роголистник. Появляются и нитчатые водоросли. Наблюдениями установлено, что карп до некоторой степени угнетает сорняки, охотно поедая их семена и листья.

Теперь хорошо изучены и вопросы водоснабжения. Как известно, вода в рисовые чеки обычно поступает из реки, от которой отводят большие каналы, а затем целую сеть более мелких каналов — арыков. На рисовых полях

Рыборазведение на рисовых полях распространено также в Японии, Италии, Индии и других странах. А ведь рис стоит на первом месте в мире среди зерновых культур по валовому сбору зерна. На земном шаре им засеяно 96 миллионов гектаров. И это не случайно: почти 700 миллионов человек питаются рисом.

В Советском Союзе имеется огромное количество заливных рисовых полей. Рисосеянием занимаются республики Средней Азии, Казахстан, Закавказье, Краснодарский край, Дальний Восток, Украина. Широко развивается рисосеяние на Северном Кавказе и в низовьях Кубани. На месте плодородных плавней реки Кубани и неиспользуемых заболоченных земель ныне строятся новые оросительные системы.

У нас на юге лежит много пустующих засоленных, заболоченных земель. Слой воды с поверхности постоянно просачивается через почву; это благоприятствует опреснению засоленных земель. А сколько у нас мелководных озер и рек!

А разве нельзя создать обширные рисовые поля в днепровских, бугских и днестровских плавнях, в низинах многих малых рек? С развитием строительства новых гидроэлектростанций и новых оросительных систем будут значительно расширяться и площади заливных рисовых полей и перспективы рыборазведения на них.

Советскими рисоводами-селекционерами созданы такие сорта риса, которые могут произрастать не только на юге, но и в более северных районах.

А там, где растет рис, может жить и рыба. Резервы прекрасных водных угодий — рисовых плантаций — в нашей стране очень велики.

Ожившие басни

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Фото автора.

В одном из самых необычных советских театров — в Московском театре зверей уголка имени Владимира Леонидовича Дурова — идут репетиции. На небольшой сцене юные зрители увидят вскоре шесть как бы оживших басен Крылова.

...Занавес поднят. Перед взором детворы возникает огромная книга. «Басни И. А. Крылова» — написано на обложке.

Чтец рассказывает о замечательном русском баснописце и предлагает ребятам послушать и посмотреть одно из его произведений. Артист «открывает книгу». Перед зрителем знакомая иллюстрация к басне «Свинья под Дубом».

Могучее дерево осыпано желудями. Свинья усердно подрывает рылом корни. На дубу сидит ворон, напряженно следящий за свиньей. Пока артист читает басню, свинья роет землю, ворон глядит на нее, изредка роняя свое пронзительное «кар-р».

...Вторая «страница» книги. Картина изменилась: к окну барского дома подходит большая лохматая собака. Стоящий в стороне артист произносит знакомые зрителям строки:

Дворовый, верный пес
Барбос,
Который барскую усердно службу нес,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.

Это исполняется басня «Две Собаки». Когда чтец доходит до слов:

На задних лапках я хожу,—

болонка поднимается и становится на задние лапки.

...На туалетном столе перед зеркалом сидит мартышка, которая «слаба глазами стала». Перед ней несколько пар очков. Она «вертит Очками так и сяк... то их понюхает, то их полижет...»

Когда же исполнитель басни подходит к концовке, мартышка негодующе швыряет очки.

На сцене театра зверей под руководством дочери В. Л. Дурова Анны Владимировны осуществляется постановка еще трех басен: «Кот и Повар», «Лисица и Виноград» и «Квартет».

Оформление — декорации и реквизит — сделано постоянными художниками театра зверей Ксенией Берман и Екатериной Шершневой. Учитывая беспокойный характер «актеров», декорации отличаются от обычных своей массивностью.

Заглянем на репетицию будущего спектакля и узнаем, каким образом исполнители басен «усваивают» свои роли.

Достигается это известными всему миру дуровскими методами: с помощью ласки и вкусового поощрения.

Лиса ходит вокруг виноградного куста, потому что дрессировщик вращает палочку с подвешенным куском мяса. Покружившись определенное количество раз, животное получает поощрение — мясо. Когда условный рефлекс выработан, лиса приучена, палочка с мясом больше не нужна: зная, что за несколько движений она получит вознаграждение, лиса охотно совершит все, что от нее требуется, и получит свой «гонорар» уже после представления.

Болонка точно знает, когда именно ей надо встать на задние лапки: исполнитель поднимает руку, и это служит сигналом для собачки.

Обезьянке Маке — исполнительнице роли в басне «Мартышка и Очки» — сначала дали металлическую оправу без стекол, а затем настоящие очки. Мака заинтересовалась ими, стала глядеть сквозь стекла, то и дело прикладывая их к глазам.

Самая сложная постановка — басня «Квартет». Трудность в том, что все животные — мартышка, осел, козел и косолапый мишка — должны быть одновременно на сцене. С каждым из участников «Квартета» сначала приходится работать отдельно. Затем к одному «музыканту» присоединяют другого, потом третьего и четвертого. Управлять и координировать движения каждого участника квартета незаметно для зрителей будет дрессировщик.

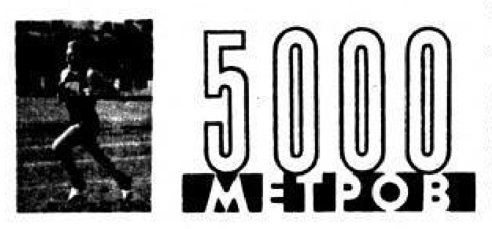
Почти все участники предстоящего крыловского спектакля неоднократно уже выступали на сцене театра зверей. Зная, как щедро «оплачиваются» эти выступления, исполнители с большим рвением относятся к ним. Нередко они проявляют нетерпение, желая поскорее показаться перед публикой. Видя, что другие «артисты» уже на сцене, те, кому предстоит выступать, начинают волноваться, словно боясь упустить свою очередь.

Единственными дебютантами в открывающем новый сезон театре зверей будут осел и козел. Они впервые появятся перед зрителями в качестве актеров.

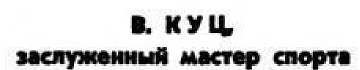
10 000 метров

Год назад в № 42 журнала «Огонек» была напечатана статья «5000 метров», рассказывающая о захватывающей борьбе за мировой рекорд в беге на 5 тысяч метров, которая развернулась между сильнейшими стайерами мира Эмилем Затопеком, Владимиром Куцем, Кристофором Чатаузем и Шандором Ихарошем.

Как известно, Эмилю Затопеку первому удалось в 1954 году обновить рекорд, стоявший незыблемо двенадцать лет. Но вслед за этим началось напряженное состязание сильнейших бегунов, в результате которого рекорд переходил от Куца к Чатаузю, снова к Куцу, затем к Ихарошу и опять к советскому бегуну. Статья, опубликованная в журнале «Огонек», кончалась описанием замечательного бега Владимира Куца на стадионе в Белграде 18 сентября 1955 года. Этот бег завершился новым мировым рекордом, равным 13 минутам 46,8 секунды. Стадионы шести европейских столиц стали к тому времени ареной этой борьбы, и разве можно было предвидеть, каково станет ее дальнейшее течение! И вот теперь, через год, мы попросили Владимира Куца продолжить рассказ о дальнейших событиях, происшедших на беговом круге.

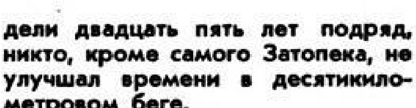
5000 метров

В. КУЦ,
заслуженный мастер спорта

В. Куц заканчивает бег на 10 тысяч метров с новым мировым рекордом.
Фото Н. Волкова и Б. Светланова.

Рассказ о борьбе за мировой рекорд в беге на 5 тысяч метров заканчивался моей победой на Белградском стадионе, но вскоре последовало его продолжение. Шандор Ихарош, молодой венгерский стайер, уже раз отобравший у меня рекорд, снова вернул себе первенство. Вскоре после моего возвращения из Югославии Ихарош пробежал в Будапеште 5 тысяч метров за 13 минут 40,6 секунды.

Тогда я не решился штурмовать новый рекорд Ихароша; ведь был конец сезона, и работать над развитием скорости времени не оставалось. Но пробежать лучше мирового рекорда на другой дистанции — 10 тысяч метров — вот что стало моей целью. С этим желанием я выехал в Одессу. Однако попытка моя закончилась безуспешно. Сильный ветер вырвал мои рекордные секунды и не дал возможности улучшить время Эмиля Затопека. Надо заметить, что рано или поздно спортсмены, пробующие свои силы на 5 тысяч метров, начинают выступать и на десять. Эти дистанции «родственные». С годами, когда бегун, не раз успешно выступавший на пятикилометровом круге, начинает чувствовать, что скорость его гаснет, он переходит на дистанцию, которая вдвое длиннее и требует, по меньшей мере, вдвое больше сил и вчетверо более тонкого сочетания быстроты и выносливости. Впрочем, мой большой друг, у которого я так же, как и другие бегуны моего поколения, многому научился — знаменитый чехословацкий стайер Эмиль Затопек,— показал нам пример блестящих побед сразу на двух этих дистанциях.

В 1954 году Затопек установил почти одновременно два мировых рекорда — на 5 и 10 тысяч метров. Но если его время, показанное на первой дистанции, было вскоре улучшено, то второй мировой рекорд, равный 28 минутам 54,2 секунды, никто не мог побить. Начиная с 1949 года, когда Затопек впервые отобрал этот рекорд у финнов, которые им владели двадцать пять лет подряд, никто, кроме самого Затопека, не улучшал времени в десятикилометровом беге.

Моя первая попытка добиться этого совпала как раз с поездкой в Белград. После выступления в Югославии наша команда поехала в Бухарест, чтобы принять участие в крупных международных соревнованиях. Тут-то я и предпринял первую попытку атаковать результат Затопека. Мне удалось установить новый всесоюзный рекорд, показать второе время в мире, но этот результат оказался на целых 5 секунд хуже результата чехословацкого спортсмена.

Много раз после этого пытался я осуществить свое желание. Я выступал в октябре в Одессе, в ноябре на первенстве страны в Тбилиси, в июле нынешнего года я бежал в Киеве, и ни разу не удалось мне приблизиться к рекорду Эмиля Затопека. Однако я не унывал и продолжал настойчивые поиски более совершенной спортивной формы. Я готовился к выступлениям сразу на двух дистанциях — в 5 и 10 тысяч метров. Новую попытку — побить мировой рекорд венгерского стайера на 5000 метров — я предпринял во время поездки нашей команды в Норвегию в июне нынешнего года.

Спортсмены СССР выступали в ряде городов Норвегии и Дании. Перед отъездом на родину легкоатлетическое объединение города Бергена пригласило советскую делегацию принять участие в соревнованиях, которые в нашу честь были названы «русскими».

Как только наш автобус остановился у отеля, я сразу же увидел английского стайера Гордона Пири, с улыбкой направлявшегося мне навстречу. Оказывается, Пири уже две недели жил в Бергене и готовился к встрече со мной. И хотя Пири никогда до этого пятикилометровую дистанцию не преодолевал лучше 14 минут, он тут же сказал, что готов пробежать ее хорошо.

Итак, решалась судьба нового рекорда мира! Я еще раз проверил свой график бега и, верный своей тактике, сразу со старта устремился вперед.

Я вел бег и после каждого нового километра все больше убеждался в том, что близок к решению поставленной перед собой задачи. Я успешно претворял в жизнь заранее разработанный график, но, несмотря на мою высокую скорость, Пири вплотную держался за мной, не отставая ни на шаг. Это не могло не тревожить меня. Ведь в октябре 1954 года в Лондоне так же складывался мой бег с Кристофором Чатаузем, и, как известно, англичанин на самом финише вырвался вперед и установил новый мировой рекорд. Я знал, что и Пири славится своим мощным финишем, но все же решил темпа не снижать, хотя и понимал, что веду за собой опасного соперника.

В. Куц в роли зрителя на Спартакиаде народов СССР.
Фото А. Новикова.

И мне удалось побить рекорд Шандора Ихароша на секунду... Но еще более высокое время показал Гордон Пири. Он обогнал меня за 200 метров до финиша и прошел 5 тысяч метров за 13 минут 36,8 секунды. Так в восьмой раз за последние три года был улучшен рекорд на эту дистанцию.

В Лондоне после бега меня благодарил Чатаузй, в Бергене — другой английский бегун — Пири. Он заявил, что смог добиться мирового рекорда только с моей помощью. Но как это мало утешало меня! Однако, вернувшись на родину и здраво взвесив все «за» и «против», я должен был признать, что, несмотря на поражение в Бергене, сумел добиться многого. Моя скорость значительно возросла, я чувствовал себя отлично и поэтому решил продолжать свои попытки в заочной борьбе с Эмилем Затопеком. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что 17 июля Шандор Ихарош, выступая в Будапеште, побил рекорд Эмиля Затопека в беге на 10 тысяч метров! Ихарош, который до сих пор никогда не выступал на этой трудной дистанции, улучшил рекорд Затопека сразу на 11,4 секунды.

Какой огромный скачок вперед! Как трудно будет теперь преодолеть этот новый рубеж. Да, Шандор Ихарош, неутомимый и загадочный Ихарош, с которым мне ни разу еще не приходилось встретиться на дорожке лицом к лицу, уступив первенство в беге на 5 тысяч метров Гордону Пири, теперь уверенно держал в своих руках другой мировой рекорд, к которому я так долго и безуспешно стремился!

Что же делать? Куда направить свое дальнейшее усилие? Вместе с моим тренером Григорием Исаевичем Никифоровым искали мы ответа на эти вопросы. Мы решили стремиться к тому, чтобы чувствовать себя сильным сразу на двух дистанциях. Рекорд Затопека побит не мной. Ну, что же, значит, надо бить рекорд Ихароша!

Рекорд Эмиля Затопека побил Шандор Ихарош, и это обстоятельство особенно подзадоривало меня. Ведь с венгерским бегуном у нас шел давний спор, и я продолжал готовиться к новому туру заочного соревнования с бегуном из Будапешта.

На спартакиаде Москвы и на Спартакиаде народов СССР пытался я бить его рекорд на 10 ты-

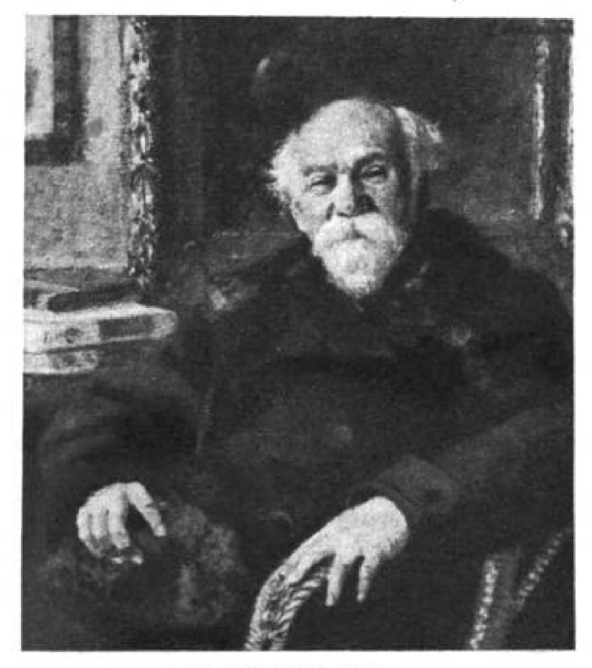

На открытии выставки произведений народного художника СССР А. М. Герасимова в Академии художеств СССР.

Фото Б. Кузьмина.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ...

В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР.

М. П. КРИСТИ. 1951 год.

В залах Академии художеств СССР открылась выставка произведений народного художника СССР Александра Михайловича Герасимова, организованная в связи с его 75-летием и 50-летием творческой деятельности.

Действительный член Академии художеств СССР и ее президент со дня основания в 1947 году, А. М. Герасимов — художник большого творческого диапазона, талантливый и темпераментный. Александр Михайлович получил хорошую профессиональную подготовку. Более полувека назад, в 1903 году, он поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества — замечательную реалистическую школу, в которой прочно укрепились заветы передвижников, и в особенности В. Г. Перова. Герасимов учился у таких выдающихся русских художников, как Серов, Архипов, Касаткин, К. Коровин, С. Иванов.

На юбилейной выставке А. М. Герасимова более двухсот работ. Это, конечно, далеко не все, что создано художником за долгие годы творческой жизни. Но экспонированные произведения ярко характеризуют различные этапы его творчества, говорят о большом мастерстве, самобытном, сильном, сочном. Здесь и пейзаж, и портрет, и натюрморт, и большие композиционные картины, и книжная иллюстрация, и великолепные акварели, и эскизы театральных декораций. В различных жанрах, в различных техниках работает А. М. Герасимов, оставаясь всегда и везде горячим поборником реалистического искусства. Но самые замечательные его достижения, пожалуй, все же в области портрета. Он наблюдательный портретист, внимательный психолог, художник объективный, тонкий, умеющий подметить своеобразие характера.

Все, кто видел недавно умершего искусствоведа М. П. Кристи — чудесного старика с юной душой,— сразу узнают в портрете, представленном на выставке, то неповторимое, присущее только ему одному выражение умных, веселых и молодых глаз. И этот и другие портреты работы Герасимова многое расскажут о наших современниках.

К числу лучших картин Герасимова, несомненно, относится групповой портрет старейших художников. И. Н. Павлова — блестящего гравера, В. Н. Бакшеева — тонкого и проникновенного поэта родной природы, В. К. Бялыницкого-Бирули — чудесного пейзажиста, и моего отца — В. Н. Мешкова, которого ценили как мастера сангинного портрета. Этот групповой портрет хорош не только глубиной и верностью характеристик людей, но и очень красив по цвету.

Многие картины А. М. Герасимова популярны и любимы советскими зрителями, и среди них в первую очередь «В. И. Ленин на трибуне» — горячий, страстный, взволнованный образ, дорогой сердцу каждого советского человека.

На выставке немало картин, датированных 1956 годом. Нужно поставить за образец этот исключительный, упорный труд художника, влюбленного в свое дело, совмещающего творческую деятельность с большой общественной и педагогической работой. Право, забываешь о том, что ему исполнилось 75 лет. А ведь возраст почтенный!

Хочется пожелать А. М. Герасимову еще много лет плодотворной, творческой работы, новых картин, полных, как и всегда у него, избытка чувств, и силы, и буйства молодого!

СТАРЕЙШИЕ ХУДОЖНИКИ. 1944 год.

сяч метров, и только во второй раз удалось мне сделать шаг вперед. Выступая на стадионе имени В. И. Ленина в день открытия Спартакиады, я установил новый всесоюзный рекорд — 28 минут 57,8 секунды. Но как попрежнему далек был Шандор Ихарош! Попрежнему недосягаемым оставалось для меня его время. Недосягаемым? Но я чувствовал, что готов к решающему рывку, что каждый отрезок трудной дистанции мною хорошо отшлифован, выверен цифра за цифрой на циферблате секундомера. Об этом же говорил и результат, показанный мною на 5 тысяч метров на Спартакиаде народов СССР,— 13 минут 42,2 секунды. Он был хуже времени Пири и моего в Бергене, но достаточно высок для бегуна на 10 тысяч метров.

И вот я решил еще раз испытать свои силы 11 сентября.

В этот день на Центральном стадионе имени В. И. Ленина был назначен митинг, посвященный дружбе между Советским Союзом и Индонезией, и когда я вышел на старт, когда увидел огромные трибуны, заполненные людьми, то сразу же почувствовал подъем. Начат бег. В одном рывке со мной взяли старт мои давние друзья по спорту — Александр Ануфриев, Иван Чернявский, Евгений Жуков и молодой спортсмен Петр Болотников. Первый километр пройден на восемь с половиной секунд быстрее, чем во время моего рекордного бега на открытии Спартакиады народов СССР... Пройдены 2 километра, и я узнал, что на 3 секунды превышаю рекордный график Ихароша... Позади половина пути. Пять тысяч метров пройдены за 14 минут 8 секунд — на 6 секунд быстрее Ихароша. Но впереди еще двенадцать с половиной кругов, впереди вторые пять тысяч метров. Я знаю, какие трудности ждут меня. Сейчас свое слово должна сказать усталость...

Зрители, с волнением следившие за развитием событий, горячо подбадривающие меня, горестно ахнули, когда судья-информатор сообщил им по радио, что после восьми километров от времени, выигранного мною у Ихароша, осталось всего полторы секунды. Но зрители не знали того, что Шандор Ихарош последние два километра прошел значительно медленнее, чем остальные, а я рассчитывал пройти их в высоком темпе. На девятом километре скорость была резко увеличена. У венгра отыграно еще несколько секунд. Я продолжаю наращивать темп, чувствуя, что неуверенность и сомнения остались позади.

И вот когда закончился бег, когда всем стало известно, что рекорд Ихароша перекрыт сразу на 12,4 секунды, я узнал от своего тренера, что последние четыреста метров прошел на четыре секунды выше своего графика. Это доставило мне не меньшую радость, чем новый рекорд. Многое для меня говорили эти маленькие дольки времени, выраженные одной цифрой: «4 секунды». Дважды я уступал победу — Чатаузю и Пири, потому что мне не хватало скорости на финишном кругу,— это было моим большим недостатком. Для того, чтобы преодолеть его, немало потратил я сил и вот кое-чего добился.

За рекордными цифрами стоит человек. И цифры для меня выражают только одно — драгоценные человеческие качества: смелость, выносливость, несгибаемую волю. Все это воспитывает спорт, и потому я и люблю его. И еще одним дорог мне спорт: тем, что он укрепляет между народами добрые чувства товарищества, содружества, единения. Ожесточенная спортивная борьба, которая разгорелась между сильнейшими стайерами разных стран, только укрепила дружбу между ними. Эмиль Затопек, Кристофор Чатаузй, Шандор Ихарош, Гордон Пири не только мои соперники, но и соратники.

Да, они мои добрые друзья, и я с нетерпением жду встречи с ними на беговой дорожке олимпийского стадиона в Мельбурне.

О ТРАДИЦИЯХ

В. БАКШЕЕВ,
народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР

Наш корреспондент посетил мастерскую старейшего советского живописца, народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР Василия Николаевича Бакшеева. Возраст Василия Николаевича приближается к 94 годам, но он полон творческих сил, бодрости, энтузиазма.

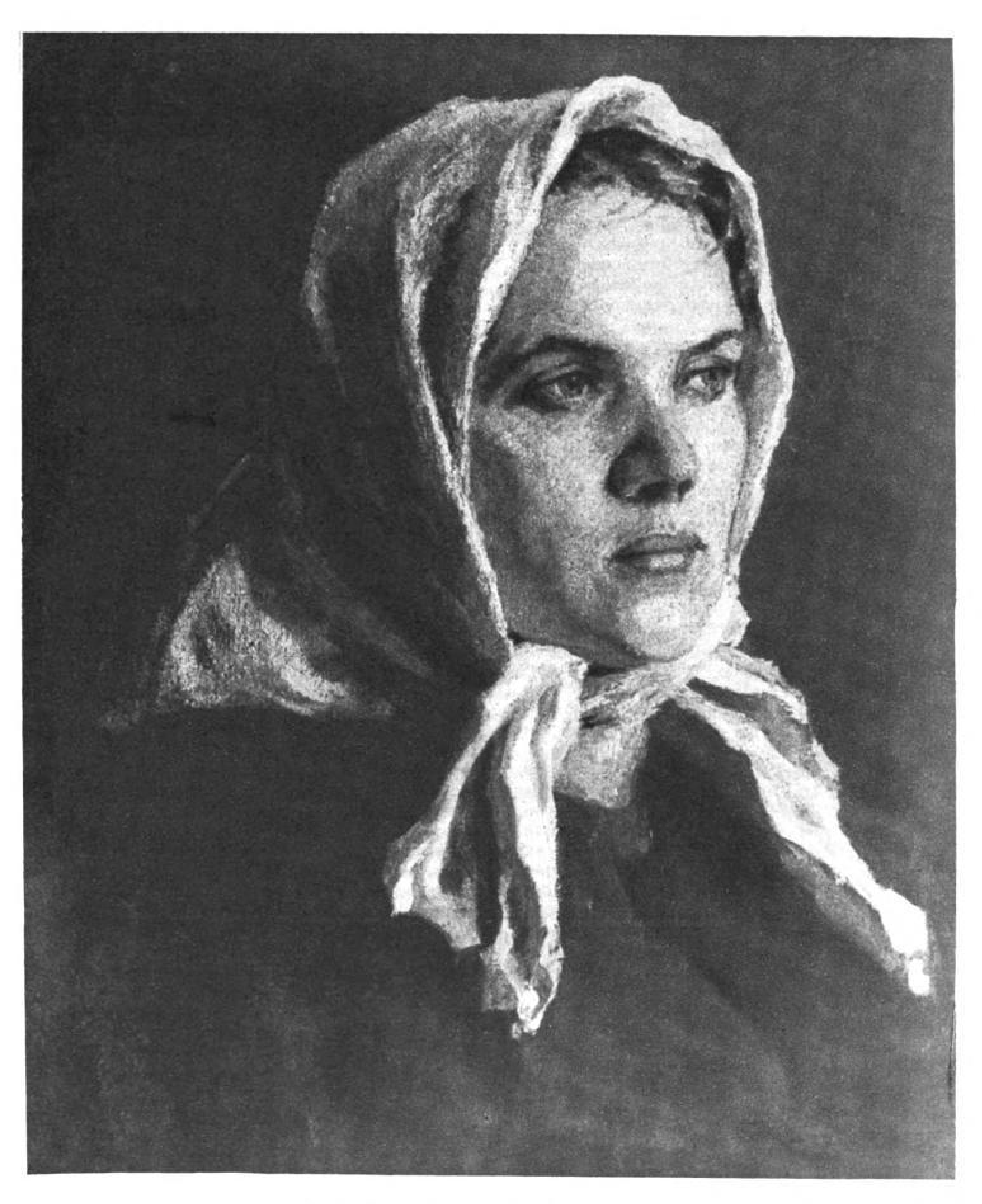
В. Н. Бакшеев познакомил со своими последними работами, датированными 1955—1956 гг.: большой пейзаж «Овражек», пейзажи «Проселочная дорога», «Зимний день» и портрет колхозницы.

Современник Репина, Сурикова, Серова, Бакшеев — один из тех художников, которые принесли в советское искусство замечательные традиции русской реалистической живописи. Тонкий пейзажист, влюбленный в красоту родной русской природы, старейший художник умеет в самом обычном, простом и знакомом находить красоту и поэзию.

Но, вероятно, мало кто знает Бакшеева-портретиста. Воспроизводимый здесь портрет — третий за его долгую творческую жизнь. Молодая колхозница поражает глубиной и тонкостью психологической характеристики образа, великолепной живописностью. Изображая простую и милую деревенскую девушку, В. Н. Бакшеев увидел и передал в ней облик нового человека — умного, скромного, душевно красивого.

Мы печатаем заметки В. Н. Бакшеева на тему о традициях в русской живописи.

Когда в разговоре случается упомянуть о значении традиций, то у собеседников, в особенности молодых, вытягиваются лица: «Ну вот, опять за свое! Всё традиции да традиции. А как же новаторство, как же индивидуальность?» И, тем не менее, я хочу еще раз поговорить именно о традициях, о преемственности, обо всем том, что, по моему глубокому убеждению, составляет основу настоящей живописной культуры, основу любой, самой крупной и своеобразной творческой индивидуальности. Конечно, характер преемственности в искусстве, в частности в живописи, иной, чем, например, в науке. Если то или иное открытие «поступило на вооружение» науки, то им пользуется каждый студент, каждый инженер. Не то в искусстве, где сплошь и рядом приходится снова и снова открывать давно открытые Америки. Ведь сложнейшие профессиональные приемы — так называемые «тайны мастерства» — нельзя изложить на нескольких страничках печатного текста! Любое объяснение

В. Н. Бакшеев. ПОРТРЕТ КОЛХОЗНИЦЫ.

даст лишь самое приблизительное представление о творческом методе того или иного художника. Лучше всего этот метод постигается при непосредственном и возможно более длительном общении с мастером. Это общение до некоторой степени можно заменить изучением работ, но лишь до некоторой степени.

Меня часто спрашивают: что же такое живопись? Я всегда отвечаю, что это рисунок цветом. Объяснить это сразу и полностью трудно, невозможно. Вспоминаю Евграфа Семеновича Сорокина в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, который как-то, раздраженный непонятливостью своего ученика, сказал: «Вы мне хоть сплошь зеленой краской, а нарисуйте». Рисунок и колорит, форма и правда — вот главное в живописи. Любовь и вкус — вот то, что превращает «грубую прозу» в тончайшую поэзию.

Преемственность в искусстве напоминает мне эстафету, которую уронить очень легко, а поднять трудно, иногда невозможно. В истории мировой живописи эту эстафету роняли не раз, иногда безвозвратно. Недаром искусство классической Греции до сих пор для нас своего рода загадка, несмотря на то, что сохранились сотни великолепных его образцов. Недаром живопись итальянского Возрождения представляется нам как сверкающий, но недостижимый маяк, к которому мы можем более или менее приближаться.

Для того, чтобы быть по-настоящему современным и не растерять своего мастерства или чтобы это мастерство не застыло, не законсервировалось, художник должен постоянно общаться не только со своими товарищами по искусству, но и со своими предшественниками — в музеях, библиотеках. Индивидуальность, даже самая крупная, самобытная, только тогда сможет проявить себя по-настоящему, когда ее обладатель прилежнейшим образом до последнего кирпичика изучит грандиозное здание искусства, воздвигнутое совместным трудом художников многих поколений. Ведь если, например, в эпоху Возрождения мастер годами заставлял учеников копировать свою живопись и в особенности рисунки, то делал он это не из каких-то тщеславных соображений, не из желания привить ученикам свою собственную манеру.

Мастер считал себя в первую очередь хранителем коллективного опыта и старался передать его в наибольшей, так сказать, сохранности своим ученикам.

Знаете ли вы, что, например, Эжен Делакруа, будучи уже признанным мастером, постоянно рисовал те самые гипсы, которые у нас иногда считают чуть ли не основным оплотом консерватизма в искусстве и зловредной выдумкой «академиков». Известно, что Делакруа начинал свой трудовой день с того, что прилежнейшим образом срисовывал греческую камею, называя это своей «утренней молитвой».

Таких примеров можно было бы привести десятки, если не сотни. И здесь я хочу подчеркнуть, что новаторство в искусстве не результат какого-то наития: вот, мол, явился художник, который видит мир по-своему, не так, как все, — тут тебе и новое направление. В действительности же дело обстоит, конечно, гораздо сложнее. Я думаю, что новаторство, которое я назвал бы «долговечным» (в отличие от «новаторства», умирающего вместе с художником), возникает как вывод, как итог, как решение задачи, подготовленное огромным накоплением опыта предыдущих поколений. Новаторство — это, в сущности, традиция в развитии.

Мы часто говорим о реалистических традициях русского искусства. В определении традиций русской живописи как именно реалистических, народных, демократических традиций есть глубокий смысл. И я думаю, что свойственные русскому характеру трезвость, нелюбовь к фальши, спокойная искренность во многом определили собой то обстоятельство, что все победы русского искусства связаны именно с реализмом. Недаром классицизм с его напыщенной и условной патетикой если и имел своих представителей в русской живописи, то многочисленные композиции с Мстиславами и Рогнедами в непонятных греко-славянских одеждах сейчас интересны только для историков. Даже романтическое направление, выдвинувшее Кипренского и Брюллова, оказалось как-то сбоку, в стороне от основной линии развития русского искусства, которое определялось именами Антропова, Левицкого, Венецианова, Федотова, Крамского, передвижников и их прямых наследников — Репина, Серова, Сурикова.

И в то же время нельзя забывать, что художники ложноклассического направления создали русскую школу рисунка, заложили основы методики, которая оказалась краеугольным камнем в воспитании многих поколений русских живописцев и без которой немыслимо было бы такое поистине гигантское явление, как Александр Иванов. А самый блестящий, самый, может быть, «аристократичный» из выучеников дореформенной академии, Карл Брюллов, был наставником художников-демократов, художников-«плебеев» — Федотова и Шевченко.

В. Н. Бакшеев. ПРОСЕЛОЧНАЯ ДОРОГА.

Много уже говорилось и писалось о том, какое значение придавали преемственности, внимательнейшей учебе у классиков Репин и Серов. Сами они были в этом отношении, конечно, образцом, всегда предостерегая молодежь от дилетантства, которое обычно бывает результатом ребяческой веры в талант: дескать, тем пышнее талант расцветает, чем меньше он связан со всякого рода традициями. Сколько копий написал В. А. Серов с портрета Иннокентия X работы Веласкеса!

Но в истории русского и даже советского искусства были времена, когда необходимость традиций и вообще основательной профессиональной выучки подвергалась сомнению, когда знаменитое «так я вижу» считалось убедительным оправданием самых абсурдных, а иногда и оскорбительных для искусства дилетантских упражнений. «Новаторы», борясь с рутиной, косностью и подобными, заслуживающими всяческого осуждения вещами, вместе с водой выплескивали и ребенка. Под угрозой оказывалось самое существо изобразительного искусства — объективное изображение видимого мира, основанное на глубоких знаниях, постоянном и кропотливом изучении натуры. Искусство у таких «новаторов» переставало служить большим общественным идеалам. Сколько таких, окончивших в свое время ВХУТЕИН и ВХУТЕМАС и с гордостью ходивших в самых «левых», сейчас упрекают себя за бесполезно растраченное время, за упущенную возможность стать настоящим художником, а не беспомощным дилетантом!

Прожив в искусстве большую жизнь и, кроме того, просто будучи старше многих читающих эти строки, я, вероятно, имею право пусть не поучать, но советовать.

Замечательный русский художник-педагог П. П. Чистяков сказал однажды про своего ученика, впоследствии профессора Академии художеств Савинского, что тот, быть может, «переучился», то есть засушил себя. Но переучившихся я в жизни не видал, а вот недоучившихся — хоть пруд пруди. И, заметьте, в большинстве случаев это, так сказать, «жертвы своего таланта», побоявшиеся, что длительная учеба их «засушит», задавит индивидуальность.

И, обращаясь к молодежи, прошу: не бойтесь за свою индивидуальность. Если она у вас есть, то упорная учеба, глубокие знания только помогут вам стать настоящим художником. Ну, а если ее нет, то никакие «предохранительные меры» не помогут. На нет и суда нет.

Возвращаясь к главному вопросу моих заметок, хочется поговорить и о традициях несколько иного порядка, которые забывать нельзя никому и никогда. Как бы ни были вы талантливы, какая бы неповторимая и своеобразная индивидуальность ни отмечала ваше творчество, как бы вы ни были образованны и как бы тщательно ни изучали великое наследие старых мастеров,— этого все-таки недостаточно. Нужна еще страстная и бескорыстная любовь к своему делу! Без нее, без постоянного горения и увлеченности, без чистого сердца и искренней души самый большой талант — ничто.

Человек, посвятивший себя искусству, должен всегда помнить, что им выбран трудный и тернистый путь. Будут и неудачи, и срывы, и поражения. Но любовь к своему делу, постоянная и часто очень тяжелая работа — секрет успеха. Ведь вот, когда Татьяна Львовна Толстая сказала Репину о том, какой он огромный талант, Репин ответил ей с усмешкой: «Работали бы вы, как я, таким же талантом были бы!».

И еще, секрет успеха — и в дружбе, сплоченности коллектива художников. Вспомните хотя бы барбизонцев,— как эти увлеченные искусством энтузиасты, забыв о «радостях» шумной городской жизни, нашли радость гораздо большую — в творчестве. Как дружно они жили своей «коммуной» в Барбизоне, довольствовались немногим, как упорно трудились и как были счастливы!

Вспоминаю я и сердечную атмосферу дружбы и товарищества в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а позже в Товариществе передвижных художественных выставок: смех и шутки, сердечную, объективную и дружескую критику, которая так помогала в работе.

Однажды в красивый осенний день написал я этюд. Мне казалось, что все главное сумел я увидеть и передать. Только кустики слева мазнул небрежно: сойдет, думаю. Стал потом писать картину. Как же замучили меня эти кустики! Никак не вспомню, какие же они были тогда, в тот мягкий и теплый осенний день. Долго с ними бился. Принес этот пейзаж на выставку. Подходит ко мне Николай Никанорович Дубовской. «Хорошо,—говорит,—все хорошо, а тут ты что-то напутал. Не так это должно быть!» Давно это было, десятки лет назад, а кустики эти я не забуду, не могу забыть и Дубовского в роли критика, доброжелательного и искреннего. Дружно и хорошо жили мы в Училище, не помню я художников, злобно настроенных друг к другу.

Вспоминаю и еще один случай: получив индивидуальный заказ на роспись храма Христа Спасителя и имея возможность заработать целую кучу денег, Иван Николаевич Крамской заранее предлагает отдать три четверти своего заработка товарищам по работе и в кассу передвижников.

Я не к тому напомнил здесь о барбизонцах, об их отказе от шумных радостей жизни или о великодушном поступке Крамского, чтобы эти «традиции» просто так взяли бы и вошли в быт наших художников. Но помнить обо всем этом нужно всегда — о скромности в жизни, об искренней и сердечной дружбе, о чистоте отношений между людьми, о бескорыстности в искусстве: ведь это — главное.

Дальняя ДОРОГА

Рассказ о полете в Японию

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

Летом этого года в Советский комитет защиты мира пришло из Токио письмо. В нем сообщалось, что в начале августа в Нагасаки созывается 2-я Международная конференция за запрещение атомного и водородного оружия, и приглашалась делегация из Советского Союза. Советский комитет защиты мира назначил делегацию для поездки в Японию.

Случилось так, что вся делегация, торопясь во-время долететь до Токио, отбыла раньше, а я из-за отсутствия шведской визы задержался и вылетел из Москвы на два дня позже.

Свист в самолете

Было пасмурное августовское утро. Внуковский аэродром, как всегда, гудел десятками авиационных моторов, заглушая слова диктора, сообщавшего о прилете и отлете самолетов. Но на этот раз на аэродроме было както особенно шумно. В Копенгаген улетал самолет «ТУ-104». И хотя самолетами этой марки было уже совершено немало рейсов, все же — и это чувствовалось — ощущение новизны и гордости за свою родную авиацию ещё не улеглось, и все, кто был на аэродроме, с восхищением смотрели на мощное тело самолета, медленно разворачивающегося на бетонной дорожке для того, чтобы выйти на старт, рвануться и мгновенно исчезнуть в белых облаках, плывущих над аэродромом.

Вскоре и наш самолет сделал прощальный круг над аэродромом и лег на курс. Недавно начавшие действовать аэролинии Москва — Стокгольм и Москва — Копенгаген пролегали через Ригу.

В столице Латвии было пасмурно, моросил мелкий дождик. Самолет, шедший из Москвы полупустым, заполнила группа американцев в темных соломенных шляпах. Видимо, они с интересом провели время в туристской поездке, так как, едва расположившись в креслах и протянув ноги в помятых легких брюках, шумно заговорили, делясь впечатлениями. Самолет поднялся в воздух. Разговор затих. Сидящий слева от меня пожилой человек развернул английское издание журнала «Советский Союз», его сосед сосредоточенно разглядывал пестрые обертки конфет, предложенные перед взлетом стюардессой. Прошло минут пятнадцать. Ровно гудели моторы. От кресла к креслу ходила голубоглазая миловидная стюардесса, предлагая журналы. И вдруг откуда-то из конца самолета раздался резкий, повелительный свист. После короткого промежутка он повторился. Несколько человек обернулось. В одном из задних кресел самолета сидел выглядевший моложе других американец и, медленно шевеля пальцем, подзывал к себе стюардессу. И тогда все повернули головы к ней. Она спокойно стояла посреди самолета с журналами в руках, и только по побледневшим щекам и сузившимся глазам можно было почувствовать гнев, который прилил к ее сердцу. Но это было только мгновение, затем она наклонилась к сидящему около нее американцу и спросила по-английски:

— Не желаете свежих журналов?

В самолете стало совсем тихо, только слышался низкий, рокочущий голос американца, сидевшего рядом со свистуном и что-то ему выговаривающего. И подумалось: совсем недавно были мы, советские журналисты, в Соединенных Штатах и пользовались радушием многих американцев, знакомились с их семьями. Многие там произвели на нас самое хорошее впечатление. Почему же все-таки некоторые американцы, как только оказываются в других странах, оскорбляют их жителей? Видел я это и в маленькой Исландии, и во Франции, и в Дании, и даже в Англии. Откуда эти самодовольство и бесцеремонность, так бросающиеся в глаза? Где это все рождается?

...Самолет начал снижаться. Сквозь разрывы облаков показались заливы и каналы Стокгольма. Красные крыши, желтые дома... Самолет коснулся колесами аэродрома.

Катер был застрахован

В субботний полдень в Стокгольме до понедельника затихает кипучее движение. В двенадцать — в час дня закрываются магазины. Многие стокгольмцы выезжают за город, на дачи, к заливам, где их ждут сотни парусных и моторных лодок. Резко уменьшается количество мчащихся по городу автомобилей. Все чаще вы видите пешеходов, ведущих на поводке собак. И только, пожалуй, продавцы газет, цветочницы без особого азарта продолжают свои некрупные коммерческие операции.

Все лето погода не баловала жителей Стокгольма, а эта суббота выдалась на редкость солнечной, теплой и приветливой. С друзьями, на автомашине, мы отправились по Стокгольму. И хотя мне не раз приходилось любоваться видами столицы Швеции, но и сейчас как бы заново рассматривал я и накрененные над волной паруса, и небольшие катерки, снующие по заливам и каналам, и белоголовых ребятишек в пестрых свитерах, играющих на траве в футбол.

Наша машина катила вдоль одного из каналов в районе Юргарден, когда вдруг мы заметили возле берега столб огня. Двое мужчин остановили нашу машину. Мы вышли на дорогу. Оказалось, горел чей-то катер. Владелец его и несколько мужчин стояли на берегу, к которому катер был подтянут канатами. Прошло две, три, пять минут. Катер пылал все ярче, но на берегу царило полное спокойствие. Наконец послышался звон пожарного колокола. Подъехали две красные автомашины. С крючьями и шлангами пожарники бросились к катеру, пытаясь сбить пламя... Но огонь долго не сдавался... Шедшие с двух сторон по каналу катера остановились, пережидая окончание пожара... Огонь загнали под доски, густой дым поплыл над водой... И только тогда к катеру подошел молодой мужчина в красной майке, с обгоревшими бровями... Это был хозяин катера. В стороне стояла его жена с двумя детьми. Все происходило чинно и спокойно. Прошли мимо пассажирские катера. Подъехала полицейская машина. Я спросил своего знакомого:

— А почему все-таки первые десять минут никто из мужчин, пока не приехали пожарные, не бросился гасить пожар?

— Ну, у нас так не принято. Это — дело пожарных.

— Но ведь, вероятно, катер бы тогда меньше пострадал?

— Вероятно... Но бьюсь об заклад, что катер был застрахован.

Мы продолжали прерванную прогулку.

Стокгольм. Прогулка.

Над Европой

Еще в Стокгольмском аэропорту, оглядев пассажиров, я понял, что обречен на полет до Токио в одиночестве. А лететь предстояло более пятидесяти часов. Заняв свое место возле окна, я пристегнулся на взлете — как положено на зарубежных аэролиниях — ремнем к креслу. В случае каких-либо неприятностей с самолетом на взлете и посадке авиакомпания несет материальную ответственность только в том случае, если пассажир был прикреплен к креслу ремнями. Четырехмоторный самолет, рассчитанный на 60 пассажиров, поднялся в воздух, и вскоре под крыльями замелькали заливы и зеленые шведские острова. Поплыли густые облака.

В Копенгагене ярко светило солнце. На аэродроме тысячи людей в пестрых костюмах. Оказывается, аэродром сейчас для многих датчан является местом своеобразного развлечения. Люди приезжают сюда на велосипедах и автомашинах, чтобы поглядеть на пассажиров, летящих из всех стран мира. Здесь было много белокурых детей, они с восторженным удивлением смотрели на все, что происходило на летном поле. В момент, когда мы шли к одноэтажному зданию аэропорта, отсюда отправлялся в путь самолет в столицу Исландии Рейкьявик. Все махали руками отлетающим и что-то кричали. Хотелось вместе со всеми пожелать им счастливого пути и передать приветы хорошим людям Исландии, в которой довелось побывать мне несколько лет назад, навсегда сохранив в сердце память о встречах на этом далеком острове...

Мальчик из Копенгагена.

В здании аэропорта, светлом и степенном, с невысоким потолком, тихо. Так же, как всегда, открыты киоски с сувенирами, поблескивают под солнечными лучами фигурки зверей из копенгагенского фарфора. Но показалось, что мода коснулась и датских художников, долгое время сохранявших верность натуре: фарфоровые собачки и пингвины приобрели некую модернистскую угловатость. В табачном магазине висели маленькие деревянные обезьянки-сувениры, зацепившиеся лапками за стеклянные полки, на которых лежали книги в пестрых обложках.

Самолет стоял в Копенгагене около часа. Приглядываясь к пассажирам, ожидающим отлета, я обратил внимание на сидящего возле одного из столиков черноволосого человека в коричневом костюме с плащом в руках. На лацкане его пиджака был прикреплен наш золотисто-голубой значок «Миру — мир». Какие-то неуловимые приметы говорили о том, что этот человек из Советского Союза. И в то же время я помнил, что иностранные гости, улетая от нас, в числе прочих сувениров обычно увозят с собой и эти значки, непременно прикрепляя их к одежде. Наши взгляды несколько раз встретились. Я подошел к столику:

— Скажите, вы из Москвы?

— Из Москвы, — радостно ответил незнакомец и, поднявшись, представился: — Архитектор Айрапетов Шовген Александрович. Лечу в Индонезию, в Джокьякарту. По моему проекту на выставке, посвященной двухсотлетию Джокьякарты, строится советский павильон.

Глядя на пеструю толпу, Айрапетов говорил:

— Я прилетел вчера. Ночевал здесь. Мне рассказывали, какое впечатление произвел наш «ТУ-104» на датчан. В Копенгагене, когда узнали о прилете нашего самолета, тысячи людей устремились к аэропорту.

...Вскоре Дания осталась позади. Под самолетом в разрывах облаков заголубел пролив Кадет-Реннен. Мы пошли над Германией. Короткая, тридцатиминутная посадка в Гамбурге, более длительная — в Дюссельдорфе. На широких открытых балконах второго этажа и внизу расположились немцы семьями за пивом и сосисками, кофе и мороженым. По аэродрому, прицепленные к трактору на резиновом ходу, катили открытые вагончики с полосатым полотняным верхом. На скамейках вагончиков чинно сидели зрители. Им за определенную мзду показывали аэродром. Меж бетонных дорожек в густой траве паслось стадо овец, охраняемое только собаками, лаем отгоняющими овец от бетонных плит. Как будто ничто не напоминало здесь о прошедших годах войны. Но вот мы увидели трех женщин в голубых поношенных платьях, устало сидевших на скамье. Старая, седая женщина безучастно смотрела на все, что мелькало перед ее глазами. Судя по глазам и белым волосам, прошедшая война оставила немалые раны в ее сердце.

...Кончаются густо населенные земли Германии. Начинается Швейцария. Когда самолет спускается к Цюриху, сверху кажется, что каждый лесок, каждое поле, каждая деревня вычищены платяной щеткой. Швейцария славится часами, шоколадом, музыкальными шкатулками и точными станками. Станков в аэропорту не видать, но зато часы, шоколад и мелодично позванивающие шкатулки щедро высыпаны на блещущие прилавки. Рассматривая легкое, воздушное здание аэропорта, Айрапетов говорит:

— Отличная работа. Ничего лишнего. Не такое уж большое помещение, а сколько здесь простора и света!

Отправляемся дальше. Самолет, и без того летящий на высоте пяти тысяч метров, забирается еще выше. Перелетаем Швейцарские Альпы. И вот под нами коричневые складки гор, темная зелень на них, светлые дома небольших итальянских городов, чуть видные у лазурного, освещенного солнцем берега Средиземного моря.

Если в Цюрихе было прохладно, то в Риме душно. Здесь уже нет той спокойной размеренности, какая была на предыдущих аэродромах. Черноглазые итальянки, служащие аэропорта, энергично стучат тоненькими каблучками, шагая вдоль вытянутых в шеренгу прилавков с сувенирами, разыскивая новых пассажиров на наш самолет. Новых пассажиров довольно много. Вот четверо монашек в бело-черных одеждах. У них сухие, бескровные лица, отрешенные от земных радостей глаза. Вот маленького роста таиландец и его высокая белокурая подруга. Они стоят у прилавка, держа в руках тяжелую золотистую шаль. Лицо у блондинки оживлено. Она мало говорит, но шаль держит прочно. Таиландец что-то спрашивает у продавщицы.

В Дюссельдорфском аэропорту.

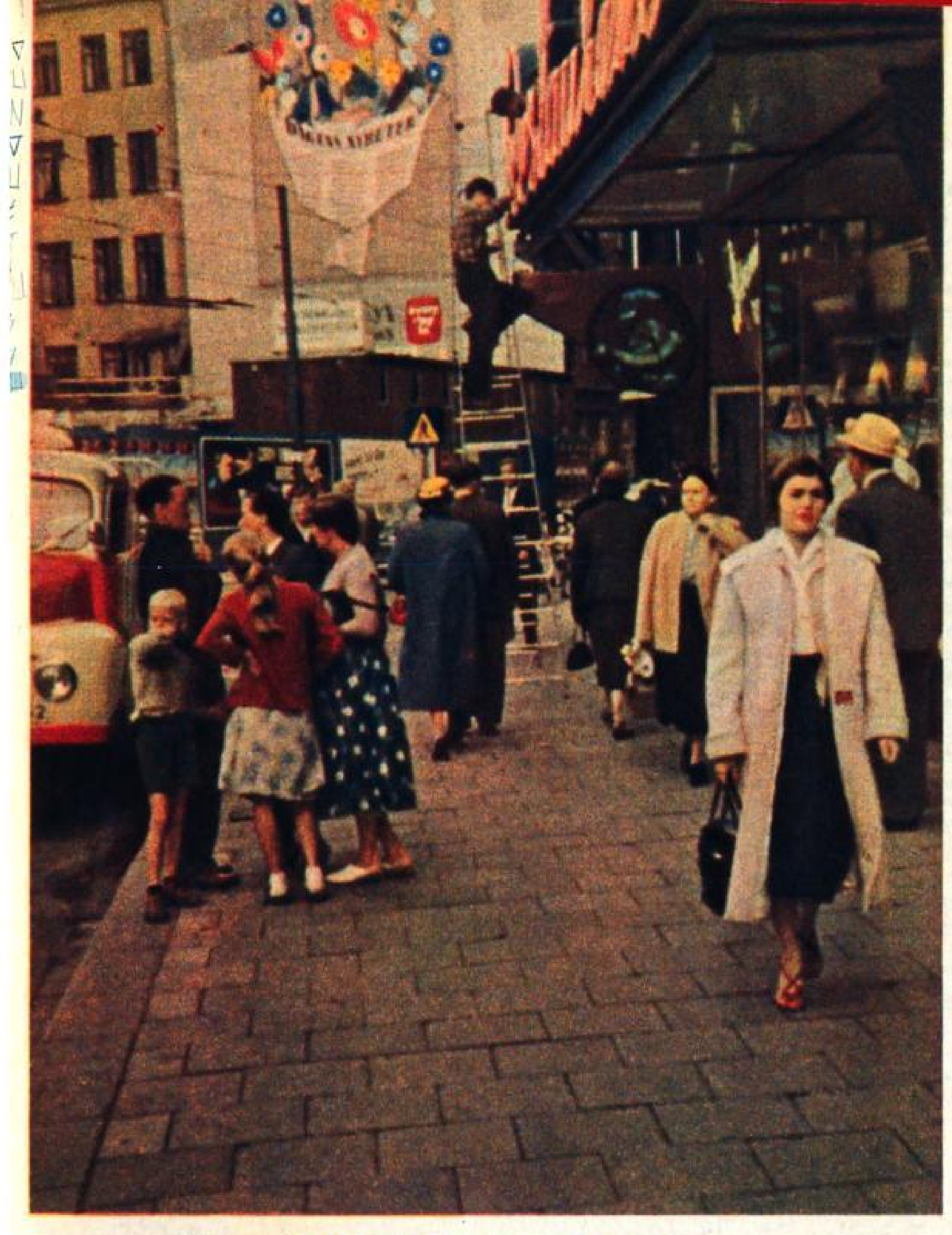
Та отвечает. Лицо у таиландца меркнет. Тускнеет лицо и у блондинки. Она с сожалением кладет шаль на прилавок. Но вдруг она что-то говорит своему спутнику, и они подходят к соседнему прилавку, где под стеклом блестят серьги и кольца. Но, видимо, бюджет маленького таиландца не выдерживает вожделений его спутницы. Возвращены продавщице замысловатые серьги, лицо блондинки снова спокойно...

Нас вызывают на посадку. Оказывается, с нами летят две монашки из четырех. Прощаясь, они целуются со своими подругами...

Быстро, по-южному, темнеет. Надо устраиваться на ночлег. Впереди — перелет из Рима в Абадан, он займет часов восемь.

Доброе слово о САСе

Скандинавская авиационная компания «Скэндинэвиен эйрлайнз систем» зарекомендовала себя хорошим обслуживанием пассажиров, точностью в расписании движения самолетов, отличной работой пилотов. Четырехмоторные самолеты разлетаются из трех скандинавских столиц, Копенгагена, Стокгольма и Осло, почти по всему миру. С недавнего времени и наш аэрофлот связан с САСом. Несмотря на длинные перелеты, вы никогда не чувствуете усталости. Внимательны стюарды и стюардессы. Когда мы, уже на обрат-

На одной из центральных улиц.

Не взять ли лотерейный билет?

В Стокгольме

Продавщицы цветов.

Установка дорожных знаков.

Гонконг.

Девушка из Гонконга.

Столица Таиланда — Бангкок. Река Менам.

ном пути из Токио, подлетали на рассвете к Гонконгу, стюард коротко рассказал о всех его достопримечательностях. А когда в этом же рейсе самолет, миновав Крит, пошел над берегами Италии, стюард объявил, что внизу под нами Неаполь, а справа Везувий. Самолет сделал поворот и полетел вокруг Везувия для того, чтобы каждый пассажир мог запомнить черное жерло вулкана и довести до сведения родных и знакомых, что он, собственно, был в непосредственной близости от Везувия и даже несколько выше его.

...Откинув спинку кресла, я лежал, рассматривая справочно-рекламную брошюрку авиакомпании, в которой были напечатаны расписания полетов, стоимость билетов в различных валютах, информация о визах, багаже, отелях и т. д. На одной из страниц рядом с цифирью расписания был довольно забавный рисунок, долженствующий изображать пассажиров, летящих из Советского Союза, а под рисунком подпись: «САС обслуживает самое большое число европейских городов — больше, чем какая-либо другая авиалиния, — теперь, в том числе, Москву». Я думал, что никто из советских путешественников не обижался, глядя на этот рисунок, изображающий рубаху-парня в кубанке сверхъестественных размеров, но боюсь, что, если кто-либо из несведущих людей захочет узнать нас по одежде, поиски его на зарубежных авиалиниях окажутся бесплодными...

Где-то внизу лежало темное Средиземное море, мы приближались к азиатским берегам.

SAS serves more cities in Europe than any other intercontinental airline — now also Moscow.

Под британским протекторатом

Я проснулся оттого, что стюардесса трясла меня за плечо. В самолете было светло. Сквозь задернутую занавеску ярко светило солнце. Сочувственно улыбнувшись и сказав: «Ай эм сорри!»,— стюардесса положила мне на колени подушечку и поставила на нее поднос с завтраком. В маленьких тарелках были горячий омлет с грибами, булочка, апельсиновый джем. В чашке дымился кофе. Начинался новый день. За ночь мы пролетели Средиземное море, пересекли Израиль, Сирию, Саудовскую Аравию. По расписанию должны были приземлиться в одном из центров иранской нефтепромышленности, расположенном вблизи Персидского залива,— городе Абадане. Я взглянул в окно. Под нами расстилалась нежнозеленая водная поверхность. Айрапетов, проснувшийся раньше, сказал:

— Мы над Персидским заливом.. В Абадане не сели: там песчаная буря... Идем куда-то дальше.

Прошел час, другой, и вдруг самолет начал снижаться. Под крылья побежали белесо-желтые пески, плоские крыши глиняных хижин. Сразу стало жарко. Открылась дверца самолета. Невероятно худые, в полувыцветших синих оборванных рубашках, служащие аэродрома подкатили лестницу. Мы сошли в ослепительно белый зной. Парная в Сандуновских банях — игрушка по сравнению с духотой и жарой на этом кусочке земли. На небольшом здании аэропорта значилось: «Бахрейн». Вот, оказывается, куда нас занесло — на Бахрейнские острова, находящиеся под британским протекторатом. Англия захватила эти острова еще в 1820 году. Во второй половине XIX века она закрепила их за собой и установила над ними протекторат, заключив с шейхом Бахрейна соответствующие договоры. Иран, в свою очередь, претендует на эти острова, население которых состоит из персов и арабов. Но фактическим хозяином островов сейчас является американская нефтяная компания «Бахрейн петролеум компани», добывающая до двух миллионов тонн нефти в год.

В небольшом помещении с мягкими широкими креслами и низенькими столиками вертелись под потолком бессильные принести прохладу двухлопастные вентиляторы. Особенно жарко было тем, кто отправился в путешествие в найлоновых рубашках и платьях. Босой служитель принес ледяные банки с ананасовым джусом. На банках надпись: «Сделано в Чикаго». Другой служитель раздавал небольшие бумажные пакеты. Развернув пакет, вы обнаруживали бумажную салфетку, смоченную одеколоном. Оставалось только приложить ее к вискам. Какой-то бизнесмен раскрыл портфель, вытащил вечную ручку, но писать не смог; положив ручку на стол, он смотрел остекленевшим взглядом в потолок. Монашки, выпив положенный им джус, уже за наличный расчет пили кока-кола. Молодой американский солдат, почти мальчишка, севший в Риме, полулежал в кресле, положив ноги на стол. Рядом с ним, пытаясь читать и время от времени недружелюбно поглядывая на него, сидела итальянка с печальными карими глазами. Все расположились, стараясь попасть под струи воздуха, скупо распространяемые вентилятором. Только двое были неутомимы. Маленький таиландец и высокая голубоглазая блондинка оказались снова у прилавка. На этот раз она держала в руках золотые часы. Снова лицо ее было оживлено, блестели глаза, на розовом лбу выступили бисеринки пота. Лицо ее попутчика было сосредоточенным. Он долго вертел в руках часы, потом обратился к продавцу с вопросом. И когда тот ответил, таиландец глубоко вздохнул, пожал плечами и отдал продавцу часы. И моментально померкло лицо блондинки. Она молча отошла от прилавка. Продавец подбросил часы на руке, сунул их в стеклянную витрину и щелкнул ключом.

Прошло более часа, а объявления об отлете все не было. Неподалеку от нас, прислушиваясь к разговору, стоял рыжеватый человек с голубыми живыми глазами. На нем были яркозеленые пижамные брюки и апельсинового цвета рубашка с короткими рукавами.

— Вы из России? — спросил он нас.

— Да. А вы?

— Из Тель-Авива.

— Далеко летите?

— В Дели.

— Бизнесмен?

Наш собеседник закачал головой:

— Рабочий... Делаю тенты.

— Что, что?

— Тенты от солнца.

— А у вас разве нет солнца?

— Есть, даже слишком много... Но страна наша небольшая. Уже все тенты сделаны. Зовут меня Борис, — и без перехода добавил: — Я был, когда ваши футболисты играли с нашими. Жаль, что наши проиграли.

Мы сказали, что не разделяем его точки зрения. Борис улыбнулся:

— Я и не рассчитывал на единодушие в этом вопросе. У вас есть дети? — снова неожиданно спросил он.

— Есть.

— У меня осталась дома семимесячная дочь. Я уже скучаю по ней... А вы знаете, что у нас перевели «Евгения Онегина»? А знаете, что у нас идут ваши картины? Вам незнаком такой мотивчик? — и он вполголоса запел песенку из «Веселых ребят».

В этот момент объявили посадку в самолет. Мы цепочкой потянулись к самолету. И тут я увидел неожиданное зрелище: из-под складок одежды одна из монашек вытащила фотоаппарат и с профессиональным спокойствием фотографировала пустынный аэродром, наш самолет и невыразимо худых пятерых служащих, выстроившихся в одну шеренгу у самолета.

Самолет оторвался от бетонной дорожки, и под нами остались Бахрейнские острова, находящиеся, как говорится в дипломатических документах, «в особых отношениях с Англией».

Девушка, любящая варенье

В дальней дороге одним из развлечений являются журналы. Американские, английские, французские, немецкие, японские, они находятся в двух небольших витринах перед глазами пассажиров, и каждый волен выбрать для чтения или просмотра любой из них.

В это время номера журналов были заполнены подробностями трагической гибели шахтеров во время пожара на бельгийской шахте Буа де Казье и описаниями не менее трагического столкновения шведского судна «Стокгольм» и итальянского «Андреа Дориа», которое произошло в Атлантике у берегов Америки. Во время катастрофы погибло около сорока пассажиров итальянского парохода, перевернувшегося и затонувшего в океане. Некоторые подробности этой катастрофы мы видели на экране кинохроники, еще находясь в Стокгольме. Журналы же сообщали всевозможные детали этого события. Высказывалось удивление, почему радарные установки, которыми были оборудованы оба судна, не помогли избежать катастрофы. Говорилось о том, что на шведском корабле радарная установка не работала, но тут же сообщалось, что капитан «Стокгольма» отрицает это. Было предположение и о том, что оба судна попали в зону «нулевого эхо», то есть в зону, лежавшую в непосредственной близости к радарной установке. Оказавшийся поблизости французский лайнер «Иль де Франс» взял на борт свыше 760 пассажиров «Андреа Дориа» и доставил их в нью-йоркскую гавань.

Маленький римлянин.

Я рассматривал темные фотографии, передававшие трагическую картину столкновения океанских пароходов.

Рядом со мной сидела молодая немка. Я не заметил, где она села в самолет, в Гамбурге или в Дюссельдорфе, но обратил внимание на то, что она любит варенье. И накануне, и в этот день с утра, и в дикую духоту в Бахрейне она доставала маленькие стаканчики и аккуратно отправляла ложкой в рот клубничное варенье. И сейчас, когда наш самолет летел над синевшим Аравийским морем, она вытерла салфеткой губы, спрятала очередной стаканчик в объемистую кожаную дорожную сумку и довольно огляделась по сторонам. Встретившись с моим взглядом, она сказала, указывая на журналы:

— Трагедия!

— Да, — подтвердил я.

Она потянулась к журналу, перевернула несколько страниц и показала на снимок. На нем был изображен танк, молодые солдаты и несколько схем с типичными для военных карт стрелами.

— Это трагедия, — повторила она.

Журнал был швейцарский. Статья называлась «Нужна ли для нашей армии новая доктрина?». Автор рисовал картину атомного боя в самом центре Швейцарии.

Он доказывал, что при нынешнем положении вооруженных сил Швейцарии ей в случае войны не удастся отбить нападения. «Надо вооружаться и пытаться создать собственное атомное оружие» — таков был вывод статьи. Я улыбнулся: зачем швейцарскому журналу «Ди вохе» пугать своих читателей?! Но моя соседка была настроена серьезно.

— У нас в Западной Германии этого больше. Это наша трагедия,— сказала она.— Наша трагедия больше, чем столкновение судов в Атлантике. Я говорю вам, потому что вы из Советского Союза.

Я снова взглянул на свою соседку. Она вернула мне журнал и вытащила какую-то пеструю книжку из сумки... А я-то думал, что ее, кроме клубничного варенья, ничто в мире не интересует...

Ливни над Азией

Чем ближе мы подходили к Пакистану, тем больше портилась погода. Под нами поплыли темные тучи. Скрылось из глаз Аравийское море. Самолет встряхивало. При помощи словаря мы заполняли пакистанскую транзитную анкету, в которой в числе прочих вопросов были: «Где вы находились последние девять дней?» (о каждом дне надо было сообщить отдельно) и «Делали ли прививку от желтой лихорадки?».

Вырываясь из тумана, самолет пошел на снижение. По крыльям бежали струйки воды. Вокруг винтов стояли белые нимбы. Поднимая столбы воды, самолет побежал по бетонной дорожке. В Карачи многие делали пересадку. Вышли монашки, неожиданно предъявив американские паспорта. Переодевшись в обычный костюм и махнув нам рукой, как старым знакомым, сошел Борис из Тель-Авива. Сошла и немка, любящая варенье. Закатав брюки, почти по колено в воде, мы пробежали метров двадцать по асфальту и очутились в просторной комнате для транзитных пассажиров.

Остроглазая пакистанка отобрала паспорта и анкеты и дала взамен пестрый лист бумаги, по которому мы могли получить у высокой буфетной стойки на выбор бутылку лимонада или кока-кола.

Мы протянули свои талончики, но стоящий за прилавком человек в красной феске молча подал нам карандаш и, ткнув в талончик пальцем, пригласил расписаться. Видно, отчетность здесь стоит на высоте! Ливень клокотал на аэродроме, но это не мешало заправке самолета, которому предстоял прыжок из Карачи в Калькутту, через всю Индию. Все же мы несколько выбились из расписания из-за непогоды. Задержались и в Карачи. Когда автобус проделал путь в 20 метров, чтобы подвезти нас от аэропорта к самолету, было уже совсем темно. Стюард провел под руку двух пожилых бирманцев. Старик был в клетчатой голубой юбке, старуха — в черной одежде, в очках. Старик держал в руках две длинные сумки и большой жестяной чайник, такой, с каким у нас в двадцатые годы ездили в теплушках. Как только старик очутился на месте, он сразу сел в кресло, по-восточному скрестив ноги. Сидевшая рядом с таиландцем блондинка состроила презрительную гримасу. В Карачи, в зале ожидания, не оказалось киоска с сувенирами, и блондинка не вызвала новых душевных потрясений у своего спутника.

В это время самолет уже летел в полной тьме — ни огней внизу, ни звезд наверху. Айрапетов, с самого начала заинтересовавшийся новыми пассажирами, заметил, что старая бирманка тревожно смотрит вокруг и ежится под струей холодного воздуха, идущего на нее из небольшого металлического патрона, расположенного над головой. Айрапетов поднялся, подошел к женщине, завернул патрон, подложил ей подушку под голову и вернулся на место. Благодарно покивав головой, бирманка устало закрыла глаза. Событие это не прошло незамеченным. Несколько пассажиров проводили Айрапетова взглядами, в которых было и удивление, и любопытство, и даже симпатия. Высокая блондинка поднялась со своего места, стараясь разглядеть сидевшего впереди нее Айрапетова, снова уткнувшегося в русско-английский словарь, с которым он не расставался всю дорогу.

Ко мне подошел стюард и пригласил перейти, согласно билету, по которому от Карачи значилось спальное место, в хвост самолета. Составленная из мягких кресел, там уже была приготовлена постель, закрытая занавеской. Я лег. Здесь сильно мотало. Минутами сквозь сон казалось, что хвост самолета, оторвавшись, летит куда-то вниз. Несколько раз я смотрел в окошко, но ничего, помимо кромешной тьмы и тусклых капель на стекле, не видел. Снова проснувшись от сильного толчка, я увидел синие и зеленые огни на земле, отраженные в воде, услышал говор и понял, что самолет в Калькутте.

Мы пересекли, с посадкой в Рангуне, Бирму и на рассвете взяли курс на Бангкок. Над Таиландом дождя уже не было. Но поля, геометрически расчерченные ровными линиями каналов, были залиты водой. В воде, выплеснутой с неба на землю, стояли рощи, дома, посевы, отражались рваные облака. Навстречу снижающемуся самолету стремительно побежали зеленые кварталы Бангкока, раскинувшегося с двух сторон реки Менам. Из окна самолета были видны каналы, пересекающие город, красные крыши каменных домов, различались лодки, качающиеся в маленьких прудах. По реке шло много судов, вся она была густого глинистого цвета, резко выделялась среди зеленых берегов.

Самолет побежал по бетону мимо высоких самолетов с черной пятиконечной звездой — отличительным знаком военно-воздушного флота США. Заглядывая на ходу в русско-английский словарь, Айрапетов спускался по лестнице на землю. У него здесь была пересадка.

С сумками в руках вышла вслед за маленьким таиландцем высокая голубоглазая блондинка, лицо ее потеряло надменное выражение и стало покорным.

Я смотрел в окно. Видимо, здание аэропорта Бангкока расширялось или достраивалось. По мосткам поднимались вверх таиландки в черных брюках и куртках, в широких соломенных шляпах, неся на плечах корзины с серым камнем.

Двойками взлетали учебные самолеты с черными звездами на крыльях.

Прививки все-таки надо делать

Мы еще летели над Камбоджей, когда ко мне подошла белокурая стюардесса с желтым, похожим на жилет резиновым надувным мешком на плечах. Держа около рта небольшой шланг, точными жестами она объяснила, как надо пользоваться этим аппаратом в случае, если...

По этому поводу один пассажир произнес такую сентенцию: «В этой части Тихого океана много акул, так что спасательный мешок в том случае, если акула по рассеянности не пропорет его своими зубами, может некоторое время оставшуюся часть тела удержать на воде».

Самолет летел над Южным Вьетнамом. Далеко внизу различались темнозеленые леса, рассыпанные на коричнево-красных складках гор. Я взглянул на часы. Стрелки показывали половину шестого. Солнце стояло высоко. Стюардесса принесла поднос со вторым завтраком. Первый завтрак я проспал. Я хотел сохранить стокгольмское время до Токио, но запутался. Сверившись с часами стюардессы, я перевел часы на токийское время, что означало разрыв на 8 часов от Стокгольма и на 6 часов от Москвы.

После того, как мы миновали желтую прибрежную полосу, под крылья пошло неправдоподобно лазурного цвета Южно-Китайское море. Вначале виднелись черные продолговатые значки рыбачьих лодок, но затем они остались позади, и под самолетом поплыли продолговатые облака с белыми лебяжьими спинами. Их было много, и чем дальше самолет уходил к Филиппинам, тем они становились гуще. В одном месте лучи солнца, пропущенные через винты нашего самолета, образовали радугу, она врезалась в белое облако и вышла из него поблекшей. На исходе пятого часа полета снова показались в океане небольшие островки. В это время ко мне подошел стюард:

— Просьба приготовить справку о прививке противохолерной вакцины.

Я почувствовал, что назревает неприятное событие. Справки у меня не было. Я сообщил об этом стюарду.

— Нет?! — воскликнул стюард, и по его лицу я понял, что слишком рано перевел часы на токийское время.

— Нет, — ответил я, понимая всю безнадежность моего положения.

— А в Стокгольме вам не дали?

— Нет.

Стюард с сожалением посмотрел на меня и ушел. А в это время словно несколько больших темнозеленых ящериц выползло навстречу самолету из океана, — это были уже острова Филиппин. Манила чем-то напоминала Бангкок. Может быть, потому, что и здесь только что прошли дожди и улицы города были залиты водой? Снова короткая пробежка по аэродрому, последняя судорожная дрожь самолета — и перед нами появились филиппинские чиновники. Меня попросили посидеть некоторое время на месте, но потом, когда все пассажиры покинули самолет, было разрешено и мне сойти на землю. При входе в маленькое деревянное здание аэропорта человек в военной форме ухватил ремень моего фотоаппарата, но сопровождавший нас чиновник на ходу поставил на футляре мелом белый крестик, что, видимо, должно было обозначать разрешение на проход в небольшой ресторан, где перед каждым пассажиром поставили стакан ананасового джюса. Потягивая через соломинку ледяной сок, я тоскливо думал о том, какие кары меня ждут из-за отсутствия злополучной справки о прививке. Ведь кто-то в Москве или Стокгольме должен был предупредить меня, что такая справка нужна. Но, к моему удивлению, никто больше меня не спрашивал о вакцине. Снова самолет взмыл в небо для того, чтобы, говоря языком русских ямщиков, сделать последний перегон из Манилы в Токио. Попутчиков в самолете осталось совсем мало.

Некоторое время мы летели над лесистыми горами. Думалось, что именно здесь скрывались филиппинские партизаны, героически сражавшиеся с японскими оккупантами. Потом суша уступила место океану. Слева по ходу самолета среди темных, фантастической формы облаков садилось в океан кроваво-красное солнце. И, возможно, оттого, что мы летели теперь уже по направлению к Японии и остались в памяти рисунки и фотографии атомных взрывов, все это чудовищное нагромождение с солнечным факелом посредине, темноалым грибом на вершине казалось картиной атомного взрыва. И нескоро все погасло. А когда уже не было огня, еще долго пробегали за темнеющими тучами золотисто-красные зарницы. Потом все стало темно и спокойно. В небе показались редкие крупные звезды. Наступила третья ночь полета.

В конце пятого часа пути слева от нас, разрезая темноту, проскочил реактивный самолет с красным светом на крыльях. Где-то невдалеке лежал японский остров Окинава, превращенный американцами в одну из своих основных военно-воздушных баз в Тихом океане.

...На восьмом часу полета внизу показались первые, чуть видные огни Японии. Кончалась дальняя дорога. Было три часа ночи по токийскому времени. Шел 56-й час нашего рейса из Стокгольма. Почти 17 тысяч километров остались позади. Скоро замигали голубоватые токийские огни.

Синие огни по бокам бетонных дорожек, ярко освещенное здание аэропорта. Встречают товарищи из советской делегации и японские друзья. Конечно, и здесь, при прохождении въездных процедур, не обошлось без разговора о прививке. И вот уже скачка на автомашине по плохо освещенным, пустынным токийским улицам. Подъезд «Акасака Принцотель». Приветливо встречает портье. Неожиданно в гостинице гаснет свет. Нет света, нет воды. Начинаешь замечать, что, несмотря на глубокую ночь, здесь очень душно. Открытая дверь на балкон не приносит прохлады. Но что бы то ни было, это уже Токио. Завтра утром отправляемся в Нагасаки для участия в конференции за запрещение атомного и водородного оружия. До отлета остается несколько часов. В открытую балконную дверь доносится, словно свитый в бесконечную цепь, железный скрежет цикад...

ПО СЛЕДУ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ, В. ВЕДЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Мария пришла. «Заведующего отделением» на месте не оказалось, и с нею говорил «заместитель». Разговор был недолгим. Доктор был рад познакомиться с матерью больного и предупредил ее, что ребенок, перенесший тяжелую болезнь, будет нуждаться дома в строгом уходе и, что самое главное, в непрестанном внимании к себе. Мария Гонтарь ушла в полном недоумении: неужели для того, чтобы высказать ей пять общих фраз, нужно было так настоятельно требовать ее прихода в больницу.

А оперативному уполномоченному Карпатову только и нужно было увидеть это лицо, чтобы запомнить его хорошенько.

На следующее утро в ГУМе, в очереди за цигейковыми манто, Карпатов издали указал милиционеру на Марию Гонтарь. Через полтора часа она была задержана и вместе с женщиной, купившей у нее чек, доставлена в дежурную комнату милиции при ГУМе.

Лейтенант милиции Адоскин был уже знаком Гонтарь по встречам в магазине, его, как огня, боялись спекулянты.

Он был беспощаден и не желал слушать никаких оправданий. Напрасно она клялась ему, что больше ни разу в жизни не переступит порог ГУМа, напрасно она рыдала, размазывая по щекам краску с ресниц. Неумолимый лейтенант составил протокол, и Гонтарь скрепя сердце поставила под ним свою подпись.

«Ну, все, — решила она, — посадит». И уже примирилась со своей участью, но неожиданно ситуация изменилась. Спасение явилось в образе незнакомого капитана, заглянувшего в комнату как бы между прочим. Он сочувственно взглянул на Марию, и та, ухватившись за этот взгляд, как за спасительную соломинку, не преминула состроить ему глазки. Капитан клюнул на этот маневр и, устроившись на диване, стал смотреть на нее с любопытством. Она чувствовала, что нравится ему, и пустила в ход все свои женские чары, чтобы на всякий случай закрепить эту первую призрачную победу.

«Вот еще разревелась, дура, некстати», — подумала она и, вынув из сумки зеркальце, стала усиленно оттирать черную краску со щек.

А капитан, лениво протянув руку, достал со стола протокол.

— Нехорошо! — укоризненно сказал он и даже покачал головой. — Такая красивая девушка, и вдруг... — Но в голосе его не чувствовалось никакой строгости. Скорее, он говорил это так, по обязанности.

— Я же в первый раз!.. Никогда еще такого не случалось! — Глаза ее смотрели умоляюще.

— А может быть, действительно в первый раз, а ты сразу же протокол. Бездушный ты человек, Адоскин.

Она не верила своим ушам: неужели он говорит серьезно? А может, это только тонкая издевка? Нет. Капитан подошел к столу и сел на место лейтенанта.

— А ну, товарищ лейтенант, давай-ка я сам поговорю с гражданкой... — он заглянул в протокол, — гражданкой Гонтарь.

— Слушаюсь, товарищ начальник! — козырнул лейтенант и вышел.

«Начальник, — с уважением подумала Мария.— Наверное, новенький. Ни разу не встречала его здесь».

— Как же это вы? — Капитан не спеша достал из кармана кителя коробку «Казбека», деловито постучал по крышке и сунул папиросу в рот.

«А он ничего, даже симпатичный,— отметила Мария.— Эх, была ни была!» — И она улыбнулась ему самой очаровательной из своих улыбок.

— Ну так что же, а? Не годится спекулировать чеками. Это не кончится добром.

— В первый раз я, — повторила Мария, — ребенок у меня в больнице, а денег нет ни гроша. — Вдруг ей показалось, что сказанное недостаточно убедительно, и она поспешно добавила: — Можете сами проверить, позвоните туда хоть сейчас.

— Я верю, — очень серьезно сказал капитан, — но это, конечно, не может служить оправданием.

И вдруг он перевел разговор:

— Расскажите, пожалуйста, о себе.

— А что рассказывать-то? — искренне удивилась она, и в самом деле не представляя, как отвечать на этот вопрос.

— Ну, как вы живете? С кем встречаетесь? Где проводите свободное время?

Вопросы застали ее врасплох. Она не ожидала такого оборота. И чтобы не запутаться и не испортить дела, Мария решила говорить правду. Лишь об одном она предпочла умолчать — о занятиях своих знакомых. Но капитан и не настаивал на этом пункте. Она рассказала, что изредка ходит в кино и даже в театр, когда случаются деньги. А в последнее время у нее новый знакомый, — нет, пускай товарищ капитан ничего такого не думает, просто так, приятель ее брата, — он любит слушать цыганские песни, и они вместе ходят к цыганам...

Капитан был вполне удовлетворен этим ответом.

— Вот что, — сказал он, — протокол я уничтожу при вас.— И он разорвал листки на четыре части.— Вы можете идти. Но чтобы этого не повторялось! Понятно?

И, как накануне в больнице, Мария Гонтарь была удивлена. Она уже успела поверить в то, что ей не избежать ареста, а этот чудаковатый капитан даже не взял с нее штрафа.

Когда Мария Гонтарь вышла за дверь, «чудаковатый» капитан Брайцев снял телефонную трубку, набрал номер и доложил полковнику Северцеву, что операция прошла успешно.

Следующими на повестке дня были цыгане...

9

Цыганский театр «Ромэн» уже больше месяца находился в отпуске. Единственным местом в Москве, где выступали цыгане, был ресторан «Волга» в Химках. Поэтому лейтенант Федор Гринюк и капитан Людмила Араличева ежедневно, начиная со среды, стали посещать «Волгу». В паспортном столе таганского отделения милиции Брайцев получил фотографию Марии Гонтарь, которая была увеличена и размножена в нескольких экземплярах.

Гринюк и Араличева приходили к девяти, занимали столик возле эстрады, откуда отлично просматривался зал, заказывали ужин и дежурили до закрытия. Они производили впечатление милой, влюбленной пары.

Так прошла среда, четверг, пятница и суббота. И вот Мария Гонтарь появилась в ресторане, и не одна, а с молодым человеком.

Гринюк неторопливой походкой прошел в администраторскую и набрал номер дежурного по МУРу. Трубку снял Северцев.

— Как выглядит этот тип? — поинтересовался Иван Ильич.

— Среднего роста, коренастый, волосы светлые, на левой щеке шрам...

— Шрам? — переспросил Северцев. — Вы ясно видели шрам? Этого человека необходимо задержать. Любыми средствами! Вы поняли, Гринюк? Вы поняли?

Неверной, шатающейся походкой Гринюк возвратился в зал. Араличева была на том же месте, где он покинул ее, и разговаривала с администратором. Парень со шрамом встал. Гонтарь, смотрясь в зеркальце, поправляла прическу.

«Ах, расскажи, расскажи, бродяга», — пела цыганка с эстрады.

— Сейчас будет скандал,— бросил на ходу Гринюк. — Предупредите милиционера, чтобы он задержал нас.

Араличева едва заметно кивнула и вышла в вестибюль.

Зажав папиросу в зубах и натыкаясь на столики, Гринюк приближался к Марии Гонтарь. Вот он уже подошел вплотную и прикоснулся к ее теплой обнаженной руке.

— Что вы, гражданин? — Она отстранилась.

— Зоенька, ты не узнаешь меня? — Он придвинулся еще ближе.

— Товарищ, вы перепутали, это не та,— сказал за спиной парень со шрамом, и Гринюк почувствовал, как сильные руки, взяв его за плечи, легко отодвинули в сторону.

— А ты тут еще кто? — крикнул Гринюк нарочито громко.

За соседними столиками приподнялись, с любопытством наблюдая за происходящим.

— Послушай, мальчик, здесь не место выяснять отношения. — Парень со шрамом говорил так тихо, что Гринюк лишь по движению губ улавливал смысл его слов. — Если хочешь, выйдем на улицу, там поговорим.

Но вместо ответа, с шумом выдохнув воздух, Гринюк двинулся навстречу ему. Какая-то дама за столиком слева ахнула и уронила бокал. Певица смолкла на полуслове. Парень со шрамом оттолкнул его от себя, и, пятясь назад, Гринюк опрокинул столик.

С разных концов ресторана к ним бежали официанты. Сквозь образовавшуюся толпу с трудом протискивался милиционер.

Гринюка уже удерживали трое мужчин. Кто-то усиленно пытался вывернуть ему руку.

— Прошу следовать за мной! — предложил милиционер.

— Оставьте его. — Парень со шрамом говорил спокойно. — Все в порядке. Я к этому гражданину ничего не имею. Я готов даже извиниться перед ним, хотя я не виноват.

— Нет, — возразил милиционер,— он нанес вам оскорбление действием. Я не имею права оставить так этот случай. Прошу следовать в отделение!

Парень со шрамом пытался спорить, но за его спиной, словно из-под земли, выросли еще два сотрудника милиции. Возражать было бесполезно.

10

В отделении милиции при Химкинском речном вокзале, куда привели их, уже находился Северцев.

— Так, — сказал он, когда милиционер по всей форме доложил о случившемся.— Значит, подрались? Очень похвально. — Северцев сделал внушительную паузу.— Попрошу предъявить документы!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40, 41.

У парня со шрамом паспорта не оказалось.

— Как назло, оставил в старом пиджаке, — все спокойно объяснял он, — но вы можете узнать. Моя фамилия Багров, Николай Константинович. Я прописан на Малой Тульской, номер дома 17.

— Проверим,— согласился полковник.— Может быть, при вас есть другие документы, удостоверяющие вашу личность?

— Других документов нет,— подумав, ответил Багров.

— В таком случае я вынужден задержать вас до выяснения. Это ненадолго, каких-нибудь полчаса.

— То есть как задержать? — возмутился Багров. — Вы не имеете права!

— Весьма сожалею: порядок,— сочувственно произнес Северцев.

Марию Гонтарь смутило происходящее. Ей не раз приходилось бывать в милиции, но сейчас все выглядело как-то иначе. Почему-то не стали составлять протокол. Почему-то дежурного больше всего интересовал паспорт Багрова. Почему-то, наконец, он не задал ни одного вопроса главному зачинщику скандала, который, кстати сказать, уже не походил на пьяного...

Вошел Брайцев. За капитаном следовал еще один мужчина, в штатском.

— Простите, что потревожили вас, товарищ Шутов, — сказал Северцев.

— Ничего. Наше дело шоферское, не привыкать.

— Ну, не будем терять времени.— Полковник встал, и они втроем прошли в соседнюю комнату.

— Посмотрите внимательно, вы не узнаете никого? — включая прожектор, спросил Брайцев.

На скамье перед Шутовым сидели трое: один пожилой, с синяком под глазом, другой средних лет, в разодранной рубашке, и третий...

— Он! — воскликнул Шутов. — Он меня грабил! Шрам на щеке, я сразу узнал!

Багров побледнел.

— Здесь какое-то недоразумение, — заговорил он, заметно волнуясь. — Я впервые вижу в глаза этого человека!

— Обыскать его! — приказал Брайцев.

В карманах оказались шоферские права и просроченный пропуск шестого таксомоторного парка.

— Вы принимаете меня за кого-то другого, — задыхаясь, хрипел Багров, — вы еще ответите за свои действия!

— Дай бог! — усмехнулся Брайцев и сделал знак, чтобы Багрова вели в машину.

...Этой же ночью в доме № 17 по Малой Тульской улице, где проживал Багров, произвели обыск. Северцев рассчитывал найти какой-нибудь из предметов, похищенных в квартире у Лосевых. Расчеты не оправдались.

Соседи, которых пригласили в качестве понятых, показали, что Багров имел семью, но минувшей зимой выгнал жену вместе с ребенком. Соседи боялись Багрова и старались держаться от него подальше.

Просматривая потрепанную книжку, выпущенную в 1939 году, Брайцев обнаружил между страниц фотографию Багрова в трусиках и майке. Открытка размером девять на двенадцать была разрезана пополам. Вторая половина, на которой, очевидно, был запечатлен еще кто-то, отсутствовала. На втором плане виднелись очертания какого-то сооружения, показавшегося Брайцеву знакомым. Всмотревшись внимательнее, он высказал предположение, что это, по всей вероятности, причал речного трамвая в Серебряном бору. На обороте фотографии сохранились часть надписи и половина печати. Надпись гласила:

«...ять
...час
...ина».

Печать оказалась менее загадочной. Брайцев прочитал: «...отоработников. Артель им. Красина».

Обрадованный этой находкой, Северцев продолжал поиски. Простукивая капитальную кирпичную стену, он вдруг ощутил пустоту. За обоями оказалась тонкая фанерная прокладка. Вскрыв тайник, Северцев увидел тщательно смазанный пистолет «Беретта» образца 1923 года и шесть запасных обойм...

11

Артель имени Красина специализировалась на групповых съемках. В летнее время, когда количество заказов на групповые портреты снижалось, артель устанавливала несколько временных точек в наиболее людных местах Москвы...

Председатель артели — деятельный молодой человек, выслушав лейтенанта Карпатова, с готовностью взялся ему помочь. Дело в артели было поставлено солидно: старые негативы и корешки квитанционных книжек сохранялись в течение нескольких лет.

Чтобы как-то сузить круг поисков, начали с выяснения, кто из фотографов за два последних года работал в Серебряном бору. Насчитали пять человек. Из архива бухгалтерии приволокли целую гору запыленных квитанционных книжек.

Около семнадцати часов подряд Карпатов вместе с двумя девушками, добровольно вызвавшимися помочь ему, перебирал корешки квитанций. Но квитанции на имя Багрова не обнаружилось. Тут Карпатова осенила мысль. «А почему непременно квитанция выписывалась на фамилию Багрова? — подумал он. — С таким же основанием расплачиваться за фотографии мог и другой человек, изображенный на обрезанной части фотоснимка. Не исключено, что этим человеком была женщина. Тем более, что на обороте фотографии сохранилась часть подписи: «...ина». Зина, Нина, Галина, Ирина... Или же окончание фамилии: Малинина, Силина, Забродина... Да мало ли имен и фамилий, оканчивающихся на два этих слога!»

Карпатов решил еще сузить круг поисков и просматривать лишь те негативы, квитанции к которым были выписаны на фамилии женщин.

Случайно зашедший в кабинет старший лаборант артели взглянул на часть открытки, изъятой при обыске у Багрова, и сказал, что отпечаток сделан на «Мимозе». Этой бумагой пользовались в конце прошлого лета. Партия была небольшой. Числа можно легко уточнить по копиям накладных.

Так еще раз сузился круг поисков, и к вечеру Ивану Ильичу принесли шесть экземпляров фотографий Николая Багрова и его знакомой. Квитанция была выписана 28 августа прошлого года на имя Корнеевой Н. И.

Это пришлось как нельзя кстати, потому что на первом допросе Багров категорически отверг предъявленные обвинения. Он отрицал все. Когда Северцев спросил его, чем же, наконец, он объяснит незаконное хранение оружия, и положил на стол пистолет «Беретта», Багров удивленно пожал плечами.

— В глаза этого не видел.

— Бросьте валять дурака! — сказал Северцев. — Пистолет найден в вашей комнате. Вот акт, подписанный понятыми. Тут уж никуда не попрешь.

Но Багров ухитрился вывернуться:

— Позвольте, но пистолет обнаружен в стене, в тайнике, за обоями...

— А вы откуда знаете, где он обнаружен, ведь вы же не видели его в глаза?

— Я же грамотный, об этом сказано в акте.

Он был прав, и Северцев разозлился на себя за этот промах.

— Я получил комнату в позапрошлом году по ордеру райжилотдела, — объяснял Багров. — До меня в ней находился другой жилец. Я же не обязан был заниматься простукиванием стен и поисками тайников.

— Вы случайно не в курсе, куда переехал прежний жилец? — спросил Северцев.

— На Ваганьковское кладбище! — с издевкой ответил Багров.

Крыть было нечем. Северцев взвесил на ладони густо смазанный пистолет, достал из кармана платок и вытер руки. Повидимому, оружие давно уже лежало без употребления. Калибр гильзы, найденной на Каширском шоссе, был 7,62 миллиметра. Пистолет «Беретта» имел укороченные патроны 9-миллиметрового калибра. И здесь концы не сходились с концами.

И хотя первый допрос окончился ничем, хотя Багров никогда еще не состоял под следствием, Северцев своим профессиональным чутьем угадывал, что перед ним матерый бандит, ловкий и умный противник. Северцев отлично знал: рано или поздно будет сбит этот нагловато-снисходительный тон и разговор пойдет по-иному. Однако этому должна предшествовать долгая, тяжелая и кропотливая работа, которая называется следствием.

...Спустя сутки после ареста Багрова Мария Гонтарь была приглашена в уголовный розыск. Ее принял все тот же «чудаковатый» капитан, с которым она познакомилась в ГУМе.

— А, старая знакомая! — улыбнулся он.

Увы, ее уже не могли обмануть ни эта деланная мягкость, ни кажущееся простодушие.

Но Сергей Васильевич на этот раз и не собирался играть в «кошки-мышки». Ему необходимы были конкретные сведения, и он не сомневался, что получит их.

— Что вы можете рассказать о человеке, с которым вас видели в ресторане? — прямо спросил он.

— Ничего! — зло отрезала Гонтарь. — Я не знаю его!

— Неправда! — насмешливо сказал Брайцев. — Вы же сами рассказывали мне в ГУМе, что он ухаживает за вами, водит в кино и даже слушать цыганские романсы.

— А с вашей стороны это было подло! Подло! — закричала она.

— Ну, я думаю, мы не станем

сейчас обсуждать вопросы морали. Так как же, будете рассказывать?

— Не буду! — И она отвернулась.

— Послушайте, Мария Гонтарь, у меня нет времени взывать к вашему сознанию! — Он решил не церемониться с ней. — Ваш приятель — бандит, занимающийся открытым грабежом. На его руках кровь человека.— Брайцев остановился, чтобы убедиться в произведенном впечатлении.— Вы его подруга и соучастница. Вы помогали ему, и я мог бы просто посадить вас, но я думал...

— Не докажете! — Это был не крик, а скорее стон. — Не докажете! — повторила она и вдруг, побледнев, покачнулась на стуле.

Брайцев налил воды и протянул ей, но она отказалась.

— Докажем, — сказал он таким миролюбивым тоном, как будто речь шла о стакане воды.— Если забыли, я напомню вам одну фразу из известной вам записки: «Мальчик расшибся...» Ясно? — Он еще раз сделал паузу. — Может, вы вспомните, что говорилось в записке, переданной из тюрьмы для вашего Николая?

Разумеется, Брайцев не имел ни малейшего понятия ни о какой другой записке, кроме той, которую только что процитировал. Но сейчас он бил наугад...

— Вспомню, — вдруг тихо сказала Гонтарь, — сейчас... — Она действительно напрягла память, что-то вспоминая.— Вот... кажется, так: «Горшок раскололся, и его выбросят...»

Брайцев не ожидал такой удачи.

— А знаете ли вы, что в результате одной этой фразы был убит человек? Вот он, полюбуйтесь! — И Брайцев положил перед ней фотографию трупа, сделанную в мытищинском морге. Это, как и ожидал он, произвело на нее ошеломляющее впечатление.

— Ну, в последний раз, будете говорить или нет?

— Буду, — прошептала Гонтарь. Теперь она сама потянулась за стаканом, но руки ее дрожали, и стекло стучало о зубы.

— Я слушаю вас! — сказал Брайцев, усаживаясь в кресло.

— Что я наделала! Что я наделала!— шептала она, вздрагивая.— Они же играли мною, как последней дурой!

— Вот именно, — согласился Брайцев.

Он извлек из стола еще одну фотографию.

— Опять про убийство? Не нужно! Не хочу смотреть! — запротестовала она.

— Нет, нет, не пугайтесь, — успокоил Брайцев.— На этот раз более мирный сюжет. Вы знаете эту девушку?

Он показал ей одну из открыток.

— Нинка Корнеева, знаю, а этот, в трусиках, он.

— Догадываюсь, — улыбнулся Брайцев.

— У нее дочь от него. Только вы не трогайте Нину. Она и без того несчастная. А то узнают они, плохо ей будет. Они шутить не любят.

Брайцев уже имел случай убедиться, что это не пустые слова.

— Пожалуй, на сегодня достаточно, — сказал он.

Она посмотрела на него долгим, вопросительным взглядом. Он понял смысл этого взгляда.

— Дайте-ка сюда ваш пропуск. — Брайцев размашисто расписался и поставил печать. — Впредь будьте разборчивее в своих привязанностях!

Она аккуратно сложила пропуск и встала.

— У меня к вам просьба,— сказал Брайцев.

— Какая?

— Познакомьте меня с Корнеевой.

— Нельзя!

— Даю вам слово, они не тронут ее.

— Когда знакомить? — спросила Гонтарь.

— Чем скорее, тем лучше. Хотя бы даже сегодня вечером.

Она подошла к двери, потом вновь возвратилась и, расстегнув кофточку, положила что-то на стол.

— Отдайте ему. И скажите, что мне от него ничего не нужно.

Это был медальон, похищенный на квартире у Лосевых.

Вечером на площади Свердлова, возле Большого театра, Брайцев снова встретился с Марией Гонтарь. Гонтарь пришла не одна. Она познакомила Брайцева с Ниной Корнеевой.

Гонтарь оказалась права: Нина действительно ненавидела Николая Багрова, который испортил ей жизнь.

Багров, по профессии шофер, недолго задерживался на работах. Она служила подавальщицей в кафе, и в основном они существовали только на ее зарплату. А когда у них родился ребенок и она вынуждена была уйти с работы, он стал уносить из дому вещи. Он буквально раздел ее, не останавливаясь даже перед тем, чтобы продать распашонки ребенка. А потом, когда в доме уже не осталось ничего, он выгнал ее среди зимы вместе с шестимесячной дочкой. Однако по существу дела Брайцев узнал немногое.

Однажды — это было несколько месяцев назад — у Белорусского вокзала ее нагнало такси. В машине находились Багров и еще один молоденький парнишка, который назвал себя Федей. За рулем сидел Митька Басов. Тогда еще она не знала его, но как-то во время болезни Багрова тот посылал ее на Вятскую улицу отнести Басову какую-то записку. Вятская — это она точно помнит, только вот номер дома забыла, но его не трудно найти: как раз напротив клуба.

Федю она потом не раз встречала на улице Горького и в кафе «Националь». Фамилии его и места жительства Корнеева не знала. Также ей ни разу не приходилось слышать фамилии Урганова или каких-либо других фамилий, кличек и имен.

...В эту ночь произошло еще одно нападение на такси.

В первом часу ночи шофер Валежин привез пассажира на сорок третий километр Дмитровского шоссе. Когда стали рассчитываться, Валежин не сумел дать сдачи со ста рублей. Поставив машину на обочине шоссе, он вместе с пассажиром прошел к даче.

Возвращаясь обратно, Валежин увидел у машины двоих: худощавого с длинными руками и второго, поплотней. «Повезло, — подумал Валежин, — а я еще беспокоился, что придется гнать вхолостую такой конец!» Но ожидавшие не собирались ехать.

— Закурить не найдется? — спросил один из них и придвинулся вплотную. Второй зашел сзади. Валежин почувствовал, что начало не предвещает хорошего.

— Не курю, — коротко ответил он и сделал шаг в сторону.

В этот момент в бок ему уперлось что-то твердое. «Пистолет!» — мелькнуло у Валежина. Да, это был пистолет.

— Ключи от машины! — сказал коренастый. — И можешь катиться к чертовой матери!

Валежин порылся в кармане и протянул ключ от французского замка. Переложив пистолет в левую руку, коренастый направился к машине. Худощавый, не упуская из виду Валежина, торопливо зашагал за ним.

— Это не тот ключ! — послышался из машины голос коренастого. — Ты что, с нами шутки вздумал шутить? — Последовало грязное ругательство.

— Да что вы, ребята, — примирительно сказал Валежин, — машина с характером, сам с ней всегда волнуюсь! А ну-ка, пусти!

Он зашел с другой стороны кабины и рванул на себя дверцу. Вторая дверца тоже оставалась открытой.

Присев рядом с коренастым, Валежин тщетно пытался втиснуть ключ в замочную скважину. Коренастый с подозрительностью наблюдал за ним. Худощавый продолжал стоять на шоссе шагах в трех — четырех.

— Вот дурак! — воскликнул Валежин. — А ведь действительно ключ не тот! Прости, ошибся с перепугу!

Не давая им опомниться, он вставил в замок другой ключ и, резко двинув коренастого плечом, рванул машину с места. Но коренастый каким-то образом все же успел ухватиться рукой за выступ двери и повиснуть на ходу.

Раздался выстрел, другой, третий... Лобовое стекло треснуло по всем направлениям, покрывшись тысячами косых линий. Крайне неудобное положение, в котором продолжал висеть коренастый, мешало ему попасть в Валежина.

Между тем машина все увеличивала скорость. Сквозь мутное лобовое стекло Валежин ничего не видел перед собой. Он ни разу не обернулся. Прямо, только прямо, до боли в пальцах, впившись в руль!

Вдруг машину круто мотнуло. Очевидно, она боком задела за какой-то предмет. Скорее инстинктивно, чем сознательно, Валежин затормозил.

Коренастого уже не было. В какой момент он сорвался с машины, Валежин не заметил.

Как ни странно, но в общем машина оказалась цела, за исключением лобового стекла, помятого крыла и разбитой фары. Достав изпод сиденья гаечный ключ, Валежин выбил растрескавшиеся остатки и, свернув на окружное шоссе, поехал в город.

Первым же встречным орудовцем машина была остановлена. О случившемся немедленно сообщили в МУР, и из Москвы выехала дежурная опергруппа. Был обследован значительный участок Дмитровского шоссе, начиная с сорок третьего километра. Но, кроме осколков стекла, никаких иных следов ночного поединка не удалось обнаружить.

Северцев, которому доложили по телефону о случившемся, отнесся к этому известию спокойно. Показалось, что новый случай даже обрадовал его.

— Так и есть! — говорил он на утреннем совещании.— Я давно предполагал, что им главным образом нужна машина. И не любая «Победа», а именно такси. Я даже позволю себе сделать вывод, что грабеж, которым сопровождался первый угон, был лишь маскировкой основной цели — завладеть самой машиной. Для чего им понадобилось такси? Пока что мы с вами этого не знаем. Очевидно, за спиной этой группы стоит какой-то опытный бандит с далеко идущими планами. Но в конце концов нам сейчас и не обязательно знать их. Важнее другое. Когда был взят Багров, можно было предполагать, что дальнейшие события будут развертываться двояко: либо банда на какой-то срок притаится, пережидая опасное время, либо, напротив, перейдет к активным действиям, создавая тем самым видимость, что Багров не имеет к ней отношения. Теперь мы видим, что подтвердилось второе. Прекрасно, нам это только на руку. Следовательно, не сегодня-завтра нужно ожидать нового нападения на такси. Будем считать, что мы получили предупреждение...

Вошла секретарша и доложила о прибытии товарищей из ОРУДа. Северцев попросил тотчас же провести их в кабинет.

— Я хочу познакомить вас с планом операции,— сказал он, когда орудовцы заняли места,— которая будет проведена в общегородском масштабе. В общих чертах план заключается в следующем...

...В начале четвертого Брайцев принес фотографию Дмитрия Басова и сообщил, что, по имеющимся сведениям, тот возвратился домой на рассвете и вновь вышел из дому в два часа дня, заметно прихрамывая на правую ногу. Но Северцев приказал пока не трогать его.

Гринюк, закончивший расследование по шестому таксомоторному парку, установил, что накануне кражи на Каширском шоссе Баг-

ров целый день провел в гараже, куда он заходил якобы за трудовой книжкой. Однако здесь же выяснилось, что трудовая книжка была получена им давно вместе с расчетом. Теперь стало ясно, откуда был добыт номерной знак для автомашины.

В помещении отдела было как-то необычно тихо. Готовилась операция. Шла охота за ургановской бандой.

И наконец мышеловка захлопнулась.

Около двух часов ночи на Можайском шоссе, не доезжая Кунцева, наряду милиции, находившемуся здесь, удалось окружить троих, пытавшихся захватить машину; четвертый бежал и, отстреливаясь на ходу, легко ранил в плечо лейтенанта Кондрашина. Но, повидимому, и сам был ранен. Быть может, легко, но ранен.

Утром на допросе арестованные отказались назвать свои имена. Для опознания задержанных в угрозыск были приглашены Валежин и Корнеева.

Как показал Валежин, бандитов, которые напали на него на Дмитровском шоссе, среди арестованных не было. Корнеева тоже не узнала никого.

Значит, торжествовать еще было преждевременно: часть банды продолжала разгуливать по Москве.

Водитель такси Вартанов, которому среди других фотографий показали портрет Басова, узнал в нем четвертого бандита, ранившего лейтенанта Кондрашина. Однако Северцев вновь не разрешил трогать Басова, рассчитывая, что, находясь на свободе, он рано или поздно выведет на след последних остатков бандитской группы.

12

Ночью по телефону была вызвана «Скорая помощь». Машина прибыла к дому на Вятской улице и, взяв больного, доставила его в ближайшую больницу. Ближайшей больницей оказалась Боткинская.

В регистратуре старик-отец, приехавший вместе с больным, объяснил, что его сын Дмитрий Басов был ранен ночью неизвестным гражданином, неожиданно напавшим на него, а затем исчезнувшим.

Пострадавшего подняли в операционную. Ранение не представляло угрозы для жизни: пройдя касательно, пуля слегка поцарапала берцовую кость и застряла в мякоти. Дежурный хирург без труда извлек пулю, наложил несколько швов и хотел было отправить больного в палату, но вдруг заметил, что у него сильно

ободрана и правая нога. Кожа успела покрыться коркой и начинала гноиться.

— Где это вас так? — спросил врач.

— Позавчера. Катался на велосипеде,— неохотно ответил больной.

Его поместили в большой палате, где лежали уже выздоравливающие.

Одновременно с ним в больнице появилась новая сестра. Этому никто не придал значения: сестры в отделении менялись часто. Новенькая всем понравилась. Она оказалась заботливой и внимательной. Но особым ее расположением пользовался Басов — необщительный, молчаливый больной, лежащий у стены. Звали сестру Людой, фамилия ее была Араличева.

Сотрудник научно-технического отдела майор Игнатьев неторопливо изучал предметы, которые в качестве вещественных доказательства переслали из Боткинской больницы. Предметов было немного: брюки и трусы Басова, пробитые пулей, сама пуля и медицинское заключение о характере и обстоятельствах ранения.

Эти обстоятельства вызывали серьезные сомнения у Игнатьева и вступали в вопиющие противоречия с вещественными доказательствами. Как объяснил сам пострадавший, он был ранен неизвестным, стрелявшим в него в упор. Однако характер разрывов на одежде Басова и поверхность брюк, где не было никаких признаков копоти или частиц пороха, неизбежно остающихся на одежде, если выстрел сделан в упор, убеждали, что стрелявший в Басова находился от него на значительном расстоянии. Более того, пуля, попавшая в Басова, почти совсем утратила свою первоначальную скорость, иначе ранение было бы сквозным.

Через несколько часов после того, как Игнатьев поделился своими соображениями с Северцевым, в научно-технический отдел принесли пистолет милиционера, из которого тот ранил преступника, скрывшегося во время операции на Можайском шоссе. Контрольные стрельбы в тире с пластилиновым пулеуловителем показали, что пуля, извлеченная из тела Басова, была выпущена именно из этого милицейского пистолета. Таким образом, стало ясно: Басов является тем самым четвертым преступником, которого не удалось задержать на Можайском шоссе.

В биологическом секторе исследовали состав крови, которой была обильно пропитана одежда Басова. Кровь относилась ко второй группе. Но Северцев просил, чтобы на этот раз были произведены и дополнительные, новейшие исследования. С помощью тончайших иммунологических реакций сотрудники биологического отдела установили, что кровь Басова идентична с кровью, обнаруженной на паркете в квартире Лосева.

Однако, располагая такими данными, Северцев все же решил сделать еще одно небольшое уточнение — исследовать и обувь. Как известно, кровь на паркете была растерта подошвой. Под подошвой или на нитях, скрепляющих рант, могли сохраниться следы высохшей крови. Но, несмотря на самое тщательное исследование, никаких следов, свидетельствующих о присутствии крови, на обуви не нашли. Северцев продолжил эксперимент и подверг анализу обувь всех задержанных.

Но и здесь его постигла неудача. Он не стал отчаиваться, заявив, что откладывает дальнейшее продолжение этого опыта до новых, более лучших времен.

...Ситуация в Боткинской больнице с каждым днем осложнялась.

Басов начал заметно нервничать. Рана на ноге стала заживать, и теперь он не упускал случая, чтобы не обратиться с просьбой выписать его из больницы и перевести на амбулаторное лечение. Басова, очевидно, немало тревожило то состояние полной неизвестности, в котором все это время он пребывал. Передачи приносила мать, и, судя по их переписке, полностью контролируемой Араличевой, мать и не подозревала о том образе жизни, который вел ее сын.

Он упрямо искал способов установить связь с внешним миром, и эта лихорадочная поспешность, граничащая уже с полным отчаянием, передала в руки следствия недостающие нити и привела за решетку еще одного из участников банды.

Узнав о том, что сосед по палате, некий Осетров, выписывается домой, Басов начертил на клочке бумаги план, по которому просил его разыскать дом и передать на словах девушке по имени Соня, чтобы она пришла навестить его. Осетров, не подозревавший ничего худого, охотно согласился исполнить эту просьбу. Но в регистратуре к Осетрову подошел Северцев и предложил отдать ему начерченный Басовым план. Миссию порученца Басова взял на себя Сергей Васильевич Брайцев.

13

На окраине в одном из тихих переулков Брайцев нашел старый каменный дом. О возрасте его убедительно свидетельствовала сохранившаяся каким-то чудом табличка Российского общества страхования от огня. Эта табличка и была главным ориентиром плана, по которому шел Брайцев.

Он миновал арку-тоннель и, свернув налево, постучался в крайнее окно. Гринюк и Карпатов, сопровождавшие Брайцева, остались ожидать в воротах.

Занавеска дрогнула, и чьи-то загорелые руки приоткрыли окно.

— Вам кого? — спросил женский голос.

— Соню,— ответил Брайцев.— Я с Митей в больнице лежал. Он просил, чтобы я разыскал ее.

— С каким Митей? — переспросил тот же голос. В нем чувствовалась настороженность.

— С Басовым,— сказал Брайцев.— Если здесь не живет Соня,— значит, я ошибся. Виноват.— Он сделал шаг в сторону.

— Постойте. Это Басов вам дал адрес? — спросил тот же голос.

— Нет, Басов начертил мне план.

— Он находится при вас?

— Разумеется.

— Покажите.

Брайцев протянул в щель басовский клочок бумаги. Последовала длительная пауза. Эта осторожность даже обрадовала Брайцева.

«Неужели набрели на ту самую «малину»?» — с волнением подумал он.

Заскрипела тяжелая задвижка, и низкая деревянная, уже потрескавшаяся дверь отворилась. На пороге стояла девушка лет девятнадцати. Она была в коротком халатике, перевязанном пестрым шнурком, и в тапочках на босу ногу.

— Соня,— представилась она, протягивая Брайцеву руку.

Они миновали кухню, затем прихожую и наконец очутились в комнате с окном, куда только что стучался Брайцев.

На диване развалился в небрежной позе худощавый юноша и, как показалось Брайцеву, с бесцеремонной наглостью разглядывал его.

— Митя просил передать, что очень скучает и было бы хорошо, если бы вы нашли время навестить его. Вот, собственно, и все,— сказал Брайцев.

— А вы откуда знаете Басова? — спросил худощавый юноша.

— Моя фамилия — Осетров, Николай Васильевич, мы рядом в палате лежали, я уже говорил об этом.— Брайцев обернулся, ища глазами поддержку у девушки.

— Ну, как он?..— начала было девушка, но юноша перебил ее.

— А вы что, тоже болели? — спросил он.

— Да, аппендицит. Так, значит, вы придете? — обратился он опять к девушке.

— Возможно,— ответил за нее худощавый юноша и добавил: — Если, конечно, время позволит...

На этом Брайцев счел свою миссию оконченной и, попрощавшись, тем же путем, через темную кухню, вышел наружу.

В воротах, не замедляя шага, он прошел мимо Гринюка и Карпатова, и те только в конце переулка нагнали его.

— Кажется, тут «малина»,— сказал Брайцев, когда они завернули за угол.

Продолжение следует.

Две партии Алехина

Александр Алехин с детства увлекался шахматами. В своей книге «На пути к первенству мира» он рассказывает, что еще в возрасте 12 лет мог без шахматной доски, в уме анализировать позицию и вполне ясно представлять ход дальнейших событий. В те годы молодой Александр узнал о «шахматном чуде» — американском мастере Г. Пильсбери, который играл 20 партий одновременно «вслепую», то есть не глядя на доску. Когда говорят о шахматной игре «вслепую», то кое-кто ошибочно предполагает, что «слепому» участнику игры завязывают глаза. Это не так. Сеансер не видит досок противника, и ему устно передают ходы, которые делают играющие против него, а сеансер также устно объявляет свои ответные ходы.

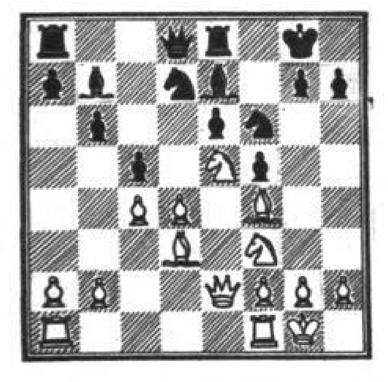
Шестнадцатилетний Алехин без труда играл по нескольку партий одновременно, не глядя на доску.

В 1914 году, когда разразилась первая мировая война, в Мангейме был прерван международный турнир. Его участники, в том числе и А. А. Алехин, были интернированы. Они убивали время «за шахматами». Из-за отсутствия шахматных досок играли «вслепую».

В 1916 году, находясь в госпитале в Тернополе и будучи прикован к кровати, А. Алехин охотно давал лежа сеансы одновременной игры местным шахматистам и для «уравнения» шансов играл «вслепую»... В этот период он сыграл одну из самых блестящих своих партий не глядя на доску.

Алехин — Фелдт

1. e2—e4 e7—e6. 2. d2—d4 d7—d5 3. Kb1—c3 Kg8 — f6 4. e4 : d5 Kf6 : d5 5. Kc3 —e4 f7—f5? 6. Ke4 — g5 Cf8 —e7 7. Kg5—f3 c7—c6? 8. Kf3—e5 0—0 9. Kg1—f3 b7—b6 10. Cf1—d3 Cc8—b7 11. 0—0 Лf8 — e8 12. c2 — c4 Kd5—f6 13. Cc1—f4 Kb8—d7 14. Фd1—e2 c6—c5.

В позиции, изображенной на диаграмме, совершенно неожиданно последовал великолепный ход Алехина:

15. Ke5—f7!! Kpg8 : f7

«Почему же не взять коня?» — подумал партнер.

16. Фe2 : e6+!!!

И все стало ясно! Жертвой коня Алехин заставил противника выйти «из своих ворот», а затем эффектной жертвой ферзя загоняет в матовую сеть. Если черные отвечают на этот неожиданный удар взятием ферзя 16... Kp : e6, то следует красивый мат в центре доски — 17. Kf3—g5 мат! Так играл А. Алехин «вслепую» и к тому же больной!

16... Kpf7 — g6

Или 16... Kpf8 17. Kg5 — и все!

17. g2—g4. Черные сдались.

Мат неизбежен. На 17... Ce4 следует 18. Kh4 мат.

На редкость красивое окончание!

Рекордсменами в области сеансов «вслепую» в то время были: американец Г. Пильсбери, венгерец Ю. Брейер (он играл 25 партий одновременно), чехословацкий гроссмейстер Р. Рети (29 партий). Но А. Алехин побил все рекорды: на выставке в Чикаго он в 1932 году играл одновременно 32 партии!

Это фантастическое достижение шахматной памяти поражало и знатоков. Отвечая на многочисленные вопросы любителей шахмат, Алехин объяснял, что это, видимо, своеобразный талант, полученная от природы исключительная шахматная память, а затем хорошее знание шахматной доски.

Помимо всего этого, нужно было быть еще и очень сильным шахматистом,— ведь, например, в сеансе на 26 досках в Нью-Йорке против Алехина играли такие известные мастера, как И. Кэждэн, Г. Стейнер, А. Кевиц.

Какова же техника такой игры? Перед сеансом Алехин разбивал своих противников на группы. Так, в рекордном сеансе он начал первые шесть партий ходом 1. e4, следующие шесть — 1. d4 и так далее, а последние две партии — ходом 1. c4. Но... все это, конечно, легче рассказать, чем выполнить.

Несмотря на блестящие успехи А. Алехина в сеансах «вслепую», он сам считал, что в творческом отношении они бесполезны для шахматиста. А мы добавим — даже вредны! Это — просто эффектное зрелище, которое если и пользовалось успехом на известном этапе, то лишь как пропаганда шахматной игры среди людей, не посвященных в нее. Сеансы игры «вслепую» подрывали здоровье, изнашивали нервную систему.

В дальнейшем А. Алехин забросил этот трудный мозговой аттракцион. Лишь незадолго до смерти, находясь в Португалии, ему, очевидно, в поисках заработка, пришлось снова продемонстрировать свое непревзойденное искусство сеансера «вслепую». Вот партия, сыгранная А. Алехиным в возрасте 53 лет.

Алехин — Супико

После 1. e4 e5 2. d4 e : d 3. c3 d : c 4. K : c3 Cb4 5. Cc4 Фe7? 6. Ke2 Kf6 7. 0—0 0—0 8. Cg5 Фe5 9. C : f6 Ф : f6 10. Kd5 Фd6 11. e5 Фc5 12. Лc1 Фa5 13. a3 C : a3 14. b : a3 c6 15. Ke7 + Kph8 16. Фd6 Фd8 17. Kd4 b6 18. Лc3 c5 19. Kf5 Ca6, возникла следующая позиция:

Здесь А. Алехин сделал ошеломляющий ход:

20. Фd6 — g6!! ...

Партнер обрадовался, что «слепой» Алехин зевнул ферзя, и стал думать, как лучше взять этот неожиданный подарок гроссмейстера. Но Алехин тут же добавил, что объявляет мат в четыре хода! Действительно: как бы черные ни играли, мат неизбежен.

Не хотим лишать вас удовольствия, товарищи читатели, проверьте сами...

С. ФЛОР

Так выглядела крыша надстроенного вагона для жирафов; когда ее вскрыли, головы животных поднялись почти на метр выше надстройки.

РЕДКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Из Южной Родезии (Африка) в Ленинградский зоопарк доставлены два жирафа.

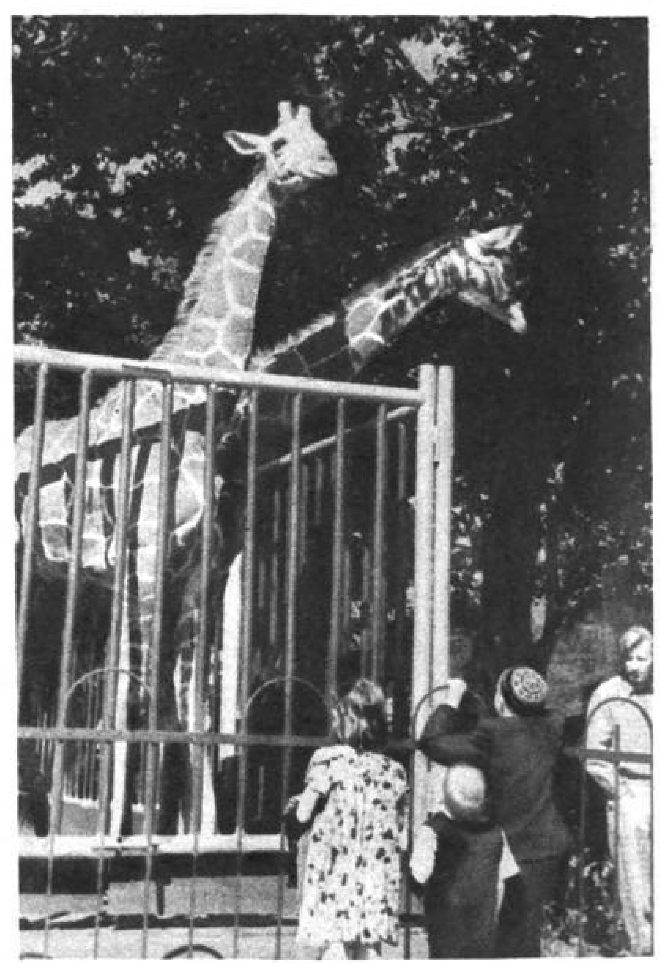
Жираф — одно из интереснейших современных животных. Тело его короткое, плотное, а ноги и шея несоразмерно вытянуты. Высота животного до шеи достигает 3 метров, голова же находится на высоте 5—6 метров.

Питаются жирафы почти исключительно листвой деревьев. Спокойные движения пасущихся жирафов величественны и грациозны. На бегу они переходят в тяжелый и неуклюжий галоп, во время которого их головы и длинные шеи смешно раскачиваются.

Нелегка была транспортировка этих высоких животных по железной дороге. Пришлось оборудовать специальный вагон, который в некоторой мере соответствовал высоте жирафов, но не выходил из безопасных для движения габаритов. Высота вагона на метр превышала обычную, и все же жирафы поместились в нем только с наклоненными шеями.

В. АЛЕКСАНДРОВ,
заведующий научной частью зоопарка.

Фото Ю. Левковича.

Далекий и трудный путь окончен. Жирафы в вольере Ленинградского зоопарка.

При перевозке жирафов по городу головы животных могли задеть электрические провода. Поэтому впереди транспортера с жирафами пришлось пустить аварийную вышку, которая там, где это было необходимо, приподнимала провода.

— Наглец! Он явно хочет получить взятку... Ну, я ему покажу, где раки зимуют.

...и показал!

Рисунки Н. Лисогорского.

Перемирие

Из рассказов охотника

Вахтанг АНАНЯН

Однажды заяц, за которым мы долго гнались, кинулся в лисью нору. А ведь хозяйка была дома: на снегу ясно виднелись ее следы, ведшие внутрь. Бедный лопоухий, до чего же ему был страшен охотник, раз он, не колеблясь, предпочел встрече с ним жилище своего заклятого врага!..

С нами была лопата. Начали мы было раскапывать нору, да разве доберешься так скоро до гостиной кумушки-лисы?.. Один только коридор в ее квартире иной раз метров на десять тянется. Не скоро разроешь.

Мы помялись смущенно: не торчать же здесь в самом деле целый день! Но и уйти жалко: и лиса там, в норе, и заяц. А на зайца мы столько сил потратили. А кому же в конце концов удружили? Лисе...

Сидела, должно быть, голодная и зубами щелкала, а тут вдруг, гляди: добыча сама, своими ножками — топ-топ — к ней пожаловала! Удивительным показалось это, вероятно, лисе.

— Пойдем, ребята! — сказал наш товарищ Оганес.— Нам тут делать больше нечего: нам был нужен заяц, но он попал в брюхо лисе.

— Нет, — возразил другой охотник, бывший солдат Месроп,— она не съела зайца, в эту трудную минуту они друзьями стали.

Мы засмеялись.

Ладно, но что же все-таки делать? Надо что-то придумать. Стоим, раздумываем, а бывший солдат начал стучать по земле ручкой лопаты, прикладывать ухо, прислушиваться.

Отойдя от нас на расстояние, Месроп обрадованно вскрикнул:

— Здесь они, сюда!..

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво махнул рукой Оганес.

— По звукам... Вот до сих пор — пустота: это коридор квартиры рыжей. Пусто и здесь, только здесь пустота круглая. А дальше ни пустот, ни ходов. Значит, тут ее жилье. Чему вы удивляетесь? А как же врач, постукивая пальцем, узнает, расширилось ли сердце или образовалась пустота в легком? Ну, давайте-ка сюда лопату!

Солдат схватил ее и, рассерженный нашим невежеством, начал ожесточенно расшвыривать землю.

И вдруг крыша лисьего дома рухнула, и из-под нее высунулись две пары ушей, а за ними и остолбенелые мордочки лисы и зайца... Они сидели, уставившись друг на друга. Заяц, — сжавшись в комочек, в предчувствии, должно быть, неминуемой кончины, а лиса глядела и жадно и растерянно, но в то же время и беспомощно...

Да, бывший солдат оказался прав: в эту трагическую минуту, боясь нас, лиса заключила перемирие с зайцем...

Авторизованный перевод
с армянского
А. ГЮЛЬ-НАЗАРЯНА.

ОСЕЛ НА ПОСТУ

Джек Дентон рассказал эту историю в таверне:

— У одного короля — не помню уж, как его звали,— был советник-мудрец, советами которого король всегда пользовался. Вздумалось раз королю отправиться на охоту. Когда все уже было готово и короля окружала его свита, он приказал позвать своего советника и спросил его, не будет ли сегодня дождя. Мудрец заверил своего повелителя, что дождя не предвидится, и веселая кавалькада отправилась на охоту.

По дороге им повстречался крестьянин верхом на осле. Он посоветовал всадникам повернуть назад, потому что скоро будет большой дождь. Король и придворные ответили «ослиному наезднику» презрительной улыбкой и проследовали дальше. Но не проехали они и нескольких миль, как им пришлось пожалеть, что не приняли совета поселянина: внезапно разразившийся ливень промочил их до нитки.

По возвращении с охоты король жестоко разбранил своего советника и велел ему убираться на все четыре стороны, а крестьянина, предсказавшего дождь, приказал позвать к себе.

— Скажи мне,— обратился к нему король, — как ты узнал, что будет дождь?

— Мой осел подсказал мне,— ответил крестьянин.

— Как же он мог это сделать?

— Он навострил уши, ваше величество, а это всегда к дождю.

Король отпустил крестьянина с миром и приказал посадить осла на место советника-мудреца.

— И тут-то, — добавил Джек,— король сделал большую ошибку.

— Как это так? — спросили слушатели.

— А так, что с тех пор каждый осел хочет занимать какой-нибудь пост.

Из английского сборника «Остроумие и мудрость».

Перевел П. ОХРИМЕНКО.

Из почты «Огонька»

ЗАБАВНАЯ КАРТОФЕЛИНА

Работая в подшефном колхозе имени Куйбышева, Истринского района, я нашел на поле интересный экземпляр картофеля. Верх забавной картофелины несколько напоминает голову утенка.

В. ХИНЧИН

Москва.

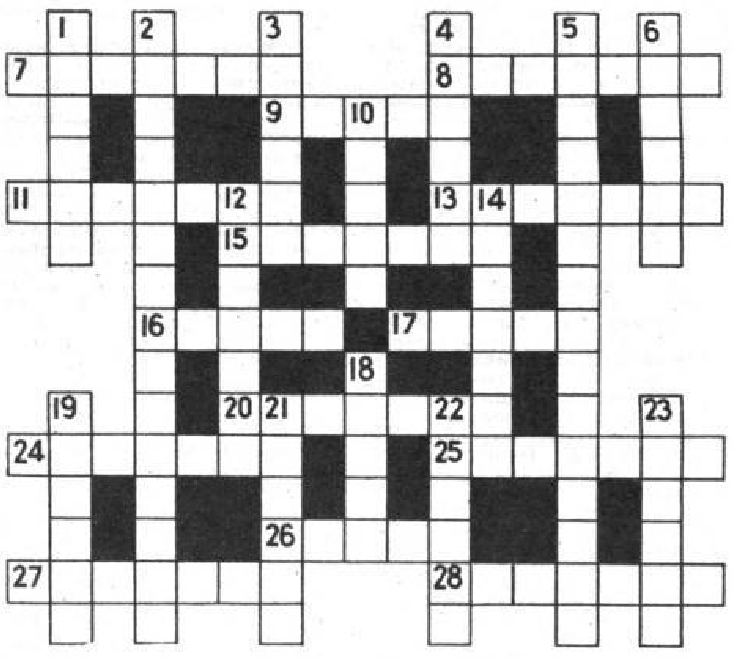
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Грядущее. 8. Древнегреческий драматург. 9. Глубинная кристаллическая горная порода. 11. Клумба. 13. Прием ухода за пропашными культурами. 15. План действий, намерение. 16. Озеро на севере Финляндии. 17. Совокупность приемов. 20. Город в Иране. 24. Народный артист СССР. 25. Часть прицельного прибора. 26. Категория демобилизованных военнослужащих. 27. Эфирно-масличное растение. 28. Река в Японии на острове Хоккайдо.

По вертикали:

1. Персонаж «Снегурочки» А. Н. Островского. 2. Разведение, выращивание. 3. Огородное растение. 4. Прием в технике игры на смычковых инструментах. 5. Методика преподавания слепым. 6. Бумага для размножения чертежей. 10. Областной центр в Киргизии. 12. Выпущенное в свет произведение печати. 14. Парламент в Исландии. 18. Старинный танец. 19. Полуостров Центральной Америки. 21. Вспомогательный глагол — часть составного сказуемого. 22. Стимулятор роста растений. 23. Дипломатическое выступление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

3. Дебют. 4. Глиэр. 9. Перспектива. 11. Погон. 12. Арысь. 13. Театрал. 15. Лемех. 16. Тонна. 17. Дефектоскопия. 18. Львов. 20. Бажов. 22. Камелия. 24. Налим. 26. Округ. 27. Копулировка. 28. Взвод. 29. Гелий.

По вертикали:

1. Люмен. 2. Слива. 3. «Демон». 5. Руссо. 6. Успех. 7. Месторождение. 8. Откат. 9. Понедельник. 10. Аранжировка. 13. «Теремок». 14. Лозовая. 19. Валун. 20. Бидон. 21. Царев. 23. Дунай. 25. «Молох». 26. Октет.

По страницам зарубежной печати

Книжечки-малютки

Эти две книжки, одни из самых миниатюрных в мире, изготовил Зигмунд Шкочный из Пьотровиц (Польша). Для наглядности они сфотографированы на монете в пять грошей (размером примерно в пятнадцатикопеечную советскую монету). Книжечки состоят из тонких листнов бумаги, сшитых шелком и взятых в переплет. Текст написан печатными буквами и может быть прочтен при помощи лупы. В одном томике описано силезское восстание, в другом — биографии некоторых деятелей Польши.

«Панорама».

На вкладках этого номера две страницы репродукций картин художников Индонезии и шесть страниц цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10398. Подписано к печати 10/X 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 979. Заказ № 2705.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Хорошо поработали летом юннаты Михайловского детского дома в Чимишлийском районе Молдавии. На их участках уродились огромные тыквы, арбузы, кабачки. Слева направо: Катя Агатьева, Надя Петрова и Галя Герляга — участницы Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Фото А. Шапиро.

Цена номера 3 руб.